

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). <i>Т. Бутневича</i>	598—621
Патріархъ Фотій (848—892 гг.). (окончаніе). <i>И—на</i>	622—650
Нѣсколько словъ по поводу книги Николая Астафьева. Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. <i>А. Рождественна</i>	651—671
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
О матеріи и силѣ. Архимандрита <i>Бориса</i>	347—368
Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). <i>И. Норсунскаго</i>	369—388
III. ЛИСТОБЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	

Содержаніе. Спасовъ Святоторскій Скитъ. — Отчетъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. — Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. — Программа занятій Съѣзда духовенства Кулинскаго училищнаго округа, вмѣющаго бытъ 7 іюня сего 1889 года, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 24 апрѣля. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Хорошевскаго духовнаго пріюта. — Извѣстія и замѣтки. — Некрологъ. — Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. к. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго предложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Подухтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 15 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Пасловъ.*

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Въ царствованіе Александра I жизнь русской женщины получаетъ нѣсколько иное направленіе. Знакомство съ Франціею и непосредственное сближеніе во время отечественной войны съ жизнію западно-европейскихъ народовъ имѣли громадное вліяніе на нашу общественную и семейную жизнь. У насъ явились новые взгляды на женщину; заговорили объ «уваженіи къ прекрасному полу», о вѣжливости и деликатности, о признаніи въ женщинѣ человѣческаго достоинства, о женскомъ трудѣ и самообразованіи, о доступности для женщины литературнаго труда, о свободѣ, равноправности и т. д. И вотъ у насъ становится точь въ точь, какъ и во Франціи: являются женщины — писательницы — Безнина, Трубечкая; возникаютъ и женскіе журналы: «Аглая», «Кабинетъ Аспазіи», «Московскій Зритель», «Дамскій Журналъ», «Журналъ для милыхъ». Господствовавшія литературныя направленія — сентиментализмъ Карамзина и романтизмъ Жуковскаго — какъ нельзя лучше гармонировали съ духомъ времени, — даже шли нѣсколько дальше: стали указывать на человѣческое достоинство не въ однѣхъ только аристократкахъ и женщинахъ высшаго круга, но и въ поселянкахъ; предметомъ поэтической идеализаціи являются уже и пастушки, и цвѣточницы, и собирательницы ягодъ. Французскій лозунгъ — «свобода, равен-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 7.

ство и братство» сталъ лозунгомъ высшей гуманности. И вотъ, подъ вліяніемъ такого рода возрѣній, многіе молодые люди и пожилые вдовцы стали жениться на своихъ бывшихъ крестьянкахъ и работницахъ, дворянки начали выходить замужъ за своихъ крѣпостныхъ. Горничнымъ повезло необычайно; ихъ даже стали предпочитать самимъ барынямъ и барышнямъ.

— «Повидимому, вы рѣшительно предпочитаете горничныхъ».

— «Что дѣлать, сударыня, онѣ гораздо свѣжѣе».

Вотъ какіе взгляды, по свидѣтельству Пушкина, господствовали въ то время среди нѣкоторой части русскаго общества. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, имъ суждено было повториться и еще разъ.

Само собою понятно, что для русскаго общества немного получилось пользы отъ того, когда наши барыни первой четверти текущаго столѣтія взялись за ученые и литературные труды, а горничныя стали превращаться въ барыни. Плохими учеными были наши барыни. О нихъ еще Пушкинъ писалъ:

«Избави Богъ сойтись на балѣ
 «Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
 «Съ семинаристомъ въ женской шали
 «Иль съ академикомъ въ чепцѣ».

Изъ горничныхъ же выходили барыни самыя пустенькія и нерѣдко самыя развратныя. Онѣ ничего не дѣлали, занимались лишь собой и своимъ туалетомъ, на что, разумѣется, только и можетъ быть способна пустая, необразованная женщина, «по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ» ставшая барыней. Рисуя такой типъ русской женщины, дѣдушка Крыловъ пишетъ: «эта женщина такая, которая дѣлаетъ честь своему полу: днемъ спать, ночное время проводить въ забавахъ; туалетъ ея занимаетъ четыре часа; обѣденный и вечерній—пять; девять часовъ она проводитъ во снѣ, а прочее время употребляетъ для своихъ веселостей» ¹⁾. А между тѣмъ

¹⁾ ? О женщинахъ. Мысли старья и новья, стр. 175.

эта самая женщина, выльзшая въ свѣтъ изъ низшаго сословія, внесла съ собою и всѣ дурныя привычки, въ которыхъ она выросла. Нравственная зараза стала быстро распространяться не только въ среднихъ, но и высшихъ кругахъ; женскія добродѣтели стали встрѣчаться все рѣже и рѣже. Вотъ почему тотъ же дѣдушка Крыловъ имѣлъ полное основаніе сдѣлать замѣчаніе ¹⁾. «Въ нынѣшнемъ свѣтѣ, такъ, право, и самая честная женщина кажется подозрительною».

Къ счастью и благу Россіи въ 1825 году на престолъ возшелъ императоръ Николай. Разшатанность семьи, беспочвенность общественной жизни, ложныя начала воспитанія — вотъ первое, что обратило на себя серьезныя заботы правительства, руководимаго новымъ императоромъ. Противъ самовольныхъ и самочинныхъ разводовъ были приняты довольно строгія мѣры. Воля отца и власть родителей надъ дѣтьми получили снова твердую опору; возвращенію юношества былъ положенъ предѣлъ. Замогли пустыя разглагольствованія объ открытіи высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Надзоръ за университетами былъ возложенъ на генераль-губернаторовъ; женщинѣ было указано на семью, какъ на самую естественную область ея дѣятельности. Къ сожалѣнію, внѣшняя политика часто отвлекала вниманіе Николая Павловича отъ внутренней жизни Россіи; а между тѣмъ русское общество еще не успѣло окрѣпнуть настолько, чтобы противодѣйствовать новому наплыву «эманципаціонныхъ идей» Запада. Провозвѣстницей этихъ идей была извѣстная романистка *Жоржъ Зандъ*.

По словамъ нашихъ радѣтелей женской свободы и равноправности (Пашковъ, Авсеенко и др.), *Жоржъ Зандъ* въ своихъ романахъ произнесла «первое слово эмансипаціи и свободы чувства, первый смѣлый и откровенный протестъ женскаго сердца и женскаго характера противъ семейной и общественной дѣйствительности». «*Жоржъ-зандизмъ*, — говоритъ Авсеенко ²⁾, — звучалъ для русскихъ женщинъ какъ слово освобожденія, ободренія и оправданія тому, что онѣ инстинктивно

¹⁾ Ibid. стр. 174.

²⁾ Письма о женщинахъ. СПб. 1888, стр. 38—39.

уже сознавали и чувствовали. Передъ ними открывался просторъ новой жизни, вѣяло соблазномъ свободнаго, личнаго, активнаго чувства. Никто раньше изъ поэтовъ и романистовъ, не исключая ни Байрона, ни Бальзака, не говорилъ такимъ пламеннымъ языкомъ страсти, никто такъ не умѣлъ тревожить впечатлительность женскаго сердца, и никто, изображая даже фантастическихъ героинь и фантастическія положенія, не умѣлъ обставлять свои романы такимъ образомъ, что одаренная воображеніемъ и нервами читательница находила въ нихъ что-то тайно связанное съ ея собственными мечтами и чувствами. Никто, наконецъ, не умѣлъ въ такой степени, какъ Жоржъ-Зандъ, облагородить свободную любовь, дать ей нравственный смыслъ и оправданіе, сдѣлать ее какъ-бы привилегією избранныхъ натуръ, возстающихъ противъ обыденной житейской морали, противъ насилія надъ сердцемъ и душою». Совершенно противоположный этому отзывъ о той же самой г-жѣ Жоржъ-Зандъ мы встрѣчаемъ у многихъ безпристрастныхъ западно-европейскихъ мыслителей, въ томъ числѣ даже и среди франгузовъ. «Никто въ нашу эпоху общественнаго развращенія, — говоритъ, напр., д'Орвилли, — не имѣлъ болѣе вреднаго вліянія, какъ Жоржъ-Зандъ, этотъ положительный *méte-gigogne* прелюбодѣяній. Сколько она создала ихъ на свѣтъ! Каждая замужня женщина, бросавшая мужа или прямо заводившая любовника, непременно ссылалась на нее». ¹⁾ Сама Жоржъ-Зандъ лично представляется настоящимъ чудовищемъ разврата. Безобразная и неуклюжая, озлобленная въ душѣ противъ всѣхъ женщинъ, пользующихся семейнымъ счастіемъ и остающихся вѣрными данной у алтара супружеской клятвѣ, она развратничала со всякимъ встрѣчнымъ проходивцемъ; въ послѣдніе же дни своей жизни, когда къ прежнимъ недостаткамъ присоединилась еще старость, она обратила въ любовниковъ даже всѣхъ своихъ лакеевъ и садовниковъ своего замка ²⁾. Подъ вліяніе такой-то личности и руководство ея воззрѣній подпала наша молодежь тридцатыхъ и сороко-

¹⁾ ? О женщинахъ. Мысли старья и новья. Стр. 84.

²⁾ Ibid. стр. 84—85.

выхъ годовъ. Русскія женщины и въ особенности дѣвушки съ жадностію бросились на ея книги, но, разумѣется, поняли ихъ по своему, во всю ширь русской природы. Свободу чувства любви онѣ истолковали въ смыслѣ безусловнаго нравственнаго своеволія. Брачные узы, требованія долга и чести, общепринятые законы приличія были признаны цѣпами рабыни, недостойными свободнаго существа. Женщина должна быть уравниена во всемъ съ мужчиною: на образованіе и науку, умственный трудъ и совершенную независимость, литературную дѣятельность и общественное вліяніе она имѣеть такія же точно права какъ и мужчина, потому что въ своихъ умственныхъ способностяхъ и энергіи, честности и добросовѣстности она нисколько не ниже любого изъ мужчинъ. Такимъ образомъ уже въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія былъ прямо поставленъ вопросъ объ эмансипаціи женщинъ. Бракъ и заботы о семьѣ были признаны проявленіями одной низшей животной жизни, недостойными женщины образованной и свободной; надъ естественнымъ влеченіемъ дѣвушки выдти замужъ стали уже подсмѣиваться; христіанскія начала нравственности были объявлены «обыденною житейскою моралью», которою могли руководиться одни невѣжды, родительскую власть отождествили съ «семейнымъ деспотизмомъ» и т. д. Новая эмансипированная женщина потребовала для своей дѣятельности и новой области: науки, медицинской практики, преобразования общественной жизни, измѣненія житейскихъ отношеній; любовь, какъ союзъ половыхъ разновидностей, дозволялась лишь въ формѣ безусловной свободы; союзъ легальный или церковный былъ объявленъ приличнымъ только рабамъ и рабынямъ. Если первымъ мужчиною въ женскомъ образѣ должна быть признана несомнѣнно *Сталь*, то *Жоржъ-Зандъ* первая популяризировала ея идеи среди русскихъ женщинъ. Благодаря ей, и у насъ явился небывалый до тѣхъ поръ женскій типъ «синихъ чулковъ», какъ съ самаго начала стали называть въ Англіи женщинъ, стремившихся превратиться въ мужчинъ и потому не обращающихъ вниманія на свой костюмъ, а ярежливо ходившихъ въ синихъ чулкахъ при полумужскомъ, полуженскомъ покрое верхняго платья.

Почву, подготовленную идеями Жоржъ-Зандъ, скоро начали разрабатывать и свои доморощенные просвѣтители несчастной русской женщины. Кромѣ Чернышевскаго съ его извѣстнымъ нигилистическимъ романомъ — «Что дѣлать?» къ такимъ просвѣтителямъ сами эманципированныя наши женщины обыкновенно причисляютъ: Бѣлинскаго, Герцена, Дружинина, Добролюбова, Писарева, Авдѣева, Грановскаго, Странкевича и всѣхъ вообще сотрудниковъ злосчастнаго журнала, по ошибкѣ именовавшагося «Отечественными Записками»... Увы несчастныя, — онѣ, конечно, и не думали, что эти лица вовсе не были такого высокаго мнѣнія о женщинахъ и ихъ умственныхъ способностяхъ, какъ имъ хотѣлось. «Воспитаніе женщины, говорилъ, напр., Бѣлинскій, должно гармонировать съ ея назначеніемъ, и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ и простодушномъ незнаніи; въ этомъ смыслѣ ея односторонность — ея достоинство; мужчинѣ же открыть весь міръ, всѣ стороны бытія» ¹⁾. Отзывъ Авдѣева нашими учеными женщинами можетъ быть признанъ даже оскорбительнымъ. Вотъ какъ онъ отозвался объ умственныхъ способностяхъ женщины: «Женщины могутъ говорить очень остро и мило, но мнѣ не случалось въ серьезныхъ разговорахъ слышать отъ нихъ ничего кромѣ общихъ мѣстъ и парадоксовъ» ²⁾. Герценъ также былъ противникомъ женской эмансипаціи и въ отношеніи умственныхъ способностей ставилъ женщину гораздо ниже мужчины ³⁾. Замѣчательно, что даже Бокль, на котораго наши ученые женщины смотрятъ какъ на самаго авторитетнаго апологета женскаго образованія, и который въ Лондонѣ прочелъ даже публичную лекцію «О вліяніи женщинъ на успѣхи знанія», лекцію, которая тотчасъ же появилась и въ русскомъ переводѣ, — былъ далеко не высокаго понятія объ умственныхъ способностяхъ женщины. Вотъ его слова, взятыя нами изъ этой именно публичной лекціи ⁴⁾:

1) ? О женщинахъ. Мысли старыя и новыя. Стр. 159.

2) Ibid. стр. 152.

3) Ibid. стр. 162.

4) стр. 11

«Говоря безпристрастно, должно сознаться, что ни одно изъ величайшихъ твореній, научающихъ человѣчество и улаждающихъ жизнь его, не было произведеніемъ женщины. Въ поэзіи, въ живописи, въ ваяніи, въ музыкѣ самыя прекрасныя произведенія были дѣломъ мужчины. Ни одна женщина, какъ бы ни были благопріятны окружающія ея обстоятельства, не сдѣлала такого открытія, которое могло бы по своей важности составить эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго ума, это—факты, противъ которыхъ спорить не возможно».

Не смотря на все это, въ 50-хъ годахъ въ русскомъ обществѣ было заявлено настойчивое требованіе для женщины научнаго образованія и притомъ въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ понимали тогда науку вообще,—съ Фогтами, Бюхнерами, Молешотами, Лассальями; женщины искали науки не сухой и схоластически—безжизненной, а практической, опытной, съ непосредственнымъ примѣненіемъ къ жизни, и гарантировавшей улучшеніе общественныхъ отношеній. Ихъ идеаломъ была мужчина-женщина, обозванная на Западѣ «синими чулками». Правда, у насъ не было недостатка въ людяхъ, предупреждавшихъ русское общество отъ этого причудливаго увлеченія, не возлагавшихъ особыхъ надеждъ на женское *научное* образованіе и даже скептически относившихся къ самой способности женщинъ «разрабатывать науку». Такого взгляда на женскую правоспособность къ научному образованію придерживался даже любимый русскими женщинами поэтъ Лермонтовъ. «Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума», писалъ онъ ¹⁾. «Чтобы выучиться ихъ діалектикѣ, надобно опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики». «Женскій умъ», писалъ князь П. Вяземскій ²⁾, «не поддается положительной оцѣнкѣ. Умъ женщины иногда тѣмъ и ограничивается, но тѣмъ и обольщаетъ, и господствуетъ, что онъ отмѣнно чутокъ на чужой умъ... Женщины, свіяя чулочницы или красныя чулочницы, или женщины политическія, парламентарныя, департаментскія—какія-то выродки, перестающія быть жен-

1) ? О женщинахъ. Мысли старыя и новыя. Стр. 178.

2) Ibid. стр. 161.

щиной и неспособныя быть мужчиной». «Женщины, не узнавая своихъ природныхъ и законныхъ силъ», говорилъ Гончаровъ ¹⁾, «вторгаются въ область мужской силы,—и отъ этого захвата вся неурядица». «Мечтать о томъ»,—говоритъ профессоръ Шкляревскій ²⁾ «чтобы съ помощію воспитанія или общественнаго устройства можно было сдѣлать женщину подобною мужчинѣ, значить колоссально заблуждаться относительно размѣровъ нашихъ собственныхъ силъ и относительно нашей независимости отъ общихъ законовъ природы. Мы безсильны произвести подобный регрессъ нашей природы,—и въ этомъ наше счастье». Русскіе ученые не были, впрочемъ, враждебны образованію русской женщины, но проектированное ими образованіе не всегда было тѣмъ, какого хотѣлось самимъ женщинамъ. «А ужъ какъ бы женщины у насъ нуждались въ хорошемъ образованіи, пишетъ, напр., Б. Маркевичъ ³⁾, но въ моей мысли образованіе это должно опять-таки прежде всего служить естественному и неизмѣнному призванію женщины—быть матерью»...

Историку женскаго образованія въ Россіи остается однакоже только отмѣтить; что голосъ благоразумныхъ русскихъ людей не былъ выслушанъ съ должнымъ вниманіемъ. Настоячивому домогательству женщинъ должно было сдѣлать уступку, и правительствомъ 10-го мая 1860 года было опубликовано «положеніе о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія». По этому «положенію», было установлено два вида женскихъ учебныхъ заведеній: училища перваго разряда и училища втораго разряда. Существенное различіе между этими училищами состояло только въ объемѣ учебнаго курса. Само собою понятно, что русское общество ухватилось только за училища перваго разряда; училища втораго разряда почти нигдѣ и не были открываемы. Какъ раздѣленіе этихъ учебныхъ заведеній на два вида, такъ и постановка преподаванія учебныхъ предметовъ были взяты нами

¹⁾ Ibid. стр. 165.

²⁾ Ibid. стр. 204—205.

³⁾ Ibid. стр. 181.

цѣликомъ у нѣмцевъ. Учебные предметы раздѣлены на два рода: обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ предметамъ отнесены: 1) Законъ Божій, 2) русскій языкъ—грамматика и словесность, 3) ариѳметика и понятіе объ измѣреніяхъ (т. е. геометрія), 4) географія всеобщая и русская, 5) исторія всеобщая и русская, 6) начальныя основанія естественной исторіи и физики, 7) чистописаніе и 8) рукодѣліе ¹⁾. Необязательными предметами были названы: французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцы.

Но, спрашивается, такой ли постановки женскаго образованія жаждала та часть русскаго общества, которая, кажется, и во снѣ бредила мечтами о женской эмансипаціи?—Очевидно нѣтъ. И дѣйствительно, учебныя женскія заведенія, поставленныя согласно «положенію» 1860 года, не удовлетворили многихъ и даже вызвали неудовольствіе, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, имѣло для себя достаточное основаніе. Ими были недовольны: 1) родители—по причинѣ чрезмѣрнаго обремененія дочерей умственными работами въ ущербъ физическому здоровью и требованіямъ семейной жизни; 2) дѣвѣцы,—которымъ школьныя науки казались слишкомъ сухими и безжизненными, а аттестатъ объ окончаніи курса ученія—безправнымъ, не гарантировавшимъ независимости и матеріальной самостоятельности въ жизни и не дававшимъ права за школьную выучку брать деньги; 3) начальствующіе, преподаватели и воспитательницы. Сѣтованіе послѣднихъ заслуживало наибольшаго вниманія. Оно состояло въ слѣдующемъ. Женскимъ училищамъ была указана «положеніемъ» 1860 года цѣль высокая и священная: они должны были «сообщить ученицамъ то *религіозно-нравственное* и умственное образованіе, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ *будущей супруги и матери семейства*» (§ 4). Выполненіе

¹⁾ Здѣсь мы назвали лишь учебные предметы, которые были изучаемы въ училищахъ перваго разряда. Къ предметамъ училищъ 2-го разряда «положеніемъ» отнесены: 1) Законъ Божій, 2) русская грамматика, 3) русская исторія и географія въ сокращенномъ объемѣ, 4) первыя четыре правила ариѳметики надъ простыми и именованными числами, 5) чистописаніе и 6) рукодѣліе.

этой задачи было возложено, конечно, на лицъ, завѣдующихъ учебнымъ заведеніемъ, а между тѣмъ въ ихъ руки не было дано никакихъ средствъ для достиженія столь высокой цѣли. Достаточно сказать, что училищамъ этимъ даже не предоставлено права въ какую-либо седмицу великаго поста прекращать ученіе для того, чтобы дать ученицамъ возможность выполнить важнѣйшую обязанность каждаго христіанина—говѣть. О другихъ средствахъ религіозно-нравственнаго воспитанія нечего, конечно, и говорить. Кромѣ того, по всему видно что сами составители «положенія» 1860 года имѣли въ виду исключительно только одно *обученіе*; о воспитаніи, кромѣ § 4, нигдѣ даже и не упоминается ни единого слова во всемъ «положеніи». Наконецъ, по «положенію» (§ 2), учреждаемыя на основаніи его училища объявлены заведеніями открытыми, т. е., предназначенными собственно для ученицъ приходящихъ, — другими словами, — это такія школы, въ которыхъ ученицы проводятъ гораздо меньше времени, чѣмъ на улицахъ или въ домахъ родителей. Но, спрашивается, могутъ ли лица, которымъ ввѣрены эти училища, взять на себя всю отвѣтственность за религіозно-нравственное направленіе ученицъ при данныхъ условіяхъ? Не удивительно послѣ этого, что вездѣ, гдѣ такія училища были ввѣрены людямъ честнымъ и добросовѣстнымъ, скоро начали раздаваться жалобы на ихъ безсиліе въ достиженіи нравственно-воспитательныхъ цѣлей. Въ Харьковѣ, напр., женское училище перваго разряда было открыто 16-го августа 1860 года. Но въ 1865 году, т. е. спустя четыре года послѣ открытія, педагогическій совѣтъ этого училища уже жалуется на встрѣченное имъ непреодолимое затрудненіе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія ученицъ. «Наблюденіе за нравственнымъ развитіемъ воспитанницъ маріинскаго училища», — говоритъ онъ въ своемъ публичномъ отчетѣ за 1865—66 учебный годъ (стр. 21), — «не можетъ вполнѣ лежать на обязанности одного училища. Онѣ большую часть своего времени проводятъ дома, а потому на каждой изъ нихъ отражается вліяніе окружающей среды, а въ какомъ разнообразіи является у насъ эта среда, — извѣстно всякому. Если есть родители, идущіе объ руку съ училищемъ, то должно сознаться, что есть

и парализующіе его вліяніе»... Имѣйте, читатель, въ виду, что вы слышите рѣчь осторожнаго и осмотрительнаго оффиціального документа.

Всѣ эти жалобы и сѣтованія были выслушиваемы какъ обществомъ, такъ и правительствомъ; но удовлетвореніе рѣшено было дать лишь жалобамъ нашихъ ученыхъ дѣвушекъ ¹⁾. Чтобы онѣ могли получать деньги по окончаніи школьнаго образованія, 23 апрѣля 1868 года было дозволено при женскихъ училищахъ перваго разряда открывать «педагогическіе курсы», иначе называемые теперь «спеціальными классами», а самыя училища впоследствии были переименованы въ «женскія гимназіи». Цѣль открытія педагогическихъ курсовъ полагалась въ томъ, чтобы «воспитанницы, по окончаніи ими общаго курса, могли *изучить основательно* избранные ими предметы и потомъ достойно *занять мѣста* преподавательницъ и воспитательницъ». Къ учебнымъ предметамъ въ этихъ педагогическихъ курсахъ были отнесены: 1) Законъ Божій (2 урока въ недѣлю), 2) русскій языкъ и словесность (5 уроковъ въ недѣлю), 3) исторія (2 урока въ недѣлю), 4) географія (2 урока въ недѣлю), 5) математика (5 уроковъ въ недѣлю), 6) физика (2 урока въ недѣлю), 7) естественная исторія (3 урока въ недѣлю), 8) нѣмецкій языкъ (3 урока въ недѣлю), 9) французскій языкъ (3 урока въ недѣлю) и 10) педагогика (2 урока въ недѣлю). На *основательное изученіе* этихъ предметовъ назначенъ *одинъ годъ*, въ теченіе котораго должны быть ведены еще теоретическія и практическія занятія (писаніе сочиненій и дежурства въ младшихъ классахъ гимназій вмѣстѣ съ веденіемъ педагогическихъ дневниковъ) и сданы пробные уроки. Полагаемъ, что къ сказанному на основаніи самаго «положенія о педагогическихъ курсахъ» не требуется уже никакихъ комментариевъ... Но удовлетворились ли, по крайней мѣрѣ, этими

1) На сѣтованіе воспитателей министерство обратило вниманіе только въ прошломъ году, давъ право гимназическимъ директорамъ убѣждать родителей, «парализующихъ вліяніе школы», не помѣщать въ нее своихъ дѣтей. Будемъ же надеяться, что въ недалекомъ будущемъ обратятъ надлежащее вниманіе и на жалобы родителей.

«педагогическими курсами» при женскихъ гимназіяхъ или «спеціальными классами» наши дѣвицы, жаждавшія права за свое «научное образованіе» и хлопотавшія о своей матеріальной независимости и объ освобожденіи отъ семейнаго деспотизма? Разумѣется, — нѣтъ! Да имъ вовсе не того и хотѣлось: ихъ начало тянуть уже къ *университетамъ* ¹⁾.

Правительство наше было настолько внимательно къ запросу на женское образованіе, что имѣло терпѣніе выслушивать ходатайства русскихъ женщинъ и объ ихъ университетскомъ образованіи. Въ первый разъ въ Россіи было подано прошеніе о допущеніи женщинъ въ университетскія аудиторіи и именно по медицинскому факультету въ 1864 г. По этому поводу совѣтъ с.-петербургскаго университета обратился за разъясненіями въ нашъ такъ называемый медицинскій совѣтъ. Медицинскій совѣтъ оказался либеральнѣе университетскаго начальства: 21 мая того же года онъ объявилъ с.-петербургскому университету, что онъ не видитъ никакихъ препятствій къ допущенію женщинъ слушать лекціи и получать университетскія степени, необходимыя для медицинской практики. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что прежде, чѣмъ дать женщинамъ прямое дозволеніе посѣщать университетскія аудиторіи въ качествѣ студентовъ, наше правительство нашло нужнымъ запросить по этому поводу *всѣ* русскіе университеты. Какіе же были получены отвѣты? — Многіе изъ университетовъ (с.-петербургскій, харьковскій, кіевскій и казанскій) въ своихъ отвѣтахъ представили даже цѣлую апологію женскаго университетскаго образованія. Вотъ, напр., какой отзывъ на вопросы департамента народнаго просвѣщенія ²⁾ представилъ совѣтъ с.-петербург-

¹⁾ «Появились», — говоритъ объ этомъ времени В. Авсеенко, — «ученныя реалисты для которыхъ наука имѣла привлекательность лишь настолько, насколько это была матеріальная наука, позволявшая имъ пластать трупы и толковать о физиологическихъ законахъ и отправленияхъ». Письма о женщинахъ. Спб. 1888. Стр. 77.

²⁾ Вопросы эти были предложены въ слѣдующей формѣ: 1) Могутъ-ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій, совместно со студентами? 2) Какіи условія должны быть постановлены при такомъ допущеніи? и 3) Могутъ-ли такіа лица быть допускаемы къ испытанію на ученныя степени, и какимъ правомъ, въ случаѣ выдержанія испытанія, онѣ должны пользоваться.

скаго университета. <1) Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій, по какому бы то ни было факультету, признается не только не представляющимъ никакихъ препятствій, но даже справедливымъ и полезнымъ, какъ то будетъ объяснено ниже, при изложеніи доводовъ, которыми руководилась комиссія, постановляя такое опредѣленіе; 2) допущеніе лицъ женскаго пола установить на общемъ основаніи съ вольнослушателями какъ по отношенію лѣтъ, такъ и платы; наконецъ, 3) разрѣшить имъ подвергаться испытанію на всѣ ученыя степени и получать дипломъ, который бы давалъ имъ право: 1) на штатныя учительскія и воспитательныя должности въ высшихъ женскихъ (?) учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ, 2) на медицинскую практику> .

Какими же, спрашивается, доводами руководствовалась с.-петербургскій университетъ или, вѣрнѣе, избранная имъ временная комиссія для рѣшенія предложенныхъ вопросовъ, — давая свой отзывъ? — «Временная комиссія, — говоритъ совѣтъ с.-петербургскаго университета, руководствовалась при этомъ слѣдующими соображеніями. Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ курсовъ могло представлять, и въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ представляетъ, только одно препятствіе, а именно *новости самаго явленія* ¹⁾ и исторической привычки къ противоположному порядку дѣла. Англійскіе, французскіе и нѣмецкіе университеты не допускаютъ присутствія женщинъ на своихъ лекціяхъ по историческому преданію, сложившемуся въ *монастырскую эпоху* (!) средневѣковыхъ университетовъ; не говоря о допущеніи женщинъ, для Оксфордскаго университета, можетъ еще и теперь существовать, какъ серьезный вопросъ, — вопросъ о разрѣшеніи студентамъ носить, вмѣсто полумонашескаго костюма (?), костюмъ свѣтскій ²⁾. Другіе западные университеты, въ этомъ отноше-

1) А ниже с.-петербургскій университетъ будетъ говорить о томъ, что въ XV и XVI вѣкѣ «женщины не только изучали университетскіе курсы, но нерѣдко и читали ихъ съ кафедръ профессоровъ». Хороша «новость явленія!»

2) Эту туманную рѣчь с.-петербургскихъ профессоровъ можно передать проще: Оксфордскій университетъ настойчиво требуетъ, чтобы студенты носили форменное платье и запрещаетъ употреблять партикулярное до окончанія курса въ университетѣ.

ни, какъ и во многихъ другихъ, давно уже сдѣлали шагъ впередъ; но по отношенію вопроса о допущеніи женщинъ въ свои аудиторіи они продолжаютъ *носить монастырскую форму*. Только одна эпоха «возрожденія» въ XV и въ XVI вѣкѣ представляла исключеніе въ этомъ случаѣ, и женщины тогда не только изучали университетскіе курсы, но не рѣдко и читали ихъ съ кафедръ профессоровъ ¹⁾. Мы, въ своемъ запрещеніи, не имѣли бы даже и историческаго оправданія, оно перенесено было къ намъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ другими университетскими формами, и не стояло потому въ связи съ нашимъ общественнымъ духомъ, ни съ гражданскимъ и юридическимъ порядкомъ вещей. Наконецъ, насъ не можетъ удерживать непривычка и новостъ ²⁾, потому что въ теченіе послѣднихъ *двухъ-трехъ лѣтъ* аудиторіи с.-петербургскаго университета были посѣщаемы лицами женскаго пола *въ большомъ числѣ*. Потому, на основаніи опыта, мы можемъ утверждать, что присутствіе дамъ въ аудиторіи не только никогда не подавало повода ни къ какому безпорядку, но даже, напротивъ, могло держать студентовъ въ предѣлахъ самаго строгаго приличія ³⁾. Точно также дамы не могли никогда препятствовать ученому, систематическому изложенію вопросовъ науки съ кафедры, потому что не профессора приходятъ читать дамамъ, но дамы приходятъ слушать профессоровъ ⁴⁾. Еслибы профессоръ былъ стѣсненъ присутствіемъ дамы, на

1) Какъ бы удивился нѣмецъ-протестантъ или французъ, если-бы они узнали, что петербургскій университетъ навязываетъ имъ монастырскую форму и монастырскія традиціи. Да и какаѣ странная логика у нашихъ «мужей науки»: у те-перешнихъ нѣмцевъ сильны монастырскія традиціи, а въ XV и XVI вѣкахъ ихъ будто-бы совсѣмъ не было! По выраженію простаго русскаго народа, это значить «умъ за разумъ зашелъ».

2) Еще бы *насъ* да могло удержать что-либо!

3) Фактическое возраженіе противъ этого мы представимъ ниже.

4) По поводу этого разсужденія между прочимъ замѣтимъ, что по свидѣтельству Михайлова (автора статьи «Женщины въ университетѣ»), одинъ профессоръ и притомъ именно с.-петербургскаго университета прямо сказалъ одной молодой дѣвушкѣ, посѣщавшей его университетскія лекціи: «Знаемъ мы, зачѣмъ вамъ нужно ходить въ университетъ! Женяховъ ищите!» Срв. Е. Некрасовой «Изъ прошлаго женскихъ курсовъ». М. 1886, стр. 56.

основаніи предположенія неподготовленности и неразвитости, то для него не менѣе должно быть стѣснительно присутствіе вольнослушателей, которыхъ познанія и развитость ему одинаково неизвѣстны. Между тѣмъ, ни одинъ профессоръ не жаловался на присутствіе вольнослушателей въ своей аудиторіи. Если женщинѣ дано право быть читательницею книги, авторомъ произведенія, то на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницею лекцій. Профессоръ можетъ напечатать свои лекціи; думаетъ ли онъ при этомъ, что его напечатанная лекція не должна попасться въ руки женщины ¹⁾. Отчего же его могла бы смущать мысль, что, при прочтеніи этой же самой лекціи, можетъ присутствовать женщина. Различіе только въ органѣ воспріятія. Ни одинъ профессоръ не сдѣлаетъ при изданіи своихъ лекцій запрещенія дамамъ читать ихъ; почему же онъ могъ бы искать такого запрещенія при устномъ ихъ прочтеніи и т. д. Въ заключеніе с.-петербургскій университетъ даже ходатайствуетъ предъ правительствомъ о томъ, чтобы женщинамъ, поступившимъ въ университетъ, даны были нѣкоторыя льготы (должно быть, для бдльшаго и уже искусственнаго привлеченія ихъ въ университетскія аудиторіи), уменьшена плата за право слушанія лекцій и т. п. въ виду той *особой* пользы, которую Россія можетъ получить отъ распространенія женскаго университетскаго образованія ²⁾.

Съ отзывомъ с.-петербургскаго университета не были согласны только два университета: московскій, управленіе котораго тогда находилось въ рукахъ благоразумныхъ русскихъ людей, истинно любившихъ свое отечество, и дерптскій, какъ истинно *нѣмецкій* университетъ. Московскій университетъ на предложенные министерствомъ вопросы откровенно отозвался, что не слѣдуетъ допустить лицъ женскаго пола къ совмѣ-

¹⁾ Это разсужденіе, очевидно, написано, по школьному выраженію, «не на тему»: въ министерскомъ вопросѣ о допущеніи дамъ къ слушанію университетскихъ лекцій особенное удареніе сдѣлано на выраженіи — «совмѣстно со студентами».

²⁾ Замѣч. на проектъ общ. устава университетовъ. Слб. 1868 г., ч. II, стр. 522. Срв. Ж. Мишле, женщина, стр. 428—431.

стному со студентами слушанію университетскихъ лекцій ни подъ какимъ предлогомъ; потому что это «можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ».

Правительство было поставлено въ затрудненіе; оно не знало, что дѣлать. Оно не дало женщинамъ положительнаго права поступать въ число университетскихъ слушательницъ, но въ то же время какъ бы закрыло глаза, не желая видѣть, что творится въ стѣнахъ университетовъ. Это давало женщинамъ возможность посѣщать университетскія аудиторіи, проникая туда, такъ сказать, окольными путями. И, по ихъ понятіямъ, онѣ въ этомъ случаѣ поступали «на законномъ основаніи». По уставу русскихъ университетовъ 18-го іюня 1863 года, къ слушанію лекцій, сверхъ студентовъ, могли быть допускаемы и *постороннія лица*, (§ 90). Подъ этими то *посторонними лицами* (вѣдь не сказано же «мужчины»!) русскія женщины себя именно и разумѣли.

Конечно, въ такомъ неопредѣленномъ положеніи вопросъ объ университетскомъ образованіи женщинъ долго оставаться не могъ. И дѣйствительно, немного прошло времени, какъ женщины были удалены изъ университетскихъ аудиторій и для нихъ стали недоступными даже тѣ окольные пути, которыми онѣ до тѣхъ поръ пробирались въ университеты. Въ числѣ удаленныхъ была, между прочимъ, и извѣстная Сулова, первая изъ русскихъ женщинъ студентка швейцарскаго университета. Это удаленіе женщинъ изъ университетовъ наши проповѣдники женской эмансипаціи и равноправности стараются объяснить тѣмъ, что верхъ взяли противники высшаго женскаго образованія. На самомъ же дѣлѣ причина этого явленія была совершенно иная, а именно — студенческія исторіи, въ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали и «университетскія женщины»¹⁾. Дѣйствительно, послѣ этихъ

1) По словамъ В. Авсеенко, «любопытность студентовъ» обращалась не столько на лекціи и учебники, сколько на товарищество съ учащимися юношами, для нихъ общая скамья въ лабораторіи представляла интересъ преимущественно потому, что вела къ общей квартирѣ въ меблированныхъ мансардахъ». Письма о женщинахъ. Спб. 1888, стр. 76.

исторій женщинъ не стали пускать въ аудиторіи даже и въ качествѣ постороннихъ слушательницъ ¹⁾. Кошеваровой только слушательницѣ медико-хирургической академіи, не принимавшей участія въ студенческихъ беспорядкахъ, было дозволено оканчивать курсъ, хотя, впрочемъ, и въ видѣ исключенія... И она известна какъ первая женщина—врачъ, окончившая курсъ въ Россіи. Остальныя «университетскія дамы» бросились тогда въ Цюрихъ, Бѣрихъ, Женеву, Парижъ, Сорбонну и Гельсинфорскъ, гдѣ университетъ объявилъ открытымъ для женщинъ свой медицинскій факультетъ еще въ 1871 году ²⁾. Заграничныя университеты стали переполняться русскими женщинами. Въ особенности это нужно сказать о Цюрихскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію,—увы!—здѣсь обнаружилась горькая истина. Оказалось, что большинство женщинъ, обучавшихся въ Цюрихскомъ университетѣ, имѣло въ виду вовсе не научныя цѣли. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ оффиціальныи документъ. «Въ началѣ 60-хъ годовъ нѣскольکو русскихъ дѣвушекъ отправилось за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ Цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе 100 русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагоприятныя свѣдѣнія о нихъ. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентовъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченія въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества от-

1) Срв. Шашкова, стр. 289.

2) Ibid. стр. 290.

крылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библиотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ бесплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ. «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года» — вотъ обычные темы лекторовъ. Посѣщеніе сходовъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыхъ неопытныхъ головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, бесплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки поддаются подъ вліяніе вожаковъ эмиграція и становятся въ ихъ рукахъ послушнымъ орудіемъ. Иныя по два—по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламація и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивного брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ паля до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей»¹⁾. И такъ, вотъ что скрывалось у большинства женщинъ подъ благовиднымъ стремленіемъ къ университетскому образованію. И это совершалось предъ нашими глазами. Это было не далѣе 1873 года. «Древо познанія» снова раскрыло всю наготу женщины...

1) У Шашкова, стр. 296—299. По словамъ Авсеенко, эмансипированныя дамы новаго склада оправдывали себя такъ: «мы грѣшимъ не потому, что не можемъ устоять передъ порокомъ, а потому, что никакого порока тутъ нѣтъ». Письма о женщинахъ. Спб. 1888, стр. 57.

Между тѣмъ въ самой Россіи удаленіе женщинъ изъ университетовъ послужило причиною новаго явленія, которое заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманіе въ статьѣ, посвященной вопросу о женскомъ образованіи. Мы разумѣемъ взволновавшую русское общество мысль объ открытіи особаго «женскаго университета». Предъ нами книга Е. Некрасовой— «Изъ прошлаго женскихъ курсовъ: 1) Московскіе Лубянскіе курсы; 2) Петербургскіе врачебные курсы». Некрасова—сама курсистка и съ полною симпатіею относится къ вопросу о женскомъ образованіи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе она не могла скрыть всего комизма въ развитіи у насъ идеи «женскаго университета» и тѣхъ недостатковъ, которые не позволяютъ нашимъ «женскимъ курсамъ» выполнять своего прямого назначенія. Самое учрежденіе такихъ курсовъ она называетъ «попыткою неумѣлою и неудавшеюся»¹⁾.

Главнымъ центромъ всѣхъ предварительныхъ хлопотъ, такъ сказать, мѣстороженіемъ самой идеи «русскаго женскаго университета» на сей разъ явилась уже Москва. Въ Москвѣ было пять-шесть учительницъ, окончившихъ курсъ въ женскихъ училищахъ перваго разряда, но чувствовавшихъ себя недостаточно подготовленными къ веденію школьнаго дѣла. И вотъ онѣ то первыя въ домахъ своихъ знакомыхъ и между собою время отъ времени стали высказывать мысль о необходимости учрежденія въ Россіи такого женскаго учебнаго заведенія, которое бы, стоя выше женскихъ гимназій, имѣло своею спеціальною цѣлію—подготовлять умныхъ и опытныхъ преподавательницъ для женскихъ учебныхъ заведеній. Мысль эта нашла себѣ сочувствіе среди многихъ женщинъ. Нельзя же быть русской образованной женщиной настолько отсталою, чтобы не сочувствовать идеѣ высшаго женскаго образованія! Да этого, наконецъ, требовала мода, новостъ и оригинальность самой затѣи! И дѣйствительно, по откровенному признанію г-жи Некрасовой, многихъ женщинъ тянули въ собранія, въ которыхъ предварительно былъ обсуждаемъ этотъ вопросъ, со-

¹⁾ Стр. 6.

вершенно стороннія побужденія. Ихъ интересовалъ самый процессъ сборовъ, хожденій, непривычнаго шума, общей болтовни. «Собраніе женщинъ... засѣданіе... это что-то tout—à—fait original! это такъ мило, такъ забавно!» говорили многія изъ дамъ ¹⁾. Другія принимали въ этомъ дѣлѣ горячее участіе по честолюбивымъ побужденіямъ, представляя себя общественными дѣятельницами, которымъ послѣдующія поколѣнія женщинъ будутъ обязаны вѣчною благодарностію. Третьихъ подкупала таинственность самыхъ засѣданій, которыя могутъ вызвать даже преслѣдованіе со стороны правительства и т. д. И быть можетъ, только тѣ пять-шесть учительницъ, о которыхъ мы упомянули выше, оставались вѣрными первоначальной идеѣ и думали о дѣлѣ серьезно, по крайней мѣрѣ, съ ихъ точки зрѣнія...

Первое собраніе по поводу «женскаго университета» происходило въ Москвѣ въ іюнѣ или іюлѣ 1868 года ²⁾. Вотъ что рассказываетъ о немъ г-жа Некрасова. «Собралось въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Москвы пять незнакомыхъ между собою женщинъ и стали бесѣдовать о томъ, какъ бы подать въ московскій университетъ прошеніе объ открытіи... только чего?—вотъ вопросъ. Какъ назвать ту новую школу, которая не имѣла еще за собою предшественницъ? Названіе въ данномъ случаѣ почему-то казалось очень и очень важнымъ: назвать просто «школою», «учебнымъ заведеніемъ» казалось обиднымъ. Если назвать «женскимъ университетомъ», то можно подорвать дѣло въ самомъ начинаніи. Скажутъ: многого захотѣли!... Какъ написать прошеніе? На чье имя? Гдѣ собрать достаточное количество подписей?—Всѣ эти и подобныя вопросы были предметомъ обсужденія перваго собранія и представили много затрудненій; помочь разрѣшить эти затрудненія было некому». Но однимъ этимъ засѣданіемъ дѣло не кончилось. Напротивъ, засѣданія стали повторяться все чаще и чаще; число сочувствующихъ мысли объ откры-

¹⁾ Е. Некрасова, стр. 7.

²⁾ У Некрасовой, стр. 7. У Шашкова, стр. 289.

тія женскаго университета увеличивалось; собранія съ каждымъ разомъ дѣлались многочисленнѣе и шумнѣе. А какой богатый матеріалъ для комедій они могли бы доставить поэту, который пожелалъ бы обрисовать этотъ моментъ нашей общественной жизни въ дѣйствующихъ лицахъ одного женскаго пола! Можно себѣ представить, что происходило на *многочисленныхъ* собраніяхъ, въ которыхъ *живое* участіе принимали однѣ женщины! «Не зная, какъ взяться за дѣло, рассказываетъ Некрасова, женщины невольно парадировали на своихъ собраніяхъ мужчинъ, сохраняя при этомъ всѣ недостатки мужскихъ засѣданій; говорились рѣчи, писались протоколы; *шумѣли, кричали* и, въ концѣ концовъ, какое-либо лицо брало *перевѣсъ громкимъ голосомъ* и его мнѣніе вписывалось въ протоколы, какъ рѣшающее спорный вопросъ. По окончаніи засѣданія протоколы подписывались не только присутствовавшими, но и тѣми, которыя запаздывали и обыкновенно приходили только справиться, — «скоро ли назначать слѣдующее засѣданіе?» ...

Какъ комично началось и велось это дѣло, такъ комично оно и кончилось. Хотя участницы, повидимому, и заботились о томъ, чтобы до времени хранить свои затѣи въ тайнѣ, вести дѣло, какъ можно, секретнѣе, — но это оказалось невозможнымъ. Слухъ о томъ, что собраніе какихъ то женщинъ намѣрено ходатайствовать объ открытіи женскаго университета скоро распространился по всей Москвѣ, дошелъ до полиціи и проникъ въ стѣны московскаго университета. Университетъ счелъ за лучшее предупредить женщинъ этого кружка частнымъ образомъ, чтобы онѣ оставили свои затѣи и не думали подавать ему своего прошенія, на которое онѣ могутъ отвѣтить только безусловнымъ отказомъ; а полиція прямо и открыто разъ на всегда запретила «эти вполнѣ невинныя и ни для кого не вредныя собранія», ибо на нихъ не было испрошено разрѣшенія не только отъ полиціймейстера, но даже и отъ частнаго пристава.

Впрочемъ, мысль о высшеучебномъ женскомъ заведеніи не переставала занимать московскую интеллигенцію. Ее особенно поддерживала г-жа Сонова, принимавшая дѣятельное участіе

во всѣхъ женскихъ собраніяхъ уничтоженнаго кружка и теперь основавшая новое общество женщинъ, раздѣлявшихъ ее возрѣнія. Таже самая участь, по всей вѣроятности, постигла бы и это общество, если бы къ нему не примкнула женщина, пользовавшаяся въ Москвѣ уваженіемъ среди многихъ вліятельныхъ особъ. Мы говоримъ о Елизаветѣ Александровнѣ Рагозиной, урожденной Шиповой. Самыя засѣданія новаго общества происходили на Никитской въ домѣ родственниковъ г-жи Рагозиной. Здѣсь также старались дѣло обставить таинственностію и непроницаемостію для постороннихъ лицъ. «Эти собранія, говоритъ Некрасова,—носили болѣе оффиціальныя характеръ; въ нихъ было больше порядка; число присутствовавшихъ доходило иногда до ста человекъ. Помнится, какъ боязливо-тайно впускалъ насъ старый швейцаръ въ богатую переднюю барскаго дома, какъ осторожно входили сами женщины, поодинокѣ, замедляя на улицѣ шаги, чтобы не столпиться въ числѣ трехъ у подъѣзда, какъ тщательно завѣшивались выходившія на улицу окна квартиры, гдѣ готовилось собраніе, какъ будто бы здѣсь собирались дѣлать что-то недоброе, нехорошее. Зала была большая, вся уставлена стульями; въ глубинѣ залы маленькій столикъ; на немъ— бумага, перо, чернила и колокольчикъ. Въ залѣ свѣтло какъ днемъ; всѣ стулья заняты. Но во всей многолюдной толпѣ ни одного мужчины... Ставится вопросъ: какого рода образованіе будетъ давать будущая школа—общее или специальное? Однѣ стоятъ за общее образованіе, другія—за специальное. Просьба объ открытіи университета на этихъ собраніяхъ была отвергнута; рѣшено было просить объ открытіи женскихъ курсовъ». Не думаемъ однако-же, чтобы женщины сами могли довести начатое ими дѣло до конца. Помочь имъ, по просьбѣ Рагозиной, взялся директоръ 2-й московской мужской гимназіи, Ф. Н. Королевъ. Онъ подалъ министру народнаго просвѣщенія прошеніе, и 31 мая 1869 года, чрезъ попечителя московскаго учебнаго округа, получено было разрѣшеніе на открытіе женскихъ курсовъ при 2-й московской мужской гимназіи подъ надзоромъ и отвѣтственностію ея директора. Такъ какъ вторая московская мужская гимназія находится на

Лубянкѣ, то и открытыя при ней женскіе курсы получили названіе *лубянскихъ*.

Поступленіе на эти курсы министерство хотѣло ограничить, по его словамъ, только тѣми лицами женскаго пола, которыя дѣйствительно желаютъ обучаться ¹⁾. Мысль совершенно невыполнимая! Какъ отличить лицъ, дѣйствительно, желающихъ обучаться, отъ пустыхъ и слѣпыхъ подражательницъ модѣ или подъ благовиднымъ предлогомъ «учености» преслѣдующихъ цѣли, не имѣющія никакого отношенія къ истинной наукѣ? Ниже мы увидимъ, что *такъ* именно случилось и на самомъ дѣлѣ и что министерство наше не достигло того, чего желало. Изъ учебныхъ предметовъ на курсахъ были разрѣшены лишь тѣ, которые входятъ въ программу классическихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а именно: 1) Законъ Божій, 2) математика—арифметика, алгебра, геометрія, 3) физика, 4) исторія вообще и исторія Россіи въ частности, 5) географія и 6) языки: русскій, 7) нѣмецкій, 8) французскій, 9) латинскій, 10) греческій и 11) англійскій. Объемъ преподаванія также не долженъ былъ превышать программы классическихъ гимназій ²⁾. Волѣ каждой слушательницы было предоставлено избраніе и опредѣленіе количества предметовъ, которые она была намѣрена изучать. Такъ какъ правительство отказалось дать опредѣленныя средства на открытіе и веденіе этихъ курсовъ, то всѣ расходы на нихъ должны были покрываться лишь взносами слушательницъ; сюда относятся издержки на вознагражденіе преподавателей за чтеніе лекцій, расходъ на освѣщеніе, прибавка къ жалованью прислуги, вознагражденіе лица, которое всегда должно было присутствовать на курсахъ для наблюденія за порядкомъ (надзиратель, или другой кто-либо изъ лицъ, служащихъ въ мужской гимназіи). Размѣръ платы за слушаніе лекцій не былъ точно опредѣленъ,—онъ находился въ зависимости отъ числа слушательницъ. Слушательницамъ же было предоставлено право избранія и приглашенія преподавателей.

1) Министер. правила курсовъ § 1.

2) Ibid. § 2.

На первый годъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1869 года слушать лекціи на лубянскихъ курсахъ изъявило желаніе 190 женщинъ изъ разныхъ классовъ русскаго общества; въ этомъ числѣ много было дѣвицъ, но были также молодыя вдовы и даже женщины замужня. Но не подумайте, читатель, что всѣ эти женщины, какъ хотѣло министерство, были лица, «дѣйствительно желавшія обучаться». По откровенному признанію г-жи Некрасовой, многія изъ этихъ женщинъ (а мы думаемъ даже *очень многія*) «подписались для того только, чтобы оказать матеріальную поддержку курсамъ, сами же ихъ вовсе и не слушали».

Сначала эти курсы приводили въ восторгъ нашихъ «ученыхъ» дѣвицъ. Имъ нравилось прежде всего соціально-республикански-демократическое устройство курсовъ. Всѣ дѣла курсовъ подлежали вѣдѣнію «общаго собранія» курсистокъ: онѣ контролировали поступленіе на приходъ и въ расходъ взносовъ за право слушанія лекцій, избирали и приглашали профессоровъ, опредѣляли ихъ гонораръ, отрѣшались ихъ отъ лекторскихъ чтеній, распредѣляли часы занятій, дѣлали постановленія о «ходатайствѣ предъ правительствомъ» по разнымъ предметамъ, закрывали однѣ каеедры и открывали другія, «составляли бібліотеку» и вырабатывали для нея «правила», утверждали договоры по найму помѣщенія, когда новый директоръ, опредѣленный на мѣсто Королева, отказалъ имъ въ помѣщеніи въ гимназическомъ зданіи, и т. п. «Общія собранія!» «Баллотировки!» «Пренія!» ... «Отдѣльныя мнѣнія!» ... «Выборы предсѣдательницы и секретаря общихъ собраній!» ... «Выборы распорядительницы и ея помощницъ!» ... «Постановка и обсужденіе различныхъ вопросовъ!» ... Какъ всѣ эти громкія слова должны были лестно звучать для уха молодой дѣвушки, пріѣхавшей на курсы изъ какого-нибудь отдаленнаго закоулка широкой матушки—Россіи! До сихъ поръ вѣдь еще ничего подобнаго не бывало! И какъ все это мило и интересно! Несомнѣнно, это начало новой эры. Даже за-границей еще не доросли до этого! Но довольно намъ идти въ хвостѣ Европы! Пора стать на собственные ноги! Такія безъ сомнѣнія, мысли наполняли молодыя головы первыхъ слушательницъ лубянскихъ курсовъ...

«Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость?» .. «Безумныя мечты!» .. ¹⁾.

Не менѣе живой интересъ у первыхъ слушательницъ лубянскихъ курсовъ возбуждалъ вначалѣ и вопросъ о томъ, какъ ихъ будутъ называть. Самъ по себѣ вопросъ не важный, но для женщины, которая всегда горячо интересуется мнѣніемъ о себѣ другихъ, вопросъ почти роковой. И вотъ въ классахъ, вмѣсто обдумыванія только-что прочитаннаго профессоромъ, нерѣдко поднимались бурныя пренія. Однѣ съ самодовольствіемъ высказывали предположеніе, что ихъ будутъ называть «студентками», другія, возражая противъ этого предположенія, утверждали, что «студентками» называть ихъ не слѣдуетъ, а что ихъ нужно называть только «курсицами» или «курсовицами» ²⁾. Несчастныя! онѣ не предугадывали, что названій имъ будетъ не мало, что ихъ будутъ называть и «курсистками», и «педагогичками», и «медичками», и «бестужевками», и «владимірками», и даже «рюмочками» или «рюмочницами»! ³⁾.

Совершенно иное чувство, тяжелое чувство разочарованія, охватило первыхъ слушательницъ лубянскихъ курсовъ, когда онѣ поближе ознакомились съ программой самыхъ чтеній. Имъ хотѣлось пробраться въ университеты или медико-хирургическую академію; а правительство предлагало выслушивать лишь курсъ классическихъ гимназій, мало чѣмъ отличающійся отъ курса женскихъ гимназій. Здѣсь ли не мѣсто ропоту, разочарованію, неодобренію, неудовлетворенности? И Е. Некрасова свидѣтельствуетъ ⁴⁾, что курсистки «тутъ же рѣшили что на открываемые курсы много надѣяться нечего».

Чтеніе лекцій на лубянскихъ курсахъ было начато только 8-го ноября 1869 года, да и то, впрочемъ, не по всѣмъ пред-

1) Считаемо излишнимъ подробно говорить о томъ, что эти «общія собранія» курсистовъ имѣли такой же характеръ, какъ и первыя дамскія засѣданія по поводу открытія женскаго университета: шумъ, крикъ, суматоха, мнѣнія, колокольчики, протоколы, подписи, перерѣшеніе однакъ и тѣхъ же вопросовъ по десяти разъ и все таки полное недорѣшеніе ихъ; всѣ говорили, и никто никого не слушалъ. Однимъ словомъ, не было, какъ слѣдуетъ...

2) Е. Некрасова, стр. 15.

3) О женщинахъ. Мысли старыя и новыя. Стр. 90.

4) Ibid.

метамъ, а лишь по русской исторіи и физики. Курсистки были разочарованы и характеромъ преподаванія. Однѣ были недовольны тѣмъ, что профессоры говорили съ ними «почти дѣтскимъ языкомъ», считая ихъ не подготовленными къ серьезному изложенію науки, простушками, другія, напротивъ, роптали на профессоровъ, находя ихъ чтенія слишкомъ сухими, отвлеченными и недоступными для усвоенія.

Самые предметы преподаванія были не по душѣ слушательницамъ лубянскихъ курсовъ и потому министерская программа, при данной женщинамъ *свободѣ слушанія*, скоро оказалась не выполнимою. По нѣкоторымъ предметамъ чтеній не было вовсе (напр., по греческому языку). По другимъ преподаваніе продержалось только первый годъ и болѣе никогда не начиналось. Такъ, лекціи по Закону Божію были прекращены еще въ 1870 году *«за неимѣніемъ слушательницъ»* ¹⁾, характеристическое знаменіе нашего времени! Въмѣсто Закона Божія курсистки потребовали преподаванія химіи, что и было имъ дозволено въ томъ же 1870 году; въ 1871 году былъ открытъ курсъ преподаванія высшей алгебры и аналитической геометріи; въ томъ же году министерствомъ народнаго просвѣщенія было дано разрѣшеніе администратору лубянскихъ курсовъ, Королеву, открыть лекціи по предмету астрономіи, а въ 1873 году— и по предметамъ естественныхъ наукъ; за то чтенія по латинскому языку и всеобщей исторіи были совершенно закрыты (первыя—въ 1874 году, а послѣднія—въ 1875 году).

Не могла нравиться курсисткамъ даже самая постановка учебнаго дѣла на лубянскихъ курсахъ. Это было не учебное заведеніе, а лишь—публичныя лекціи. Лекторъ считалъ своею обязанностію взойти на кафедру, прочесть столько исписанной бумаги, сколько позволялъ учебный часъ, и затѣмъ «разшаркаться» предъ учеными барынями. Ни репетицій, ни экзаменовъ не было, а потому и «барышни», сколько бы лѣтъ онѣ ни слушали эти чтенія, не получали никакихъ дипломовъ и

¹⁾ Ibid. стр. 21.

никакихъ правъ. Между тѣмъ скоро послѣ учрежденія губянскихъ курсовъ стали появляться и курсы съ правами. Таковы, напр., были «историческіе курсы», открытые въ 1872 г. въ Москвѣ профессоромъ Герье, называвшіеся *высшими* женскими курсами и сулившіе впереди дипломы вмѣстѣ съ соединенными съ ними правами. Таковы же были въ Петербургѣ курсы Бестужевскіе (Владимірскіе) и въ особенности *врачебные* или *медицинскіе* курсы, открытые въ томъ же 1872 году въ Петербургѣ при медико-хирургической академіи. Это подало поводъ женщинамъ, «дѣйствительно желавшимъ обучаться», бросать одни курсы и переходить на другіе, когда только имъ вздумается ¹⁾. Такими путешествіями ученыхъ русскихъ женщинъ въ особенности былъ богатъ 1872 годъ, когда сразу было открыто нѣсколько новыхъ «высшихъ женскихъ курсовъ» и когда лубянскіе курсы остались почти пустыми и почти съ одними лекціями по физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ.

Такъ какъ лубянскіе женскіе курсы могутъ быть названы

¹⁾ Прекрасно говорить Авсѣенко о томъ, откуда набирался контингентъ слушательницъ нашихъ всевозможныхъ курсовъ. «На курсы, говоритъ онъ (стр. 77), потянулось огромное множество дѣвицъ и молодыхъ женщинъ изъ всѣхъ угловъ Россіи. Если не ошибаюсь, въ Петербургѣ и Москвѣ пришлый элементъ былъ постоянно многочисленнѣе мѣстнаго, при чемъ особенно много давали окранны—западный край, югъ и дальнія восточныя губерніи: еврейство давало весьма не малый процентъ. Вообще, разнообразіе личнаго состава курсистокъ было поразительное. Тутъ встрѣчались скромныя дѣвушки, увлеченныя своими гимназическими успѣхами и искренно желавшія чему-то еще научиться; суровыя дѣвицы изъ нищенствующихъ семействъ, вѣрившія въ хлѣбное значеніе образованія; совершенно воспитанныя и приличныя барышни, увлекаемыя смутнымъ любопытствомъ и сознаніемъ, что онѣ и на курсахъ сумѣютъ держать себя барышнями; равнодушныя ко всякой наукѣ дѣвицы, поступившія на курсы по желанію маменекъ, вдругъ почему-то возгорѣвшихся тщеславіемъ образованности и убѣдившихъ своихъ дочекъ, что «теперь» высшее образованіе необходимо для женщины и что дипломъ можетъ отлично позировать ихъ въ кругу знакомыхъ; дѣвицы стереотипнаго покроя, одержимыя стадными свойствами и полагающія, что если всѣ идутъ на курсы, то и имъ необходимо тискаться сквозь толпу и быть тамъ, гдѣ «все передовое», и наконецъ, огромное количество бѣглянокъ со всей Россіи, укрывавшихся на курсахъ отъ постылыхъ мужей, тяжелыхъ папенокъ и злющихъ маменекъ, отъ скуки захолустнаго прозябанія, отъ отсутствія всякихъ перспективъ въ своемъ провинціальномъ углу».

прототипомъ всѣхъ остальныхъ женскихъ курсовъ, то намъ кажется, что о послѣднихъ нѣтъ никакой нужды говорить подробно и такимъ образомъ повторять уже сказанное. Въ существенномъ между ними различія нѣтъ. Ниже мы остановимся лишь на врачебныхъ курсахъ. Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ поставить только вопросъ о томъ, — какую пользу принесли Россіи педагогическіе женскіе курсы — лубянскіе, бестужевскіе и т. д.? Какого мнѣнія о нихъ были лучшіе русскіе люди? Увы! Ихъ мнѣнія для курсистокъ слишкомъ невыгодны. «Терпѣть не могу женщину — книжку, напичканную умными чужими мыслями», говоритъ, напр., А. Пальмъ ¹⁾. Такого-же мнѣнія о современныхъ ученыхъ педагогичкахъ былъ и Достоевскій. «Скажите, что встрѣтите вы теперь дѣвицу или даму безъ книжки, въ дорогѣ или даже на улицѣ? Однимъ словомъ, жажды и ревности очень много, самой благородной и свѣтлой, но... но все это еще какъ-то нейдетъ. Ничего нѣтъ легче, какъ, напр., увѣрить такую ученицу почти въ чемъ вамъ угодно, особенно если кто складно умѣетъ поговорить. Содроганіе придетъ иногда при мысли, что она, пріѣхавъ домой, тотчасъ и начнетъ примѣнять на дѣтяхъ и на супругѣ то, чему ее научили» ²⁾. «Не то нужно», — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾, «чтобы женщина знала то, что знаетъ мужчина, — у нея есть нѣчто свое, что надо за нею сохранить. Надо сохранить въ ней стихійную силу женственности, или распадется человѣческой организмъ». За эти взгляды наши проповѣдники женской эманципаціи сильно негодуютъ на Достоевскаго и упрекаютъ его въ «ретроградствѣ» и «консервативномъ обскурантизмѣ». Но они забываютъ, что такого же мнѣнія о женской учености были и тѣ мыслители, которые приобрѣли себѣ всемірную извѣстность и пользуются уваженіемъ даже среди самыхъ «либеральныхъ» просвѣтителей женскаго пола. Таковы: Аристотель, Кантъ, Шопенгауэръ, Огюстъ Контъ, Шиллеръ, Гетѣ и др.» «Ученныя женщины, говорилъ,

¹⁾ О женщинахъ мысли старыл и новыл. Стр. 188.

²⁾ Ibid. стр. 169.

³⁾ Ibid. стр. 168.

напр. Кантъ ¹⁾, «пользуются своими книгами такъ же, какъ и часами, которые онѣ носятъ для показа другимъ, хотя бы они и стояли постоянно или шли невѣрно». Нельзя сказать также, чтобы къ курсисткамъ относились съ особеннымъ расположеніемъ и благоразумные русскіе люди вообще. Опытъ свидѣтельствуеъ (да приходилось выслушивать сѣтованія и отъ нѣкоторыхъ курсистокъ), что мѣста преподавательницъ и воспитательницъ въ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже мѣста учительницъ въ частныхъ домахъ, охотнѣе предоставляютъ институткамъ, гимназисткамъ и воспитанницамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, чѣмъ бывшимъ слушательницамъ *высшихъ* женскихъ курсовъ. Думаемъ, что справедливо поступаетъ и наше министерство народнаго просвѣщенія, оказывая въ послѣднее время свое несочувствіе къ такого рода типу женскаго образованія...

Т. Буткевичъ.

(Обвѣщаніе будетъ).

¹⁾ Ibid. стр. 103.

ПАТРИАРХЪ ФОТІЙ.

(Окончаніе *).

Фотій возстановленъ на своемъ престолѣ на новомъ соборѣ, происходившемъ въ присутствіи легатовъ палы.—Онъ снова возстаетъ противъ заблужденій латинской церкви.—Смерть Василія.—Императоръ Левъ философъ.—Изгнаніе Фотія изъ Константинополя.—Послѣдніе годы этого великаго патріарха.—Очеркъ его сочиненій.—Его смерть.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ (879 года) соборъ, предписанный папою Іоанномъ, былъ созванъ ¹⁾. Предсѣдательствовалъ на немъ Фотій. По обѣимъ сторонамъ его занимали мѣста римскіе легаты и послы восточныхъ патріарховъ: священникъ Косьма, посолъ Александріи, Василій, архіепископъ Мартиропольскій, бывший посломъ Антіохіи, и Илія, посолъ Іерусалимскій ²⁾. Триста восемьдесятъ три епископа размѣстились ниже легатовъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 6.

¹⁾ Дѣянія этого собора изданы по Ватиканскому манускрипту и по приказанію палы Климента XI отцемъ Hardoin'омъ въ его собраніи соборовъ (т. VI); и такъ какъ они содержатъ многіе предметы, опровергающіе увѣренія враговъ Фотія: то писатели пристрастные, подобно Баронию и греческому вѣроотступнику Льву Аляччи (Allatius), утверждаютъ, что дѣянія эти были искажены Фотіемъ. Ассемани, котораго нельзя заподозрить въ добрыхъ чувствахъ въ отношеніи къ восточной церкви, признаетъ ихъ подлинными. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно предположить, будто Ватиканская бібліотека обладаетъ только подложными актами? Что же сдѣлалось съ подлинными актами?

²⁾ Этотъ Илія не былъ тотъ самый, который засѣдалъ на соборѣ, созванномъ противъ Фотія. Этотъ Илія присутствовалъ на соборѣ, начиная съ перваго засѣданія; Косьма пребылъ уже ко второму засѣданію, а епископъ Василій—къ четвертому.

Въ началѣ перваго засѣданія діаконь Петръ, протонотарій Константинопольской церкви, торжественно провозгласилъ, что папскіе легаты испрашиваютъ позволенія войти. Фотій приказалъ ввести ихъ, совершивши молитву о ниспосланіи благодати; затѣмъ онъ направился къ нимъ, обнялъ ихъ и высказалъ привѣтствіе, столько же благочестивое, какъ и краснорѣчивое. Кардиналь Петръ, говорившій отъ имени легатовъ, возблагодарилъ Бога за то, что онъ нашелъ его святѣйшество патріарха въ столь добромъ здоровьи и заявилъ, что папа привѣтствуетъ его, какъ своего брата и своего сослуживца во священствѣ. «Мы тоже, отвѣчалъ Фотій, привѣтствуемъ съ сердечною любовію святѣйшаго вселенскаго папу Іоанна, нашего святого брата, сослужителя и духовнаго отца».

Послѣ того, какъ кардиналь Петръ сдѣлалъ намекъ на письма, которыя онъ привезъ съ собою и которыя свидѣтельствуютъ о папской заботливости въ отношеніи къ Константинопольской церкви, Фотій воздалъ великую похвалу подобнымъ чувствамъ папы. Онъ сказалъ: «подобно тому, какъ Христосъ не довольствовался небомъ и возжелалъ снизойти на землю для прославленія человечества, и папа не довольствуется созерцаніемъ своей собственной церкви въ мирѣ, но пожелалъ побудить къ исправленію *раскольниковъ* иныхъ странъ». Подъ этими раскольниками онъ разумѣлъ тѣхъ, которые съ самаго начала не пожелали войти съ нимъ въ общеніе.

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ учтивыхъ заявленій, кардиналь Петръ, обращаясь къ собору, сказалъ, что папа, будучи добрымъ пастыремъ, преслѣдуетъ единственную цѣль, состоящую въ приведеніи всѣхъ къ единенію. «Единеніе уже возстановлено» отвѣчалъ Іоаннь Гераклійскій. Затѣмъ Захарій Халкедонскій, искренній другъ Фотія, въ историческомъ очеркѣ изложилъ причины происходившихъ здѣсь раздоровъ. Онъ сказалъ, что неоспоримое превосходство Фотія возбуждало противъ него много зависти, а слабость Игнатія сдѣлала его и игрищемъ зависти тѣхъ людей, которые для удовлетворенія своихъ дурныхъ расположеній замутили всю церковь.

«Къ счастію, прибавилъ онъ, папа Іоаннъ не захотѣлъ болѣе быть игралищемъ этой зависти; онъ вступилъ на иной путь, чѣмъ его предшественники: Николай и Адрианъ. И вотъ благодаря этому миръ возстановленъ». Посоль Іерусалимскій заявилъ еще, что его церковь признала Фотія патриархомъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только онъ послалъ общительную грамоту патриарху Феодосію ¹⁾.

Легаты поднесли Фотію многія церковныя одежды, присланныя ему папою, и еще разъ заявили, что папа питаетъ къ Константинопольскому патриарху чувства совершеннѣйшей любви.

Засѣданіе окончилось хвалебными возгласами въ честь императора, императорской фамиліи, Фотія и Іоанна, святѣйшаго патриарха.

Второе засѣданіе происходило 17 ноября. На этомъ засѣданіи читали письма папы къ императору и Фотію ²⁾.

По окончаніи чтенія, кардиналъ Петръ спросилъ, какимъ образомъ патриархъ Фотій взошелъ на свой престоль. Ілія Іерусалимскій взялъ на себя отвѣчать на этотъ вопросъ: «Фотій, сказалъ онъ, всегда признаваемъ былъ патриархомъ восточными патриархами и большимъ числомъ епископовъ и духовенства Константинопольскаго патриархата. Итакъ почему бы онъ не могъ взойти на престоль?» Весь соборъ подтвердилъ заявленіе Іліи: «Онъ взошелъ, сказали епископы, съ согласія трехъ патриарховъ, по просьбѣ императора, или скорѣе уступая настоятельнымъ требованіямъ его, и по прошенію всей Константинопольской церкви» — «Такимъ образомъ, при этомъ не было допущено какой-либо жестокости со стороны Фотія, спросилъ кардиналъ Петръ; не поступилъ ли онъ тираннически?» — «Напротивъ, отвѣчалъ соборъ, все совершилося тихо и спокойно». — «Слава Богу», отвѣчалъ кардиналъ Петръ. По-

¹⁾ Это мы и утверждали вопреки лжи самозванныхъ легатовъ Іерусалимскихъ на соборѣ изъ *восемнадцати* человекъ.

²⁾ Флери, свидѣтельствуя о разности между текстами латинскимъ и греческимъ, говоритъ, что измѣненія въ текстѣ сдѣланы были, безъ сомнѣній, *въ согласіи съ легатами* «слышавшими измѣненное чтеніе ихъ и не жаловавшимися на это». *Hist. Eccl. liv. LIII, § 13.*

слѣ этого сталъ говорить Фотій и сказалъ: «Объявляю передъ Богомъ, что я никогда не желать этого престола; большая часть присутствующихъ здѣсь знаютъ это хорошо. Въ первый разъ я взошелъ на престолъ вопреки моему желанію, послѣ того, какъ пролилъ много слезъ и долго сопротивлялся настоящему насилію, употребленному противъ меня царствовавшимъ тогда императоромъ; я взошелъ на престолъ только по согласію епископовъ и духовенства, избравшихъ меня безъ моего вѣдома; меня отдали подъ стражу...» — «Да, воскликнулъ соборъ, мы всё знаемъ, что это такъ было; мы знаемъ это или непосредственно сами, или узнали отъ тѣхъ, которые были свидѣтелями всего этого...» Фотій продолжалъ слѣдующимъ образомъ: «Богу угодно было, чтобы я былъ изгнанъ; я не прибѣгалъ ни къ какимъ дѣйствіямъ для возвращенія себѣ престола; я не возбуждалъ никакого мятежа; я оставался покойнымъ, ввѣривши себя суду Божию и не беспокоя императора моими жалобами. Я не имѣлъ желанія и надежды быть возстановленнымъ. Богу угодно было, чтобы императоръ вызвалъ меня изъ моей ссылки. Пока жилъ блаженной памяти Игнатій, я не хотѣлъ занимать свой престолъ, не смотря на настоятельныя требованія, обращенныя ко мнѣ». Соборъ воскликнулъ: «Это истинно». «Я старался, присовокупилъ Фотій, всѣми средствами быть въ мирѣ съ Игнатіемъ. Мы увидѣлись во дворцѣ; мы бросились другъ другу въ ноги и мы простили другъ другу все. Когда Игнатій впалъ въ болѣзнь, онъ позвалъ меня; я посѣщалъ его много разъ, и я помогалъ ему сколько это было возможно для меня. Онъ поручилъ мнѣ тѣхъ, которыхъ наиболѣе любить, и я принялъ ихъ подъ свое покровительство. Послѣ его смерти, самъ императоръ посѣтилъ меня, чтобы заставить меня уступить желаніямъ церкви и снова занять патріаршій престолъ. Я долженъ былъ согласиться на это». Соборъ сказалъ: «Все это справедливо».

Кардиналъ Петръ извѣстилъ соборъ о дружбѣ, которую папа Іоаннъ питаетъ къ Фотию, и весь соборъ рукоплескалъ этому.

Затѣмъ легаты потребовали чтенія писемъ восточныхъ патріарховъ. Прежде всего прочли письмо Михаила, патріарха Алексан-

дрійскаго, посланное черезъ священника Косьму. Патріархъ анаеоматствовалъ Іосифа, выдававшего себя на соборикѣ изъ *восемнадцати* человекъ Александрійскимъ посломъ. Въ письмѣ говорилось: «Этого Іосифа, ложно назвавшего себя архидіакономъ Александрійскаго патріархата, мой предшественникъ анаеоматствовалъ. Тоже самое произошло и съ нечестивымъ Іліею, назвавшимъ себя синкеломъ Сергія, патріарха Іерусалимскаго; онъ по своемъ возвращеніи умеръ, пораженный проказою». Затѣмъ патріархъ Александрійскій превозноситъ Фотія величайшими похвалами и говоритъ: «Кто не хочетъ находиться въ общеніи съ нимъ и не признаетъ его законнѣйшимъ патріархомъ, тотъ долженъ быть причтенъ къ евреямъ».

По окончаніи чтенія этого письма, соборъ свазалъ: «Мы хорошо знаемъ, что восточные престолы никогда не чуждались общенія съ Фотіемъ». Такимъ образомъ письмо было признано официально.

Тотъ же Александрійскій патріархъ, одновременно съ письмомъ къ императору, писалъ и къ Фотію. Воздавши ему величайшія похвалы, онъ говоритъ, что митрополиты его патріархата, собравшись насколько это возможно было для нихъ среди печальнаго положенія подъ мусульманскимъ игомъ, рѣшили все, согласно съ увѣщаніями его предшественника, оставаться въ общеніи съ Фотіемъ и внести его имя въ священныя диптихи. «Что же касается Іли и Іосифа, проявившихъ свою ярость противъ васъ, присовокуплялось въ письмѣ, то они умерли во грѣхѣ, не принеши раскаянія. А что касается Ѳомы, епископа Беритскаго (Тира), то онъ созналъ свое заблужденіе, какъ вы это увидите изъ его отзыва; мы простили его, и просимъ васъ сдѣлать тоже».

Панскіе легаты заявили, что дѣло объ отзывѣ Ѳомы касается исключительно Фотія; и добрый патріархъ тотчасъ же заявилъ, что онъ прощаетъ его.

Ѳеодосій, патріархъ Іерусалимскій, прислалъ Фотію письмо, сходное съ письмомъ Михаила Александрійскаго. Онъ прислалъ его чрезъ священно-инока Андрея и священника Ілію. Онъ равнымъ

образомъ ходатайствовалъ за Фому Тирскаго. Патріархъ Антіохійскій, тоже называвшійся Θεодосіемъ, писалъ въ подобномъ же духѣ, какъ и патріархи Александрійскій и Іерусалимскій. Всѣ выражали свою радость по поводу возстановленія Фотія, съ которымъ находились въ общеніи.

Между тѣмъ патріархъ Іерусалимскій среди этихъ происшествій померъ, и Авраамъ, митрополитъ Арמידскій и Самосатскій въ Арменіи, въ своемъ письмѣ къ Фотію извѣщаетъ его, что патріархъ замѣщенъ Иліею Дамасскимъ. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы привѣтствовать Фотія съ его возстановленіемъ и заявить ему, что находится въ общеніи съ нимъ.

Соборъ возблагодарилъ Бога за всѣ эти письма и окончилъ второе засѣданіе при обычныхъ восклицаніяхъ.

Третье засѣданіе происходило спустя два дня послѣ этого. Кардиналъ Петръ прочиталъ папское письмо къ епископамъ Константинопольскаго патріархата и въ восточнымъ патріархамъ. Соборъ согласился со всѣмъ изложеннымъ въ письмѣ, за исключеніемъ лишь того, что касалось правъ императора въ отношеніи къ Болгаріи. Въ самомъ дѣлѣ, Болгарія находилась въ территоріи, непосредственно зависѣвшей отъ Константинопольскаго престола, и папа не имѣлъ права заявлять притязаній на распространеніе въ ней своей юрисдикціи. Захарій Халкедонскій сдѣлалъ также замѣчаніе по поводу высказаннаго папою положенія, чтобы на будущее время не было позволено мірянину достигать епископскаго званія. Захарій припомнилъ великіе примѣры Невтарія Константинопольскаго, Амвросія Медиоланскаго, Ефрема Антіохійскаго, Евсевія Кессарійскаго и многихъ другихъ. Въ объясненіе канона, на который папа ссылается, онъ заявилъ, что этотъ канонъ не касается Фотія: «Онъ никогда не былъ человѣкомъ, занятымъ *мірскими дѣлами*, сказалъ онъ; онъ былъ человѣкомъ науки; его отецъ, его мать пострадали за религію; онъ самъ обратилъ въ Арменіи и Месопотаміи огромное число людей преданныхъ заблужденію,—онъ обратилъ даже цѣлыя народы».

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Захаріемъ, соборъ выразилъ свою

радость по поводу исключенія, которое было сдѣлано въ пользу Фотія.

Затѣмъ прочитано было письмо Іерусалимскаго патріарха Теодосія къ императору. Легаты спросили, какимъ образомъ патріархъ Іерусалимскій прислалъ это новое письмо. Илія отвѣчалъ: «Письмо было еоставлено на соборѣ, происходившемъ въ Іерусалимѣ; оно было послано чрезъ брата моего Андрея. Письмо написано не только отъ имени Іерусалимскаго патріарха, но и отъ имени патріархата Антіохійскаго». — «Мы знаемъ, сказалъ кардиналъ Петръ, что восточные патріархи, точно также какъ и папа, признають Фотія законнымъ патріархомъ.. И если я предложилъ вопросъ, то лишь потому, что мы не хотимъ быть обманутыми сарацинскими лазутчиками, выдающими себя за патріаршихъ пословъ. Что касается Константинопольскаго патріарха, то мы знаемъ, что онъ не ищетъ своей славы и безусловно вручаетъ себя Богу. Мы думаемъ также, что онъ не воспротивится оффиціальному чтенію *commonitorium'a* врученнаго намъ папою». Соборъ согласился на это чтеніе. Когда стали читать ту страницу, въ которой папа признавалъ не имѣющими значенія соборы, созванные въ Римѣ и Константинополѣ противъ Фотія, то всѣ епископы воскликнули: «и мы также осуждаемъ эти соборы и провозглашаемъ анаѣему противъ тѣхъ, которые принимаютъ ихъ». Восточные послы присо- вокупили, что не должно называть *соборомъ* послѣднее собраніе, происходившее въ Константинополѣ, на которомъ сарацинскіе лазутчи- ки засѣдали какъ судьи и на которомъ невинные были осуждены вопреки всѣмъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ. Присутствовавшіе провозгласили анаѣему соборнику и отвергли его дѣянія.

Папа отвергъ его съ своей стороны; какимъ же образомъ могутъ серьезно утверждать, что соборъ былъ признанъ всею церковію и что онъ былъ вселенскимъ?

Послѣ чтенія *commonitorium'a*, кардиналъ Петръ прочелъ подписи западныхъ епископовъ, приложившихъ эти подписи, вмѣстѣ съ папою на соборѣ въ Римѣ. Соборъ объявилъ себя удовлетвореннымъ и засѣданіе было закрыто.

Четвертое засѣданіе происходило наканунѣ Рождественскихъ Праздниковъ.

Протонотарій Петръ возвѣстилъ, что прибылъ одинъ посоль патріарха Антиохійскаго и просить быть допущеннымъ на соборъ. Ему позволили войти. Онъ назывался Василиемъ и принесъ письма патріарха Антиохійскаго и Иліи, новаго патріарха Іерусалимскаго. Ни тотъ, ни другой, сказалъ Василій, не принимали никакого участія въ томъ, что было сдѣлано противъ Фотія. Прочли принесенныя имъ письма. Патріархи воздали величайшія похвалы Фотію и заявляли, что ихъ престолы всегда признавали его законнымъ патріархомъ Константинопольскимъ.

Затѣмъ легаты спросили соборъ, принимаетъ-ли онъ статьи, заключающіяся въ письмѣ папы къ императору? Легаты кратко изложили содержаніе этого письма въ слѣдующихъ пяти статьяхъ: первая статья касалась Болгаріи; вторая—посвященія мірянъ; третья—избранія патріарха Константинопольскаго, который долженъ быть избираемъ клиромъ этой церкви; четвертая—осуждала соборы Римскій и Константинопольскій противъ Фотія; пятая касалась отлученія *раскольниковъ* т. е. тѣхъ, которые не хотѣли признать Фотія законнымъ патріархомъ.

Двѣ послѣднія статьи были приняты соборомъ безъ затрудненія. Что-же касается первой, то соборъ объявилъ себя не компетентнымъ, такъ какъ дѣло шло объ опредѣленіи границъ имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, епископская юрисдикція разграничивалась гражданскими округами, а эти послѣдніе зависѣли отъ государства. Соборъ не принялъ второй и третьей статьи. Церковь римская сохраняла свою дисциплину относительно избранія мірянъ въ епископы; церковь же восточная имѣла свою особенную дисциплину въ этомъ отношеніи. Обѣ церкви не должны входить въ распри по этому поводу, и каждая можетъ сохранять свои обычаи. Соборъ замѣтилъ еще, что Константинопольскій клиръ, быть можетъ, не всегда будетъ имѣть въ своихъ рядахъ человѣка наиболѣе способнаго управлять этою церковію; въ такомъ случаѣ надобно оставить въ силѣ ея древній обычай. Эти замѣчанія были представлены съ такимъ

спокойствіемъ, что римскіе легаты выразили радость по поводу прекращенія всякаго повода къ соблазну: «Поелику, сказали кардиналь Петръ, всякій соблазнъ по милости Божіей исчезъ и поелику согласіе въ церкви возстановлено, то отправимтесь всѣ вмѣстѣ въ храмъ, такъ какъ наступило время для богослуженія, и совершимъ его вмѣстѣ съ патріархомъ Фотіемъ».

Соборъ отвѣчалъ: «Это предложеніе похвально и пріятно Богу. Да будетъ исполнено то, что вы предлагаете! Да сохранить Богъ нашего вождя, и да продлитъ дни его для блага своей церкви!»

Рождественскіе праздники, равно какъ и другіе праздники, случающіеся въ теченіе мѣсяца января, отсрочили засѣданія собора. Пятое засѣданіе происходило только 25 января (880 г.).

Патріархъ Фотій открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью: «Второй вселенскій соборъ въ Никее, происходившій при папѣ Адріанѣ и патріархѣ Тарасіѣ, признается нашею церковію седьмымъ вселенскимъ и возведенъ въ одинаковое достоинство съ шестью первыми соборами. Церковь римская и патріархаты восточные подобно намъ принимаютъ опредѣленія этого собора; но быть можетъ нѣкоторые люди сомнѣваются въ томъ, надобно-ли причислять этотъ соборъ къ числу вселенскихъ? Мы слышали, что высказываютъ подобныя рѣчи. Теперь, когда мы собраны, повелимъ, братія мои, чтобы соборъ этотъ былъ признаваемъ седьмымъ вселенскимъ и почитаемъ равнымъ съ шестью другими».

Кардиналь Петръ засвидѣтельствовалъ, что римская церковь всегда признавала его таковымъ, и онъ провозгласилъ анаѣему противъ тѣхъ, которые не вѣрятъ подобнымъ образомъ. Послы восточныхъ патріарховъ и всѣ члены собора тоже провозгласили подобную анаѣему.

Мы видѣли, что Митрофанъ Смирнскій всегда казался самымъ горячимъ противникомъ Фотія. Онъ находился въ Константинополѣ, когда происходили засѣданія этого собора. Такъ какъ онъ не являлся на соборъ для подтвержденія обвиненій, внесенныхъ противъ истиннаго патріарха, то папскіе легаты просили соборъ, чтобы онъ былъ позванъ. Къ нему послали многихъ епископовъ, чтобы заставить

его представиться. Но онъ отвѣчалъ, что боленъ. По выслушаніи этого отвѣта, легаты замѣтили, что онъ также легко могъ-бы заявить о своемъ подчиненіи приказаніямъ папы Іоанна, какъ объявилъ о своей болѣзни. Поэтому къ нему еще два раза послали епископовъ, которые принесли тотъ же самый отвѣтъ. Послѣ этихъ трехъ каноническихъ извѣщеній ничего другого не оставалось, какъ осудить клеветника, который имѣлъ полную свободу представиться для поддержанія своихъ обвиненій, и однакоже не осмѣлился сдѣлать этого. Такимъ образомъ онъ былъ подвергнутъ отлученію. Легаты присовокупили, что согласно съ распоряженіемъ папы, надобно, чтобы всѣ отлученные имъ были признаваемы отлученными патріархомъ Фотіемъ, и чтобы отлученные патріархомъ были признаваемы отлученными папою. И вотъ по требованію легатовъ составили правило по этому поводу. Установили также второе правило, по которому епископы, оставившіе свои церкви для поступленія въ монастырь, не должны уже возвращаться къ епископскимъ обязанностямъ. Третье правило поражаетъ анаемую мірянъ, допускавшихъ насиліе въ отношеніи къ епископамъ.

Когда Фотій спросилъ, полагаетъ ли соборъ, что остается еще что-либо для разсужденій, то легаты отвѣчали, что порученныя имъ дѣла окончены; но, прибавилъ кардиналъ Петръ, всѣ епископы, присутствовавшіе на римскомъ соборѣ, уничтожившемъ всякое значеніе всего того, что было поставлено противъ Фотія, подписали дѣянія собора. Поэтому члены собора, подтверждающіе все совершенное въ Римѣ, равнымъ образомъ должны подписать дѣянія и настоящаго собранія. Никто не противорѣчилъ этому.

Павель, епископъ Анконскій, первый подписалъ слѣдующимъ образомъ: «Павель, епископъ Анконскій, легатъ св. престола и папы Іоанна на этомъ вселенскомъ соборѣ. Сообразно съ приказаніями папы и въ согласіи съ церковію Константинопольскою, послами восточными и всѣмъ соборомъ, я признаю достопочтеннѣйшаго Фотія законнымъ патріархомъ и нахожусь въ общеніи съ нимъ. Я отвергаю и анаематствую соборъ, созванный противъ него въ Константинополѣ, и все то, что было сдѣлано противъ него во

времена папы Адриана. Если нѣкоторые раскольники откажутся войти въ единеніе съ Фотіемъ, своимъ законнымъ пастыремъ, то они будутъ отлучены до тѣхъ поръ, пока не возвратятся къ единенію. Кромѣ того, я принимаю второй соборъ Никейскій и его опредѣленія о святыхъ иконахъ; я признаю его седьмымъ всеменскимъ соборомъ и усвояю ему такое же достоинство, какъ и первымъ шести соборамъ».

Два остальные легата подписались подобнымъ же образомъ. Подписи были прочтены громкимъ голосомъ, и соборъ провозгласилъ: «Да будетъ препрославленъ Богъ, объединившій свою церковь заступничествомъ папы Іоанна!» Послы восточныхъ патріарховъ подписали въ томъ же смыслѣ, какъ и римскіе легаты, упомянувши только, что ихъ патріархи и прежде собора признавали Фотія законнымъ патріархомъ. Затѣмъ подписались всѣ члены собора.

Соборъ былъ оконченъ, но пожелали открыть еще заключительное засѣданіе въ присутствіи императора для испрошенія его подписи и подписи всѣхъ членовъ его семейства. Вслѣдствіе этого всѣ члены собора отправились въ императорскій дворецъ 8 числа мѣсяца Марта. Когда императоръ Василій и его два сына, Левъ и Александръ, вышли въ залъ, гдѣ были собраны всѣ члены собора, то Василій произнесъ слѣдующія слова: «Быть можетъ я долженъ былъ-бы засѣдать на соборѣ и позаботиться вмѣстѣ съ вами о мирѣ и единеніи церквей; но въ такомъ случаѣ соборъ, безъ сомнѣнія, потерялъ-бы свою важность въ глазахъ людей неблагонамѣренныхъ. Они сказали-бы, что единеніе совершено изъ-за страха или изъ-за уступчивости ко мнѣ. Поэтому я думалъ, что лучше предоставить вамъ полную свободу въ вашихъ разсужденіяхъ, и только чтобы въ заключеніе вы прибыли сюда для полученія защиты посредствомъ моей подписи. Я думалъ также, что хорошо было-бы, если-бы вы признали благовременнымъ обнародовать исповѣданіе вѣры не какое-либо новое, но исповѣданіе Никейское, одобренное остальными соборами». Василій, посолъ Антиохійскій, присоединился къ предложенію императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ какъ раздѣленіе и соблазнъ уничтожены вашими заботами, Богомъ бла-

гословенный императоръ, и молитвами нашего духовнаго отца, патріарха Фотія; то справедливо, чтобы существовало одно только исповѣданіе вѣры для всей церкви». Всѣ епископы и папскіе легаты согласились съ этимъ.

Торжественно былъ прочтенъ соборомъ символъ Никео-Константинопольскій, послѣ того, какъ были прочтены слѣдующія предварительныя заявленія: «Мы сохраняемъ божественное ученіе Иисуса Христа и апостоловъ и опредѣленія семи вселенскихъ соборовъ. Мы отвергаемъ все, что они осудили и принимаемъ все, что они одобрили. Поэтому мы цѣлуемъ опредѣленіе вѣры, принятое нами отъ нашихъ отцевъ, ничего не убавляя и не прибавляя, безъ всякаго измѣненія или превращенія, дабы не быть осужденными нашими отцами и дабы не причинить имъ неизгладимой обиды».

Послѣ чтенія символа соборъ присовокупилъ: «Всѣ мы такъ вѣримъ; въ этой вѣрѣ мы крещены; и мы признаемъ нашими отцами и нашими братьями всѣхъ тѣхъ, которые вѣрують подобнымъ образомъ. Если кто-либо будетъ настолько безразсуднымъ, что станетъ составлять другое исповѣданіе вѣры и предлагать его вѣрующимъ или явнымъ еретикамъ; или если кто станетъ переименовывать это ученіе чуждыми выраженіями, прибавками или убавками, то, если онъ клирикъ—мы низлагаемъ его, и анаематствуемъ его, если онъ мірянинъ».

По предложенію Фотія, весь соборъ умолялъ императора приложить свою подпись подъ соборными дѣяніями. Такимъ образомъ императоръ подписалъ ихъ, равно какъ и его сыновья. Его подпись сопровождалась заявленіемъ, по которому онъ принималъ седьмой вселенскій соборъ, признавалъ Фотія законнымъ патріархомъ и уничтожалъ всякое значеніе того, что было сдѣлано противъ Фотія.

Соборъ вознесъ молитвы за императора и выразилъ свою радость хвалебными возгласами въ честь его и въ честь двухъ патріарховъ, Фотія и Іоанна.

Соборъ былъ оконченъ, но прежде чѣмъ разойтись, епископы пожелали собраться въ седьмой разъ. Это послѣднее собраніе происходило 13 Марта.

На немъ снова было подтверждено исповѣданіе вѣры; а Прокопій Кесарійскій произнесъ рѣчь въ честь императора и Фотія. Затѣмъ легаты папскіе сдѣлали слѣдующее заявленіе: «Если кто либо не признаетъ Фотія патріархомъ и не находится въ общеніи съ нимъ, то да будетъ часть его съ Іудею и да не признаютъ его христіаниномъ!» Соборъ одобрилъ это, и прежде закрытія засѣданія, снова раздались хвалебные возгласы въ честь патріарховъ Фотія и Іоанна. Еще прежде собора, Фотій и папа условились относительно прибавки къ символу, сдѣланной западными христіанами. Въ сущности папа отнесся безразлично къ этому вопросу, потому что собственно римская церковь еще не допускала этой прибавки. Вотъ почему легаты не сдѣлали никакого возраженія на заявленія, предшествовавшія чтенію символа на соборѣ. Для уничтоженія же дурного отношенія возникшаго въ Константинополѣ къ церкви римской по поводу прибавки къ символу, Іоаннъ объявилъ, что римская церковь принимаетъ символъ, ничего не убавляя и ничего не прибавляя къ нему: «Что бы васъ увѣрить относительно того члена вѣры, который причинилъ соблазнъ среди церквей. (мы заявляемъ) что не только не допускаемъ вопроса по этому предмету, но и на тѣхъ, которые первые имѣли смѣлость сдѣлать эту прибавку, мы смотримъ, какъ на извратителей слова Божія, искажителей ученія Іисуса Христа, апостоловъ, отцевъ, даровавшихъ намъ этотъ символъ. Мы соприсягаемъ ихъ къ части Іуды, потому что они растерзали члены Христа. Но вы слишкомъ благоразумны, чтобы не понять того какъ трудно заставить всѣхъ нашихъ епископовъ мыслить подобнымъ же образомъ, и въ короткое время измѣнить обычай вошедшій въ употребленіе уже столько лѣтъ. Итакъ мы думаемъ, что никого не должно обязывать отказаться отъ прибавки, сдѣланной въ символѣ; но надобно мало по малу и съ кротостію побуждать къ отреченію отъ этого богохульства. Люди, укоряющіе насъ въ принятіи этой прибавки, обманываются; но тѣ, которые утверждаютъ, что среди насъ есть много принимающихъ прибавку, говорятъ истину. Вы вмѣстѣ со мною должны трудиться, чтобы съ

кротостію образумить тѣхъ, которые удалились отъ святаго ученія». Нельзя разсуждать съ большею энергіею и большею справедливостію о западномъ заблужденіи. Да и во всемъ своемъ поведеніи въ отношеніи къ Фотію Іоаннъ показалъ ту же энергію. Онъ не побоялся уничтожить все, что было сдѣлано его предшественниками, Николаемъ и Адріаномъ, съ такою поспѣшностію и безъ собранія необходимыхъ свѣдѣній. Пригородные епископы на соборѣ присоединились къ папѣ для уничтоженія соборовъ Николая и Адріана и для засвидѣтельствованія почтенія къ великому патріарху, котораго уважала вся восточная церковь.

Понятно, что враги восточной церкви и Фотія не могутъ простить папѣ Іоанну этихъ засвидѣтельствованій, столь ясныхъ и столь рѣшительныхъ. Люди, признающіе себя тѣсно соединенными съ папствомъ, подвергаютъ однакоже папѣ оцѣнкѣ. Они превозносятъ однихъ и осуждаютъ другихъ. Такимъ образомъ Іоаннъ VIII не былъ пощаженъ ими. Они унижаютъ его ¹⁾ столько же, сколько возвышаютъ Николая и Адріана. И однакоже каждому серьезному и безпристрастному человѣку очевидно, что Іоаннъ велъ себя мудро; между тѣмъ, какъ два его предшественника дѣйствовали страстно.

Самый важный аргументъ враговъ Фотія противъ этого патріарха состоитъ въ томъ, будто онъ видоизмѣнилъ письмо папы Іоанна и дѣянія собора, возстановившаго Фотія. Но на чемъ основываются они, утверждая подобный фактъ? Они не могутъ представить никакихъ доказательствъ. Справедливо то, что существуетъ нѣкоторое различіе въ формѣ между латинскими письмами, какими ихъ имѣютъ теперь и тѣми же самыми письмами, переведенными на греческій языкъ. Но мы уже замѣтили, что еще въ XII столѣтіи на Западѣ обладали латинскими письмами, согласными съ письмами греческими, включенными въ дѣянія собора. От-

¹⁾ Кардиналъ Бароній укоряетъ его въ томъ, что въ дѣлѣ Фотія онъ обнаружилъ характеръ настолько слабый, что его можно считать женщиною. По его мнѣнію, отсюда-то и возникла, безъ сомнѣнія, сказка о паписѣ Іоаннѣ. Но это мнѣніе до такой степени смѣшно, что мы не станемъ останавливаться на немъ. Можно представить другое объясненіе этой пресловутой сказки, которое должно быть признано истиннымъ.

сюда можно заключить, что въ самомъ Римѣ были составлены двойныя письма: однѣ для Запада, гдѣ письма эти должны были рѣзко выставить извѣстныя положенія, дорога для папства; и другія для Востока, которыя не допускали папскихъ притязаній въ открытыхъ выраженіяхъ.

Папство поступало подобнымъ образомъ во многихъ случаяхъ, какъ это открывается изъ послѣдующей исторіи его. Почему оно не могло поступить такимъ же образомъ среди обстоятельствъ, столь щекотливыхъ, каковы были событія съ Фотіемъ? Если уже безусловно надобно искать искажителя писемъ, то почему непременно надобно искать его на Востокѣ?

Наконецъ преувеличиваютъ важность пресловутыхъ видоизмѣненій въ письмахъ. Въ дѣйствительности видоизмѣненія эти суть только смягченія нѣкоторыхъ выраженій, которыя несомнѣнно оскорбили бы греческихъ епископовъ и которыя сдѣлали-бы всякое примиреніе невозможнымъ. Могутъ ли доказать, что сами легаты не сочувствовали этимъ смягченіямъ? Папскія письма всенародно были читаны на соборѣ; большое число членовъ собора знали два языка—греческій и латинскій. Можно-ли думать, будто легаты были настолько невѣжественны въ греческомъ языкѣ, что не могли понять смысла читаемаго? Они не говорили по-гречески; но кто можетъ доказать, что они не понимали греческаго языка въ достаточной мѣрѣ, или, что они не имѣли переводчиковъ, которые указали бы на эти искаженія, если бы подобныя искаженія имѣли мѣсто? Что приверженцы папской непогрѣшимости оскорблены въ своихъ предразсудкахъ папою, который показалъ достаточно энергіи въ осужденіи двухъ своихъ предшественниковъ, измѣнившихъ истинѣ и справедливости, это мы понимаемъ; но что они высказываются въ пользу папъ, поступившихъ несправедливо въ отношеніи къ этому папѣ, оказавшемуся столь благоразумнымъ, столь примирительнымъ для блага церкви, то это весьма трудно понять. Если бы предшественники и преемники Іоанна VIII имѣли одинаковую любовь къ истинѣ и справедливости, то несчастная схизма, раздѣляющая церковь Христову, не существовала бы.

Фотій со всею восточною церковію требовалъ только одного: безусловной вѣрности апостольскому ученію, сохраненному церковію и провозглашенному семью вселенскими соборами. Папы, надменные властію, которую приобрѣли благодаря франкскимъ королямъ, сочли себя въ правѣ нарушить древнія преданія и передѣлать ихъ въ свою пользу. Они пожелали распространить на православномъ Востокѣ свои антихристіанскія притязанія и сдѣлались виновниками схизмы. Іоаннъ VIII былъ исключеніемъ среди папъ. Послѣдователи схизматическаго папства не могутъ простить ему этого; но истинные христіане должны воздать честь папѣ, который хотѣлъ возстановить досточтимыя преданія православной церкви римской ¹⁾.

Легаты, по возвращеніи своемъ въ Римъ, извѣстили папу Іоанна обо всемъ, что совершилось на Константинопольскомъ соборѣ. Кажется они подали папѣ надежду на то, что императоръ предоставитъ ему юрисдикцію въ Болгаріи. Императоръ и Фотій снабдили ихъ письмами, въ которыхъ однакоже вопросъ этотъ обойденъ былъ молчаніемъ. Да и Фотій признается въ своемъ письмѣ, что онъ не испрашивалъ извиненія у собора, какъ это предписывалъ папа, и не испрашивалъ потому, что онъ не считаетъ себя виновнымъ, а только одни виноватые должны испрашивать прощеніе.

Іоаннъ VIII отвѣтилъ на письма императора и Фотія. Онъ предполагаетъ, что императоръ согласится на его юрисдикцію надъ Болгаріей. Но очевидно, что онъ не былъ безусловно увѣренъ въ этомъ, и вотъ почему говоритъ въ своемъ письмѣ, что если ле-

1) Нѣкоторые приверженцы схизматическаго папства пытались извинить Іоанна VIII въ его любви къ истинѣ и справедливости. Для этого они изобрѣли факты, никогда не существовавшіе. Они утверждаютъ напр., что раньше своей смерти Іоаннъ узнавши о томъ, что его легаты поступили вѣроломно, послалъ въ Константинополь легата Марина, предсѣдательствовавшаго на соборѣхъ 18 человекъ, для отлученія Фотія. Они даже заявляютъ, будто Маринъ отлучилъ Фотія при большомъ стеченіи народа въ церкви св. Софіи и послѣ этого тотчасъ ушелъ въ Римъ, изъ боязни быть преданнымъ смерти. Эта сказка не подтверждается никакими доказательствами, и противорѣчитъ всѣмъ документамъ. Поэтому она не заслуживаетъ опроверженія.

гаты не исполнили его приказаній, то онъ не признаетъ того, что сдѣлано было на соборѣ.

Въ своемъ письмѣ къ Фотію онъ выражаетъ ту же осторожность, какъ и въ своемъ письмѣ къ императору. Онъ сожалѣетъ, что со стороны Фотія не былъ исполненъ актъ подчиненія, какъ онъ это предписывалъ. Но это не мѣшаетъ ему одобрить соборъ и поздравить патріарха со всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано имъ для единенія церквей.

Такимъ образомъ, миръ между Римомъ и Константинополемъ былъ восстановленъ. Іоаннъ VIII померъ спустя немного времени послѣ этого (882 г.). Преемникомъ его былъ Маринъ, тотъ самый фанатическій легатъ, который предсѣдательствовалъ на соборѣ изъ 18 епископовъ. Легко можно предполагать, что онъ долженъ былъ высказаться противъ Фотія, хотя люди утверждающіе это, не могутъ представить сколько нибудь сильныхъ доказательствъ въ пользу этого предположенія.

Папа Стефанъ, котораго одни признаютъ пятымъ этого имени, а другіе шестымъ, второй преемникъ Марина, заявляетъ, что этотъ Маринъ былъ посланъ Іоанномъ VIII въ Константинополь, и что императоръ Василій заключилъ его въ темницу, когда онъ прибылъ туда. Этотъ фактъ извлеченъ изъ письма Стефана къ Василю отъ 885 года. Но нѣтъ никакого другаго извѣстія, которое вмѣстѣ съ свидѣтельствами враговъ Фотія подтверждало бы, что папа Іоаннъ VIII осудилъ Фотія послѣ того, какъ восстановилъ его. Такъ какъ это доказательство не можетъ быть признаваемо неопровержимымъ, какъ хотѣлось бы, то враги Фотія ссылаются на *древнее преданіе*, не говоря, откуда оно проистекаетъ; затѣмъ ссылаются еще на надпись, находившуюся на портикѣ церкви св. Софіи съ правой стороны. Но откуда появилась эта надпись, если только она когда-либо существовала? Если дѣйствительно на стѣнахъ св. Софіи выгравировали надпись противъ Фотія, то этотъ фактъ могъ совершиться только въ эпоху, когда крестоносцы завладѣли Константинополемъ. А въ такомъ случаѣ въ чемъ же состоитъ сила этой надписи? Стиліанъ утверждаетъ, что Фотія пре-

слѣдовали въ Римѣ даже до временъ папствованія Формоза. Этотъ папа усвоилъ себѣ ересь собора восемнадцати и утверждалъ, что Фотій, не обладавшій *священническимъ посвященіемъ*, хотя былъ посвященъ сообразно съ канонами, не могъ сообщить посвященія другимъ ¹⁾.

Фотій оставался на Константинопольскомъ престолѣ до смерти императора Василия (886 г.). Сынъ императора Левъ, названный Философомъ, изгналъ этого достопочтеннаго патріарха и замѣстилъ его самымъ младшимъ братомъ своимъ Стефаномъ. Князь Стефанъ въ качествѣ иподіакона подписалъ дѣянія собора, возстановившаго Фотія.

Когда достопочтенный патріархъ былъ изгнанъ, то его враги и въ частности Стиліанъ, возобновили противъ него свои клеветы.

Стиліанъ писалъ къ папѣ Стефану пресловутое письмо, которое вмѣстѣ съ *Жизнію Игнатія* Никиты послужило основаніемъ всѣхъ порицаній, повторяемыхъ западными писателями. Чтобы дать понятіе объ этомъ пресловутомъ письмѣ, замѣтимъ, что писатель его обвиняетъ Фотія въ смерти Игнатія. Самъ Никита не взводилъ на него подобнаго обвиненія. Молчаніе Никиты, заклятаго врага Фотія, само по себѣ служитъ достаточно краснорѣчивымъ доказательствомъ лжи Стиліана. Чтобы объяснить перемѣну чувствъ императора Василия въ отношеніи къ Фотию, Стиліанъ утверждаетъ, что онъ приготовилъ для него околдованный напитокъ. Одно это достаточно показываетъ степень геніальности Стиліана. А Никита для объясненія этой же перемѣны прибѣгаетъ къ другому средству: онъ утверждаетъ, что Фотій составилъ вымышленную генеологию императора Василия, по которой императоръ происходитъ отъ Тиридата, армянскаго царя.

Оба указанія объясненія смѣшны; но во многихъ отношеніяхъ ихъ можно противопоставить одно другому для характеристики

¹⁾ Этотъ папа Формозъ былъ осужденъ Стефаномъ (шестымъ или седьмымъ), который выкопалъ его тѣло изъ земли, опозорилъ его память и присудилъ бросить трупъ его въ Тибръ. Справедливо то, что папа Іоаннъ IX возвратилъ ему права. Но, безъ сомнѣнія, всѣ эти папы одинаково были непогрѣшны.

этихъ двухъ главныхъ враговъ Фотія. Конечно, достопочтенный патріархъ не обращалъ вниманія ни на эти клеветы, ни на интриги своихъ враговъ. Въ теченіи четырехъ лѣтъ, когда онъ занималъ еще свой престолъ, равно какъ и во время своей ссылки, онъ трудится лишь надъ ученіями, вызвавшими отдѣленіе церкви восточной отъ западной. Самымъ важнымъ изъ этихъ ученій была прибавка къ символу слова *Filioque*. Въ своемъ письмѣ къ архіепископу Аквилейскому и въ своей *Mystagogia* ¹⁾ онъ углубляется въ этотъ вопросъ и доказываетъ, что западное заблужденіе осуждено вселенскимъ преданіемъ. Многіе западные богословы, побуждаемые подстрекательствомъ папы Николая, старались отвѣтить на эти первыя возраженія Фотія. Существуютъ также сочиненія Ратрамна, монаха карбейскаго, и Эннія, епископа парижскаго ²⁾. Оба эти сочиненія преимущественно усиливаются доказать западное ученіе свидѣтельствомъ отцевъ греческихъ и латинскихъ и даже священнаго Писанія. Фотій безъ труда показалъ, что приводимые ими святоотеческіе тексты и дѣлаемые изъ нихъ выводы ложны; и такъ какъ онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи твореній латинскихъ отцевъ, то въ отношеніи къ нимъ ограничился лишь замѣчаніемъ, что если нѣкоторые латинскіе отцы и говорили о западномъ заблужденіи, то они ошибались и ихъ частное мнѣніе не можетъ имѣть большей силы, чѣмъ ученіе проповѣдуемое церковію вселенскою. И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи твореній латинскихъ отцевъ, изданныхъ впоследствии съ большою тщательностію, можно убѣдиться, что защитники западнаго ученія ссылались на латинскихъ отцевъ ошибочно и что тексты приводимые ими были или подложны, или дурно истолкованы. Св. Августинъ принадлежитъ къ числу писателей, которымъ наиболѣе злоупотребляли. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ латинскихъ

¹⁾ Это твореніе издано въ наши дни Гергенротеромъ. Издатель сопровождалъ это твореніе Фотія безчисленными примѣчаніями, рѣшительно не подтверждающими того, что онъ хотѣлъ подтвердить и не доказывающими даже его учености; потому что легко приводить примѣчанія, не будучи ученымъ.

²⁾ Этюдъ два творенія изданы Др. Лукомъ D'Achéry въ его *Spicileg.*

писателей онъ наиболѣе обширно рассуждалъ объ отношеніяхъ Сына и Св. Духа. Многие его тексты, взятые въ отдѣльности, представляются благопріятствующими ученію объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Но тѣ, которые ссылались на него, ошибались, не замѣтивши маленькаго текста, въ которомъ св. Августинъ утверждаетъ, что все, написанное имъ объ отношеніи Сына и Св. Духа, не относится къ вѣчному исхожденію, потому что, прибавляетъ онъ, было бы безразсудно приписывать вѣчное исхожденіе Св. Духа и отъ Сына ¹⁾. Такимъ образомъ, ошибочно призываютъ свидѣтельство св. Августина, и его нельзя цитировать въ защиту западнаго ученія, не искажая текстовъ и не сообщая имъ смысла, котораго не было въ умѣ св. учителя.

Отсюда открывается, что Фотій былъ правъ, когда утверждалъ, что все вселенское преданіе противорѣчитъ заблужденію, принятому въ западной церкви испанцами и распространенному франками.

Фотій въ своей *Mystagogia* ссылается противъ западныхъ заблужденій и на папу Іоанна VIII, котораго называетъ своимъ другомъ.

Во всемъ этомъ твореніи своемъ Фотій возвышается къ самымъ высшимъ богословскимъ соображеніямъ и постоянно утверждаетъ на слѣдующемъ вселенскомъ началѣ: не должно допускать нововведеній и надобно держаться апостольскаго ученія, единодушно принимаемаго, признаваемаго и исповѣдуемаго отцами, органами истинной вѣры.

Онъ защищаетъ тоже ученіе во многихъ другихъ сочиненіяхъ и въ частности въ своемъ письмѣ къ архіепископу—митрополиту Аввилейскому ²⁾. Можно смотрѣть на оба эти творенія Фотія, какъ

1) S. Aug. въ его *Trinit.*

2) По этому поводу Гефеле дѣлаетъ одно очень оригинальное замѣчаніе, достойное упоминанія. Повѣствуя о папѣ Іоаннѣ, онъ говоритъ, что Фотій не рассказываетъ о томъ, что онъ писалъ къ нему; слѣдовательно письмо, находящееся въ концѣ дѣяній Константинопольскаго собора 879 г., не есть подлинное. Страсть часто дѣлаетъ человека смѣшнымъ. Именно это и случилось съ Гефеле. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Фотій могъ бы знать убѣжденія папы Іоанна VIII о

на самыя возвышенныя и самыя убѣдительныя изъ всѣхъ его сочиненій по наиболѣе важному вѣроучительному вопросу, касающемуся спора между двумя церквами Востока и Запада. Никогда въ церкви западной не могли опровергнуть доказательствъ, которыя ученый Фотій изложилъ съ такимъ краснорѣчіемъ и такою ясностію, составлявшими какъ бы два отличительныя свойства его генія. Этотъ мнимый еретькъ, которому никогда не могли приписать ни одного заблужденія въ отношеніи ко всему утверждаемому имъ, ссылается на традиціональное ученіе вѣры, признанное на соборѣ, возстановившемъ его. Осудивши франко-испанское заблужденіе въ союзѣ съ легатами папы Іоанна VIII и въ согласіи съ этимъ папою, державшимся подобно своимъ предшественникамъ древняго символа, Фотій сдѣлалъ священнымъ православное ученіе навсегда. Извѣстно, что папа Левъ III написалъ на двухъ доскахъ съ обѣихъ сторонъ алтаря церкви св. Петра символъ безъ прибавки *Filioque*, чтобы этимъ выразить протестъ противъ заблужденія, которое Карлъ и его богословы хотѣли ему навязать. Іоаннъ VIII оказался вѣрнымъ древнему ученію, и Фотій находился съ нимъ въ совершенномъ общеніи.

Этотъ же великій человѣкъ составилъ и многія другія творенія, которыя доставили ему славу глубокаго ученаго и выдающагося канониста. Его твореніе, извѣстное подъ именемъ «Библиотека», есть каталогъ 224 писателей, которыхъ онъ оцѣнилъ и привелъ въ извлеченія. Большая часть сочиненій, о которыхъ онъ произ-

западномъ заблужденіи, если бы этотъ папа не писалъ ему о нихъ? Приведемъ еще одно мнѣніе, болѣе тѣмъ оригинальное того же писателя: «Дѣянія Константинопольскаго собора 879 года, говоритъ онъ, *освятими слѣдующія два величайшія крайнія положенія*: отверженіе *Filioque* и провозглашеніе Византійскаго первенства». А это первенство было провозглашено тѣмъ, что члены собора высказали, что Фотій своимъ разумомъ возвышается надъ всѣми восточными епископами. Вотъ и все, что было ими высказано. Очевидно здѣсь не было даже упоминанія о *византійскомъ первенствѣ*. Что же касается *Filioque*, то соборъ отвергъ его въ согласіи съ Римомъ.

Итакъ гдѣ же два величайшія крайнія положенія, о которыхъ говоритъ Гефеле? Именно онъ самъ уже допускаетъ крайнія положенія, навязывая собору заявленіе, котораго соборъ не дѣлалъ, и признавая крайнимъ положеніемъ вѣрность древнему вселенскому символу.

носить здѣсь свой судъ, погибла; другія же сочиненія еще существуютъ и доказываютъ, что приведенныя Фотіемъ извлеченія вѣрны и хорошо выбраны.

Церковные писатели, о которыхъ онъ говоритъ и которыхъ творенія не существуютъ болѣе, простираются до сорока, не считая потерянныхъ твореній такихъ писателей, отъ которыхъ остались нѣкоторыя другія сочиненія. Онъ сообщаетъ также свѣдѣнія о многихъ соборахъ и о нѣкоторыхъ еретическихъ сочиненіяхъ. Этотъ прекрасный сборникъ служитъ богатѣйшимъ источникомъ, откуда могутъ быть почерпаемы ученые свѣдѣнія. Одною этого сборника достаточно для того, чтобы дать Фотію мѣсто въ ряду величайшихъ писателей и самыхъ выдающихся ученыхъ.

Рядомъ съ этимъ твореніемъ можно поставить его два сборника канонѳвъ и гражданскихъ законовъ, принятыхъ восточною церковію. Первый сборникъ называется *Notosanon*. Онъ раздѣляется на 14 отдѣловъ, а каждый отдѣлъ дѣлится на главы, согласно съ различіемъ предметовъ. Этотъ сборникъ содержитъ всѣ каноны, начиная отъ апостольскихъ правилъ и оканчивая постановленіями седьмаго вселенскаго собора. Фотій присѳдиняетъ къ этому еще каноны, составленные на двухъ послѣднихъ соборахъ, происшедшихъ въ Константинополѣ и возобновившихъ только древніе каноны. Въ этомъ твореніи своемъ Фотій только указываетъ на тексты канонѳвъ и законовъ, но не приводитъ ихъ буквально. Онъ же составилъ другое твореніе, которое служитъ дополненіемъ перваго и въ которомъ онъ буквально приводитъ всѣ тексты канонѳвъ и законовъ. Это твореніе носитъ названіе: *Sintagma* ¹⁾. Въ обоихъ твореніяхъ своихъ онъ приводитъ каноны и законы, только принятые въ первенствующей церкви, изложенные семью вселенскими соборами и получившіе вообще распространеніе въ церкви православной—восточной.

1) У Комбефизія: *Auctorium Noviss.* Въ *Anecdota C. Wolf'a* можно находить трактатъ Фотія противъ манихеевъ. Извлеченія же изъ различныхъ твореній его обнародованы многими учеными. Минъ въ своей *греческой патрологии* собралъ все то, что было издано прежде обнародованія этого сборника.

Между произведеніями Фотія заслуживаетъ также особеннаго вниманія его переписка ¹⁾. Въ большей части своихъ писемъ онъ отвѣчаетъ на предлагаемые ему затруднительные вопросы преимущественно же въ отношеніи къ различнымъ текстамъ св. Писанія. Въ этихъ письмахъ онъ представляетъ доказательства своей глубокой учености. Второго рода его письма суть отвѣты тѣмъ, которые оставили его во время первой его ссылки. Послѣднія письма исполнены кротости и въ нихъ нельзя встрѣтить ни одного слова, которое свидѣтельствовало бы объ его злопамятствѣ. Въ числѣ лицъ, которыя просили у него извиненія, былъ одинъ человѣкъ, къ которому онъ не питалъ большаго довѣрія. Въмѣсто того, чтобы отвѣчать ему съ горечью, онъ принимаетъ шутливый тонъ и говоритъ ему: «Три апостола оказались виновными: Петръ, отрекшись отъ своего Учителя; Тома, не захотѣвшій вѣрить въ Его воскресеніе; Иуда, предавшій Его. Первые два апостола раскаялись и были прощены. Третій же не отказался отъ своего заблужденія и повѣсился. Если ты подражаешь Іудѣ, то тебѣ, подобно ему, остается только зацѣпиться веревкой для повѣшенія».

Между письмами Фотія существуетъ одно, написанное къ Анастасію, бібліотекарю римской церкви. Оно было отвѣтомъ на письмо Анастасія ²⁾. Очевидно оно написано прежде пресловутаго собора 18, котораго дѣянія Анастасій издалъ, присоединивъ къ нимъ предисловіе, полное ненависти къ этому достопочтенному патріарху. Мы думаемъ, что Анастасій писалъ къ Фотію, когда былъ отлученъ въ Римѣ. Подобно многимъ западнымъ людямъ, жаловавшимся на палу Николая, онъ безъ сомнѣнія надѣялся, что Фотій прійметъ его сторону. Но Фотій отвѣчалъ ему уклончиво и далъ понять, что онъ не долженъ рассчитывать на него. Отско-

¹⁾ Это произведеніе въ первый разъ было издано кардиналомъ Ман, *Specilegium Romanum*, t. VII.

²⁾ Валетта въ самое послѣднее время обнаружилъ въ Лондонѣ великолѣпное греческое изданіе переписки Фотія. Это изданіе болѣе полно, чѣмъ древнее Лондонское же изданіе; но въ нашемъ сочиненіи мы слѣдовали древнему изданію, потому что именно на него чаще всего ссылаются западные церковные писатели.

да то, безъ сомнѣнія, и возникла ненависть Анастасія и всѣ клеветы противъ великаго патріарха.

Фотій велъ переписку съ Григоріемъ Сиракузскимъ, этимъ преданнымъ другомъ, раздѣлявшимъ съ нимъ и горе и радость. Когда Фотій былъ осужденъ соборомъ 18 и изгнанъ, Григорій получилъ возможность возвратиться въ Сиракузы, откуда сарацины были изгнаны; но едва только онъ прибылъ туда, какъ сарацины снова взяли этотъ городъ. Григорій, вынужденный снова оставить свой престолъ, возвратился въ Константинополь. Тамъ то онъ снова увидѣлъ своего друга Фотія, который поручилъ ему управленіе одною церковію. Когда онъ писалъ письмо, которое существуетъ теперь, Фотій находился еще въ ссылкѣ, а Григорій въ своей Сиракузской церкви. Фотій припоминаетъ Григорію ¹⁾ обо всемъ томъ, что они вмѣстѣ претерпѣли и напоминаетъ о ихъ старинной дружбѣ. Онъ благодаритъ его за добро, сдѣланное имъ для церкви, съ того момента, когда Константинопольская церковь находилась въ столь бѣдственномъ состояніи. Можно было-бы подумать, что Фотій воспользуется этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы обвинить Игнатія; но онъ и не упоминаетъ о немъ, и во всей его перепискѣ нельзя найти ни одного слова, оскорбительнаго для его противника. Враги Фотія благоразумно поостереглись сдѣлать это замѣчаніе. Что мѣшало ему въ письмахъ къ своимъ друзьямъ дѣлать Игнатію тѣ упреки, которые столь естественно выливаются изъ оскорбленнаго сердца? Но онъ не говоритъ ни одного слова о немъ. А это съ очевидностію доказываетъ, что Фотій всегда питалъ глубокое уваженіе къ своему противнику и что онъ говорилъ истину на соборѣ 879 года, когда въ присутствіи почти 400 епископовъ, придворныхъ и народа, указывалъ на то, какія дружественныя отношенія существовали между Игнатіемъ и имъ, когда императоръ Василій возвратилъ его изъ его ссылки.

Григорій Азбестъ и Фотій на всегда остались друзьями. Когда

¹⁾ Phot. Epist. 118.

Григорій померъ, Фотій произнесъ надъ нимъ надгробное слово и восхвалилъ его добродѣтели столько же, какъ и его высокій умъ. Этотъ сынъ того императора, который лишилъ престола отца Игнатія и который преслѣдовалъ его семейство, и самъ испыталъ превратности политической революціи. Его противники, приверженцы Игнатія, говорили о немъ много дурнаго, но никогда не могли доказать ни одного своего несправедливаго обвиненія. Григорій былъ великимъ епископомъ, преслѣдуемымъ подобно своему другу Фотию.

Въ корреспонденціи Фотія можно находить прекрасныя письма, въ которыхъ онъ оцѣниваетъ съ свойственною ему силою пресловутый соборъ 18, анаематствовавшій его. Вотъ что онъ писалъ къ монаху Теодосію: «Почему ты удивляешься, что невѣжды (profanes) предсѣдательствовали въ собраніи епископовъ; что осужденные выдали себя за судей; что невинные были приводимы предъ нихъ, окруженные солдатами, чтобы не могли отереть и рта? Ты имѣешь много примѣромъ подобнаго рода фактовъ. Иисусъ, мой учитель и мой Богъ, не былъ-ли осужденъ Анною, Каіафою и Пилатомъ? Св. Стефанъ, св. Іаковъ, епископъ Іерусалимскій, св. Павелъ, не подвергались-ли подобной-же участи? Не находишь-ли ты подобныхъ же примѣровъ въ жестокихъ преслѣдованіяхъ мучениковъ? Тѣ, которые много разъ заслуживали смерть, важно засѣдали, облеченные титуломъ судей; а тѣ, которыхъ міръ не былъ достоинъ, были приводимы предъ нихъ для осужденія на смерть. Итакъ, не удивляйся тому, что они поступаютъ такъ дерзко и не думай, что терпѣніе Божіе доказываетъ, будто Господь оставляетъ дѣла человѣческія безъ вниманія. Господь все располагаетъ къ нашему благу въ непроницаемыхъ тайнахъ Своего Промысла».

Фотій писалъ также ¹⁾: «не удивляйся тому, что простыхъ измалытрянскихъ лазутчиковъ превратили во епископовъ, что имъ усвоили патриаршескія преимущества, что ихъ поставили во главѣ

¹⁾ Изъ дѣлнй собора 879 г. видно, что мнимые послы патриарховъ на соборнхъ 18, быль витриганы, не имѣвшіе никакой миссіи.

этого соборика ¹⁾. Не почитай этого страннымъ; это обычное слѣдствіе ихъ интригъ. Всѣ эти люди знали, что они обладаютъ одною и тою-же благодатію священства. А потому прилично было, чтобы подобное собраніе имѣло и предсѣдателями лазутчиковъ, принадлежащихъ къ народу, враждебному Іисусу Христу. Кто же другой могъ войти съ ними въ общеніе для удовлетворенія своей ярости противъ столькихъ священниковъ Божіихъ, какъ не эти лазутчики, враги Божіи? Ихъ соборъ былъ разбоемъ варваровъ. На него не были представлены ни свидѣтели, ни обвинители; на немъ не было возбуждено никакого формальнаго разслѣдованія. Всѣ мы были мученики, окруженные солдатами съ саблями на голо; всѣмъ намъ угрожали смертію, если только мы осмѣлимся открыть ротъ. Насъ заставляли стоять по шести часовъ на ногахъ, а иногда и по девяти, чтобы имѣть достаточно времени ругать насъ. Каждое засѣданіе было какъ-бы театральнымъ дѣйствіемъ, на которомъ представленія чередовались чтеніемъ варварскихъ писемъ, исполненныхъ богохульства. Зрѣлище это всегда оканчивалось безъ развязки и безъ разумныхъ рѣчей. Тамъ слышны были только безразсудные возгласы, какъ на вакханаліяхъ. Тамъ кричали: «Мы не прибыли сюда, чтобы судить васъ; вы уже осуждены, вы должны лишь подчиниться осужденію». Хотя оскорбленіе, столь нечестивое, превышаетъ оскорбленія со стороны евреевъ, всю наглость язычниковъ и глупость варваровъ; но ты не долженъ ни удивляться этому, ни роптать на суды Божіи». Надобно согласиться, что эта картина, очень мало лестная для соборика изъ 18 епископовъ, совершенно точна и согласна съ соборными дѣяніями, какъ ихъ изображаетъ Анастасій бібліотекаръ.

Спустя много времени послѣ этого соборика, на которомъ иконоборцы подъ маскою великой ревности къ Игнатію скрывали свою ненависть къ Фотію и къ членамъ его православной фамиліи, Фотій писалъ діакону Григорію ²⁾.

¹⁾ *Phot. Epist.* 113.

²⁾ *Phot. Epist.* 115.

«Уже прошло много времени, какъ иконоборческій соборъ анае-
матствовалъ моего отца, исповѣдника вѣры, и моего дядю Та-
расія, славу епископовъ; но когда подвергли анаемѣ меня, то
этимъ, хотя и противъ моей воли, возвели меня на истинный епи-
скопскій престолъ. Вудемъ соглашаться съ анаеемою тѣхъ, которые
презираютъ заповѣди Господни».

«Иногда надобно бояться анаемы, писалъ онъ Игнатію, митро-
политу Клавдіопольскому ²⁾, надобно стараться избѣгать ея, когда
она произносится противъ людей нечестивыхъ проповѣдниками
истинной религіи. Но когда преступные люди съ наглымъ безстыд-
ствомъ поражаютъ ея защитниковъ истиннаго ученія; когда, пре-
зирая всѣ божескіе и человѣческіе законы и всякій разумъ, вы-
даютъ за церковный законъ свою варварскую ярость, тогда это
столь страшное наказаніе становится ничтожнымъ. Люди добродѣ-
тельные скорѣе должны желать его, чѣмъ бояться. Не дерзость
враговъ истины дѣлаеть страшными церковныя наказанія, но со-
вѣсть тѣхъ, которые подвергаются имъ. Итакъ невинный можетъ
посмѣваться надъ ихъ наказаніями, которыя могутъ доставить
вѣнцы и безсмертную славу тѣмъ, которыхъ думаютъ поразить.
Всѣ добродѣтельные люди предпочтутъ тысячу разъ быть оскор-
бленными и анаематствованными тѣми, которые отдѣлились отъ
Исуса Христа, чѣмъ участвовать въ ихъ нечестивыхъ дѣяніяхъ и
заслуживать ихъ рукоплесканія».

Въ одномъ письмѣ, адресованномъ къ епископамъ, не отдѣлив-
шимся отъ него послѣ собора 18, Фотій дѣлаеть слѣдующую важ-
ную замѣтку:

«Во время великой бури, направленной противъ меня, говоритъ
онъ, никто меня не оставилъ, ни великій, ни малый, ни епископъ
маленькой церкви, ни епископъ большой церкви; ни люди необ-
разованные, ни люди ученые, ни люди краснорѣчивые, ни люди

1) *Phot. Epist.* 174. Издатель писемъ Фотія замѣчаетъ, что Бароній видоизмѣ-
нилъ это письмо, и не побоялся сказать, что знаменитый кардиналъ былъ клевет-
никомъ, исполненнымъ злобы. Мы присоединяемся къ этой оцѣнкѣ.

добродѣтельныя. Никто не поддался обстоятельствамъ и не былъ увлеченъ потокомъ¹⁾.

Съ теченіемъ времени нѣкоторые применили въ Игнатію; но и эти люди просили извиненія у Фотія, который не сдѣлалъ имъ никакого упрека и принялъ ихъ съ вротостію. Вся его переписка дышетъ тихостью нрава; въ ней блестятъ все христіанскія добродѣтели, самое глубокое знаніе и самый свѣтлый разумъ. Читая эту переписку, невольно чувствуешь, что достопочтенный патріархъ, по своему уму и по своему общественному положенію, былъ неизмѣримо выше того, чтобы могъ унижаться до интригъ.

Таковъ этотъ человѣкъ, котораго враги превратили въ честолюбца низкаго сорта, въ интригана и даже въ дикаго звѣря, основываясь на свидѣтельствѣ лишь двухъ или трехъ противниковъ, которые завидовали его превосходству и которые даже противорѣчатъ другъ другу въ своихъ клеветахъ. Когда безъ предвзятыхъ мыслей прочтутъ творенія Фотія и когда пріймутъ во вниманіе все обвиненія со стороны западныхъ христіанъ, обвиненія направленныя противъ него; тогда можно только оплакивать ослѣпленіе несчастныхъ писателей, пожертвовавшихъ истиною ради партійной злобы. Въ самомъ дѣлѣ, не осмѣливались-ли они выставять великаго православнаго патріарха сектантомъ, еретикомъ, раскольникомъ, творцемъ схизмы, существующей между Восточной и Западной церквами? Не усвоили-ли они достопочтенной католической православной церкви смѣшнаго и презрительнаго названія церкви фотиніанской? Но нельзя указать никакого ученія, въ отношеніи въ которому Фотій былъ-бы новаторомъ. Во всехъ своихъ сочиненіяхъ онъ остается вѣрнымъ католическому началу вселенскаго преданія. Во имя этого преданія онъ возсталъ противъ еретическихъ захватовъ папства; во имя этого же преданія онъ ведетъ борьбу противъ ложныхъ доктринъ, которыя въ его время

¹⁾ Подъ актами собора 18 приводятся имена ста епископовъ; но о нихъ нѣтъ упоминанія въ самихъ актахъ, и Никита сожалѣетъ, что на соборъ были допущены 10 епископовъ, не сдѣлавшихъ ничего противъ Фотія и затѣмъ возбуждавшихъ подозрѣніе императора Василія противъ этого соборника.

стали распространяться въ церкви западной. Его произведенія во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ быть поставленными рядомъ съ твореніями отцевъ церкви, самыхъ ученыхъ и самыхъ знаменитыхъ.

Оставивши свой престоль по приказанію Льва-Философа, Фотій удалился въ армянскій монастырь. Онъ жилъ въ уединеніи и въ исполненіи христіанскихъ добродѣтелей. Онъ померъ въ 892 году, стяжавши славу святаго епископа, великаго богослова и неустрашимаго защитника православія.

И—нъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ НИКОЛАЯ АСТАФЬЕВА.

«Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами». СПБ. 1889 г. Библиографическая замѣтка.

Книга Н. Астафьева, заглавіе которой мы только что выписали, является весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу церковно-историческую литературу. Исторія Библіи въ Россіи до сего времени почему то мало обращала на себя вниманіе нашихъ ученыхъ. Вся литература по этому вопросу ограничивается, какъ замѣчаетъ г. Астафьевъ, двумя только монографіями, именно монографіей Чистовича «Исторія перевода Библіи на русскій языкъ», въ «Христ. Чт.» 1872 и 1873 гг. и статьей Пынина «Россійское библейское Общество», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868 годъ. Но оба эти сочиненія выясняютъ лишь два эпизода изъ новѣйшей исторіи Библіи въ Россіи. Г. Астафьевъ задался цѣлю прослѣдить исторію Библіи въ Россіи съ самаго водворенія у насъ христіанской религіи. Предпринятый весьма не легкій трудъ свой г. Астафьевъ выполнилъ, по нашему мнѣнію, весьма удачно. Достоинство его книги состоитъ въ томъ, что она представляетъ изъ себя сводъ не сырого, мало обработаннаго матеріала, — чѣмъ не рѣдко грѣшатъ ученые, — а матеріала строго обдуманнаго хорошо систематизированнаго и освѣщеннаго одной руководящей идеей. Сущность этой идеи авторъ выражаетъ въ предисловіи къ своему сочиненію. «Слово Божіе, заключающееся въ Библіи, сердечною вѣрою воспринимаемое

и къ жизни примѣняемое, читаемъ мы здѣсь, дѣлается животворнымъ источникомъ истиннаго просвѣщенія и свѣтлой жизни, вызывая къ дѣятельности всѣ духовныя силы чело-вѣка; и наоборотъ, при невѣдѣніи Слова Божія, благороднѣйшія силы наши, лишеныя сроднаго имъ возбужденія, остаются въ усыпленіи, и тьма духовная постепенно, и все усиливаясь, распространяется въ народѣ, съ обычными спутниками ея, суевѣріемъ и грубою безнравственностію». Однако читатель не долженъ думать, что эта идея есть продуктъ априорнаго умозаключенія. Она выработана авторомъ послѣ тщательнаго шестилѣтняго изученія находящагося у него въ рукахъ матеріала. «Найти идею, управляющую фактами, говоритъ онъ въ томъ же предисловіи, на первыхъ порахъ представлялось мнѣ дѣломъ едва выполнимымъ. Приходилось идти сначала оцупью, но мало по-малу факты стали говорить за себя, выясняя основную идею».

«Предки наши, такъ начинается свое сочиненіе г. Астафьевъ, имѣли то неопѣянное преимущество предъ народами Запада, что вмѣстѣ съ св. крещеніемъ имъ принесено было и Священное Писаніе на родственномъ, вполне понятномъ для нихъ нарѣчіи, которое столь мало отличалось отъ тогдашняго русскаго языка, что писатель XI вѣка, мнихъ Іаковъ прямо говоритъ (о Владимірѣ и его подданныхъ): «Пріяше святое крещеніе, готово имуще святое писаніе и книги (богослужебныя) переведены съ греческаго языка на русскій». Благодаря этому обстоятельству читать Библию могли всѣ грамотные люди. Судя по многимъ историческимъ даннымъ, чтеніе Библии для нашихъ предковъ было любимымъ занятіемъ въ свободное время. Какіе же плоды приносило это чтеніе русскому народу? Авторъ разсматриваемой нами книги отвѣчаетъ на этотъ вопросъ довольно подробно. Мы передадимъ только его выводы: «Заботами благочестивыхъ князей возникаютъ многочисленныя школы, книги священныя и духовнаго содержанія дѣятельно переводятся, переписываются, накаплиются цѣлыя бібліотеки ихъ. Сами князья прилежно изучаютъ ихъ, устно и письменно поучаютъ домашнихъ своихъ. Съ другой стороны, видимъ мы длинный рядъ подвижниковъ вѣры

и достойнѣйшихъ пастырей церкви. Возникаетъ собственная литература, замѣчательная какъ по содержанію, такъ и по искусству изложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь христіанская получаетъ быстрое и сильное развитіе» (стр. 29). При свѣтѣ христіанской религіи новый міръ открылся предъ нашими предками, — міръ, полный свѣта, любви, духовной радости, мудрости и силы, святой дѣятельности во славу Божію и живого упованія на иную лучшую жизнь, которую апостоль Павелъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Исаіей, такъ восторженно прославляетъ: «не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 9). Жадно пили они воду живую изъ вѣчнаго источника Слова Божія, вливавшую въ нихъ новыя, дотолѣ невѣдомыя силы... Предъ чуднымъ сіяніемъ небесныхъ вѣчныхъ благъ тускнѣла, въ очахъ ихъ, слава міра съ его суетою, съ его мимолетными радостями и утѣхами; самыя страданія этой временной жизни казались имъ ничтожными въ сравненіи съ ожидающею ихъ вѣчною славою» (стр. 31—32).

Совершенно иную картину представляетъ изъ себя религіозно-нравственное состояніе русскаго общества послѣ нашествія монголовъ, когда Св. Писаніе почти исчезло изъ употребленія. «Какая тьма духовная распространилась въ массѣ народной и какую вражду и противодѣйствіе встрѣчала всякая попытка внести въ нее свѣтъ! Люди, подобные Максиму Греку, первопечатнику Ивану Федорову или ученымъ братьямъ Лихудамъ, старавшіеся внести живительный свѣтъ въ окружающую ихъ густую тьму невѣжества и суевѣрія, подвергались жестокимъ гоненіямъ отъ закоснѣлыхъ приверженцевъ вѣковыхъ заблужденій, съ которыми они свыклись и сжились---невѣжественно, но совершенно искренне почитая ихъ за истину» (стр. 195).

Это религіозное невѣжество, какъ результатъ монгольскаго нашествія, долго омрачало русскую землю. Его приходилось разсѣвать постепенно, путемъ распространенія въ народѣ Слова Божія. Всѣ передовые русскіе люди дѣйствительно стремились къ этому. Вышедшій изъ народа, знавшій потребности его патріархъ Никонъ своимъ здравымъ умомъ понялъ

жизненное значеніе Слова Божія и съ несокрупимою энергіею положилъ начало возстановленію его, очистивъ его отъ ошибокъ переписчиковъ и суемудрыхъ примѣсей. Завѣтнымъ желаніемъ Никона было изданіе славянской Библии, исправленной по греческому тексту; съ этою преимущественно цѣлію и вызваны были въ Москву кіевскіе ученые. Предпріятію этому не суждено было однако же осуществиться при жизни Никона. Вслѣдствіе ссоры съ царемъ, Никонъ устранился отъ дѣлъ, оставилъ даже Москву (въ 1658 г.) и дѣло исправленія Библии остановилось. Суевѣрное невѣжество къ тому же возстало, почитая ересью всякую поправку Библии. Самъ Никонъ палъ, но дѣло имъ начатое, какъ насущная народная потребность, не разрушилось, — его продолжали другіе. Въ 1663 году, по опредѣленію собора, появилась въ Москвѣ перепечатанная Острожская ¹⁾ Библия съ нѣкоторыми поправками — немногими впрочемъ вслѣдствіе противодѣйствія приерженцевъ старины.

Исправленіе книгъ пріостановилось впрочемъ лишь на короткое время. Послѣ того какъ дѣло это одобрено было восточными патріархами, соборъ 1674 г. постановилъ провѣрить Библию по греческому тексту. Надзоръ за исправленіемъ Библии принялъ на себя управлявшій тогда за патріарха митрополитъ Павелъ, а самое исправленіе вновь поручено Епифанію Славинецкому и его ученому братству. Епифаній началъ исправленіе съ Новаго Завѣта, сличая славянскій текстъ какъ съ печатнымъ греческимъ текстомъ, такъ и съ Новымъ Завѣтомъ святителя Алексія ²⁾. Сдѣланъ былъ пере-

¹⁾ Острожская Библия издана была въ Острогѣ княземъ (Острожскимъ) Константиномъ въ 1581 году. Со времени брака великаго князя Литовскаго Ягайлы съ польскою королевою Ядвигаю, польское духовенство и въ особенности іезуиты, утвердившіеся въ Литвѣ съ 1566 г., вслѣдствіе старались обратить русское населеніе Литовскаго княжества въ католицизмъ. Князь острожскій изданіемъ Библии, которая питала живую вѣру современниковъ Владиміра и Ярослава, хотѣлъ дать своимъ единовѣрцамъ надежное оружіе «мечъ духовный» въ борьбѣ съ папствомъ «благочестію нѣкое дарованіе духовное оставить», какъ выразился онъ въ предисловіи. (Астафьевъ. Опытъ исторіи Библии. Стр. 49).

²⁾ Новый Завѣтъ былъ написанъ святителемъ Алексіемъ въ 1355 г., въ бытность его въ Константинополѣ. Сличая прежній славянскій текстъ съ греческимъ

смотръ книгъ Ветхаго Завѣта и переведено вновь Пятюкнижіе Моисеево. Къ сожалѣнію смерть митрополита Павла, а вслѣдъ за нимъ и Елифанія (въ 1676 г.) помѣшала окончить это дѣло; выполненіе его предоставлено было позднѣйшему времени (стр. 63—71).

Петръ Великій всячески поощрялъ библейскіе труды. При немъ изданіе книгъ Св. Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ производилось довольно дѣятельно, онѣ печатались въ Москвѣ, частью же въ Кіевѣ, Львовѣ, Могилевѣ, Черниговѣ и Петербургѣ. Всѣхъ вообще изданій этихъ при Петрѣ Великомъ сдѣлано было 48 (въ томъ числѣ—4 по именному повелѣнію императора), изъ которыхъ болѣе половины (25) снабжены были разными пособіями къ чтенію Св. Писанія: предисловіями, отзывами отцовъ церкви о Словѣ Божіемъ, житіями апостоловъ и евангелистовъ, обозначеніемъ содержанія каждой главы; къ инымъ изданіямъ прилагалось истолкованіе къ тексту или указаніе чтеній утреннихъ, великопостныхъ. Были также изданія малаго формата удобныя, чтобы всегда носить ихъ при себѣ. Сдѣланы были кромѣ того два изданія Учительнаго Евангелія (т. е. поученій на евангельскіе тексты) и напечатаны «Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія Апостольскія» и «Толкованіе на Апокалипсисъ св. Андрея архіепископа Кессарійскаго». Въ первую свою заграничную поѣздку (1697 г.) Петръ Великій, видя у всѣхъ западныхъ народовъ Библію на ихъ національныхъ языкахъ, пожелалъ и своему народу дать Слово Божіе на родномъ, всѣмъ равно понятномъ языкѣ. Желанію Петра Великаго не суждено было однако осуществиться. Сдѣланный переводъ славянской Библіи на русскій языкъ извѣстнымъ пасторомъ Глюкомъ въ Маріенбургѣ погибъ во время войны со Шведами при осадѣ и взятіи Маріенбурга (въ 1703 г.). Самъ Глюкъ съ семействомъ отправленъ былъ въ Москву. Петръ Великій поручилъ ему въ томъ

подлинникомъ, Алексій не только очистилъ текстъ Новаго Завѣта отъ ошибокъ переписчиковъ, но исправилъ по подлиннику и самый переводъ, присоединивъ къ нему и оглавленія чтеній евангельскихъ и апостольскихъ (Астафьевъ. Опытъ исторіи Библіи. Стр. 44).

же 1703 г. основать гимназію въ Москвѣ и снова заняться переводомъ Новаго Завѣта на русскій языкъ, что тотъ и исполнилъ, приготовивъ также на русскомъ языкѣ молитвенникъ и русскую грамматику, но уже въ 1705 году Глюкъ скончался; судьба оставленныхъ имъ переводовъ неизвѣстна. (Стр. 72—91).

Послѣ смерти Петра Великаго исправленіе церковно-славянскаго текста продолжалось. Неутомимый Теофилактъ Лопатинскій, возведенный въ 1723 году въ санъ архіепископа Тверскаго, продолжалъ и по смерти Петра трудиться надъ исправленіемъ славянской Библии, повѣряя ее не по одному греческому, но и по еврейскому тексту. Его трудами славянская Библия въ 1735 году снова была приготовлена къ печати, при чемъ предполагалось издать ее съ означеніемъ поправокъ на поляхъ книги и съ показаніемъ содержанія каждой главы. Но гоненіе, воздвигнутое Бирономъ на Теофилакта еще съ 1732 года и не прекращавшееся до самой кончины святителя († 1741 г.), приостановило изданіе исправленной Библии. Между тѣмъ въ Библии чувствовался все большій и большій недостатокъ. Со времени перепечатанія въ Москвѣ Острожской Библии въ 1663 году, новаго исправленнаго изданія ея, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не было дѣлаемо въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Библия сдѣлалась книгою крайне рѣдкою. Еще св. Димитрій Ростовскій († 1709 г.) писалъ къ извѣстному Стефану Яворскому: «Въ нашей малороссійской странѣ (тогда наиболѣе образованной) трудно найти Библию славянскую». Съ теченіемъ времени недостатокъ въ Библии дѣлался, конечно, еще ощутительнѣе. Императрица Елизавета Петровна, старавшаяся возстановлять и довершать дѣла своего великаго родителя, какъ его священное завѣщаніе, пожелала привести въ исполненіе и дѣло изданія исправленной Библии, остановленное внезапно кончиною Петра. Съ ревностью приступила она къ этому великому дѣлу вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ. Благодаря ея энергическимъ настояніямъ, появляется наконецъ въ 1751 году славянская Библия съ очищеннымъ и исправленнымъ текстомъ,—такъ называемая «Елизаветинская Библия».

По повелѣнію императрицы, она напечатана была въ двухъ изданіяхъ разнаго формата—въ листъ и въ большую осьмушку въ трехъ книгахъ, которымъ цѣна была назначена относительно умѣренная (5 руб.) для большаго распространенія Библии въ народѣ. Такъ дочь Петра осуществила наконецъ завѣтную мысль своего великаго отца. Появленіе давно ожидаемаго изданія исправленной Библии произвело движеніе въ средѣ русскихъ богослововъ, большею частью учениковъ Блонницкаго и Лящевскаго, бывшихъ наставниками въ Московской духовной академіи, и вызвало рядъ трудовъ по истолкованію Библии. (стр. 91—96).

Массѣ народной книги Св. Писанія оставались однако недоступными по ихъ дороговизнѣ и слабому распространенію грамотности, при отсутствіи народныхъ школъ. Съ Петра и до начала XIX столѣтія основывались лишь школы спеціальныя для удовлетворенія потребностей государственной службы, преимущественно военной, какъ различные кадетскіе корпуса или учрежденія для высшаго образованія, какъ Московскій университетъ съ гимназіей при немъ (1755 г.) и Смольный институтъ для дѣвицъ (1764 г.). При Александрѣ I эти недостатки нѣсколько начали было восполняться: была учреждена цѣлая система школъ среднихъ и низшихъ, и возникло (въ 1813 г.) «Россійское Библейское Общество», задавшееся цѣлію распространить книги Св. Писанія по возможности повсюду, продавая ихъ по дешевой цѣнѣ и просто дая ихъ. Св. книгъ такимъ путемъ разошлось довольно большое количество. Однако славянская Библия не могла вполнѣ удовлетворить религіозной народной потребности. «Русское общепотребительное нарѣчіе» на столько уклонилось отъ славянскаго, что русскіе люди плохо понимали Библию на славянскомъ языкѣ. Извѣстный пасторъ Глюкъ, жившій еще въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., въ запискѣ, поданной имъ шведскому Лифляндскому генераль-губернатору, графу Дальбергу 10 мая 1699 года, описывая свои заботы о переводѣ Библии для латышей на ихъ языкъ, и рассказывая о своихъ занятіяхъ русскимъ языкомъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Извѣстно, какая Библия въ Московскомъ царствѣ,

а именно Славянская, отъ которой общеупотребительный русскій языкъ до того отличается, что русскій простолюдинъ ни одного рѣченія его не въ состояніи порядочно понять. Я принялъ это къ сердцу, и, при помощи Божіей, нашелъ случай изучить этотъ языкъ... Я не оставался празднымъ, но, съ упованіемъ на милость Божію; изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ издивеніемъ, русскаго пожилого священника, который служилъ мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской Библии на простой русскій языкъ». Какъ мы сказали уже раньше, эта Библия погибла въ 1703 г. во время войны съ Шведами при осадѣ и взятіи Мариенбурга. Въ XIX столѣтіи русскій языкъ еще болѣе уклонился отъ славянскаго. «Сколь ни сближенъ славянскій языкъ съ россійскимъ въ церковныхъ книгахъ нашихъ» писалъ Анатолій, архіепископъ Минскій (въ царствованіе Александра I), «но многое для многихъ оставалось непонятнымъ даже и въ Евангеліи по непривычкѣ къ славянскимъ изреченіямъ; и отъ того святая истина не могла дѣйствовать на сердца читателей въ полной своей силѣ». Когда въ 1815 году императору Александру I представлены были изданія священнаго Писанія на разныхъ языкахъ ¹⁾, сдѣланныя «Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ», его отчеты за 1813 и 1814 гг. и статьи о цѣли и успѣхахъ Россійскаго Библейскаго Общества, государь выразилъ президенту общества, князю Голицыну свое удовольствіе о трудахъ и успѣхахъ Общества, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ ему предложить Св. Синоду «доставить и россіянамъ способъ читать Слово Божіе на природномъ своемъ россійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшемъ для нихъ славянскаго нарѣчія, на коемъ книги священнаго Писанія у насъ издаются». Эту волю государя кн. Голицынъ сообщилъ 28 февраля 1816 года Св. Синоду. Предложеніе было принято Синодомъ. Находя,

¹⁾ Иностранныя Библии до возникновенія «Россійскаго Библейскаго Общества» покупались за границею; съ возникновеніемъ Общества распорядительный комитетъ послѣдняго сталъ издавать ихъ самъ, убѣдясь, что такимъ образомъ можетъ имѣть ихъ дешевле. (Астафьевъ. Опытъ исторіи Библии. Стр. 104).

съ своей стороны, полезнымъ переложеніе Священнаго Писанія съ древняго славянскаго на русское нарѣчіе, для чтенія людямъ всякаго званія, Синодъ опредѣлилъ: поручить комиссіи духовныхъ училищъ избрать въ Петербургской духовной академіи лицъ, способныхъ къ сему важному труду; самое же изданіе русскаго текста, вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ, предоставить Россійскому Библейскому Обществу.

Дѣло перевода Священнаго Писанія на русскій языкъ комиссія духовныхъ училищъ поручила ректору С.-Петербургской духовной академіи архимандриту Филарету (потомъ Московскому митрополиту), съ прочими членами академіи, вмѣстѣ съ соблюденіемъ изложенныхъ по этому предмету правилъ. Въ 1818 году было напечатано первое изданіе славяно-русскаго Четвероевангелія и немедленно же было приступлено ко второму его изданію. Первое и второе изданіе выпущены въ 10 тысячахъ экземпляровъ каждое. Въ слѣдующемъ 1819 году славяно-русское Четвероевангеліе вышло уже третьимъ изданіемъ, съ присоединеніемъ къ нему Дѣяній Апостольскихъ и предисловія, предварительно прочитаннаго и одобреннаго императоромъ.

Переводъ Священнаго Писанія на русскій языкъ, очевидно, соотвѣтствовалъ потребности народной, какъ можно судить изъ того, что въ теченіе одного лишь 1818 года разошлось два изданія Четвероевангелія, а равно и изъ сочувственныхъ отзывовъ десяти іерарховъ русской Церкви, приведенныхъ въ 6 отчетѣ Русскаго Библейскаго Общества. Въ 1821 году оконченъ былъ русскій переводъ всѣхъ книгъ Новаго Завѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ (съ 1820 г.) приступлено было къ переводу книгъ Ветхаго Завѣта, при чемъ для ускоренія дѣла трудъ этотъ былъ раздѣленъ между тремя академіями (С.-Петербургской, Московской и Кіевской). Переводчики, взявъ за основаніе еврейскій подлинникъ, пользовались пособіемъ греческаго текста, а также переводомъ нѣмецкаго и французскаго. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь былъ архіепископъ Филаретъ, а за нимъ священникъ Г. П. Павскій. Прежде всего была переведена и издана книга псалмовъ (въ 1822 г.) и, съ соизволенія императора, напечатана на одномъ русскомъ языкѣ

безъ славянскаго текста. Переводъ сдѣланъ съ еврейскаго подлинника самимъ архіепископомъ Филаретомъ, и снабженъ предисловіемъ, имъ же составленнымъ, въ которомъ въ объясненіе разности, мѣстами съ славянскимъ текстомъ, удостоверялась приводимыми примѣрами вѣрность русскаго перевода съ подлинникомъ. Въ томъ же 1822 г. отпечатанъ былъ впервые и полный Новый Заѣтъ въ русскомъ переводѣ (вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ). «Появленіе сихъ священныхъ книгъ (Новаго Заѣта и Псалтири на русскомъ языкѣ), писалъ изъ Москвы Филареть, 7 мая 1822 года, — «произвело здѣсь между людьми всякаго званія особенную радость. Требованій на оныя душеспасительныя книги столь много, что въ три дня по напечатаніи Новаго Заѣта продано до 350 экземпляровъ и Псалтири 300 экземпляровъ». Въ 1823 году печаталось уже 12 изданіе русской Псалтири, этой любимой книги русскаго народа: въ теченіе двухъ лѣтъ разошлось ея такимъ образомъ около 100,000 экземпляровъ, и около 50,000 славяно-русскаго Новаго Заѣта. Въ томъ же 1823 году приступлено было къ изданію Новаго Заѣта на одномъ русскомъ языкѣ, съ пояснительнымъ предисловіемъ, составленнымъ Филаретомъ и подписаннымъ какъ имъ самимъ, такъ равно митрополитомъ С.-Петербургскимъ Серафимомъ и архіепископомъ Тверскимъ Іоною. Кромѣ Псалтири успѣли въ 1825 г. году перевести на русскій языкъ и отпечатать еще восемь книгъ Ветхаго Заѣта, а именно пять книгъ Моисеевыхъ, книгу Іисуса Навина, книгу Судей Израилевыхъ и книгу Руевъ: онѣ должны были составить первый изъ предположенныхъ пяти томовъ русской Библии.

Императоръ Александръ I продолжалъ относиться къ библейскому дѣлу съ возрастающимъ интересомъ. «Я не могу присутствовать въ вашихъ собраніяхъ», сказалъ онъ однажды предсѣдателю Общества кн. Голицыну, «но прошу васъ докладывать мнѣ о всемъ, что происходитъ въ Обществѣ замѣчательнаго. Съ сожалѣніемъ вижу, прибавилъ императоръ, что не взирая на всѣ ваши старанія, вы все-таки не въ состояніи удовлетворить всѣхъ требованій на св. Писаніе. Если у васъ не достаетъ денегъ или людей, скажите мнѣ, и вы

ихъ получите». Независимо отъ назначенныхъ Библейскому Обществу ежегодно 10,000 рублей, императоръ подарилъ ему въ 1816 году каменный домъ въ Петербургѣ и пожертвовалъ, кромѣ того, 15,000 рублей на его передѣлку. Въ слѣдующемъ году и московскій комитетъ Общества получилъ въ даръ обширный каменный домъ.

По повелѣнію императора приобрѣтено было отъ Общества потребное количество Новаго Завѣта (на 25,000 р.) для арміи, и сдѣлано распоряженіе по духовному вѣдомству о снабженіи книгами св. Писанія всѣхъ монастырей, церквей и священно-служителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ училищахъ введено было ежедневное чтеніе Св. Писанія, какъ непремѣнное правило; а главнымъ правленіемъ училищъ изданы были для употребленія въ гражданскихъ училищахъ составленныя архіепископомъ Филаретомъ: «Чтеніи изъ Четырехъ Евангелистовъ и изъ книги Дѣяній Апостольскихъ» и «Чтенія изъ историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта».

Въ 1820 году главный комитетъ Общества издалъ «воззваніе», въ которомъ заключалось преимущественно приглашеніе къ чтенію Библии, и напечаталъ его въ 80,000 экземпляровъ. Съ распространеніемъ свѣдѣній о Библейскомъ Обществѣ, интересъ къ его дѣлу все возрасталъ, проникая и въ низшіе слои народа. Освѣдомлялись «объ успѣхѣхъ переложенія Библии на русскій языкъ, настойчиво требовали священныхъ книгъ, появлявшіяся новыя изданія ихъ разбирали на расхватъ, и требованіе на Св. Писаніе съ каждымъ годомъ возрастало, такъ что Общество не въ состояніи было своевременно удовлетворять ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ и денежные пожертвованія отъ лицъ разнаго званія текли обильно въ кассу Общества, давая ему средства вести свое дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Дѣло это было насущною потребностью времени. Оно давало оружіе—живое Слово Божіе—противъ тлетворныхъ идей рационализма, весьма распространенныхъ тогда и въ нашемъ образованномъ обществѣ; оно будило въ народѣ долго бывшій въ усыпленіи библейскій духъ праотцевъ» (стр. 98—118).

Но Россійское Библейское Общество имѣло у себя и много противниковъ. Противники Общества были глухи ко всѣмъ до-

водамъ въ пользу народнаго употребленія Библии, и вражда ихъ противъ Библейскаго Общества не утихала, но еще возрастала, вызываемая нѣкоторыми неблагоразумными дѣйствіями князя Голицына и его друзей. Къ святому дѣлу примѣшались человѣческія слабости и заблужденія, повредившія дѣлу и давшія оружіе въ руки его противниковъ. Пока довѣріе императора къ кн. Голицыну и къ библейскому дѣлу было непоколебимо, всѣ подобныя жалобы и обвиненія оставлялись имъ безъ вниманія. Но въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ мысляхъ императора Александра I произошла перемѣна. Въ 1820 году вспыхнули военныя революціи въ Испаніи, Неаполѣ, Пьемонтѣ, Португаліи, подготовленныя тайными политическими обществами; революціонная партія была дѣятельна и въ Германіи. По поводу этихъ событій государи Австріи, Пруссіи, Россіи собирались послѣдовательно на конгрессы въ Тропау, Лайбахъ и Веронѣ. Преніями руководилъ извѣстный австрійскій министръ князь Меттернихъ. Опасаясь за цѣлость разноплеменной Австрійской имперіи при всякомъ революціонномъ движеніи, которое могло бы возникнуть въ ея предѣлахъ, по примѣру италіанскихъ и пиринейскихъ государствъ, онъ зорко слѣдилъ за либеральною партіей въ Германіи и подозрительно смотрѣлъ на всякія «общества», въ томъ числѣ и на библейскія. Онъ убѣдилъ себя и старался убѣдить другихъ, что все это—общества революціонеровъ, которые прикрываются лишь благовидными названіями. Во время Лайбахскаго конгресса (1821 г.) императоръ Александръ не разъ по долгу бесѣдовалъ съ Меттернихомъ наединѣ. Бесѣды эти заронили въ его душу сомнѣніе относительно государственной пользы Библейскаго Общества и вообще народнаго образованія; сомнѣніе это должно было охладить симпатіи императора къ Библейскому Обществу и, повидимому, поколебало даже нѣсколько довѣріе его и къ кн. Голицыну, руководившему какъ библейскимъ дѣломъ, такъ и народнымъ просвѣщеніемъ. Враги Библейскаго Общества въ Россіи, съ своей стороны, распространяли противъ него слухъ, особенно въ средѣ правительственныхъ лицъ, что между членами этого Общества и италіанскими карбонаріями, германскими буршен-

шафтами и англійскими радикалами существуетъ тѣсная связь. Этотъ слухъ поддерживали, повидимому, и будущіе декабристы, чтобы отклонить вниманіе правительства отъ своихъ собственныхъ замысловъ. Тяготясь бременемъ правленія, съ самаго начала потрясенный всѣмъ испытаннымъ имъ съ 1812 года, нравственно усталый, болѣзненный, императоръ Александръ въ послѣдніе годы своей жизни уклонялся отъ дѣлъ правленія, передавъ ихъ въ руки гр. Аракчеева, къ преданности котораго питалъ безусловное довѣріе. Этимъ довѣріемъ гр. Аракчеевъ хотѣлъ пользоваться безраздѣльно. Помѣхою къ тому былъ кн. Голицынъ, ближайшее къ императору лицо, какъ другъ его юности: Аракчеевъ желалъ свергнуть князя съ занимаемаго имъ высокаго поста; того же желали и противники Библейскаго Общества, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ изъ вице-президентовъ Серафимъ, митрополитъ С.-Петербургскій. Противъ соединенныхъ усилій враговъ своихъ кн. Голицынъ не могъ устоять. Не лишая князя своей дружбы, императоръ посовѣтовалъ ему, въ виду сильной противъ него оппозиціи, отказаться отъ президентства въ Библейскомъ Обществѣ и отъ званія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. На мѣсто кн. Голицына президентомъ Библейскаго Общества назначенъ былъ самъ митрополитъ Серафимъ, министерство духовныхъ дѣлъ было закрыто: духовныя дѣла иностранныхъ исповѣданій оставлены за министерствомъ народнаго просвѣщенія, а дѣла по православному исповѣданію отошли къ синодальному оберъ-прокурору, при чемъ доклады Святѣйшаго Синода должны были представляться чрезъ гр. Аракчеева. Въ 1826 году при Николаѣ Павловичѣ (Александръ I умеръ 19 ноября 1825 г.) Библейское Общество было уже окончательно закрыто.

Возникновеніе партіи враждебной Библейскому Обществу, добившейся его закрытія, было реакціей противъ увлеченій и ошибокъ библейскихъ дѣятелей ¹⁾. Реакція, какъ и всегда, сама

¹⁾ Иноземное происхожденіе Общества, которое возникло у насъ по инициативѣ Великобританскаго Библейскаго Общества, родоначальника всѣхъ подобныхъ обществъ въ Европѣ и Америкѣ, большая доля участія въ дѣлѣ его англійскихъ агентовъ,—уже это одно возбуждало недовѣріе въ иныхъ умахъ. Соблазномъ было и

увлеклась за предѣлы благоразумія и впала въ другую крайность: имѣя въ виду лишь злоупотребленія Св. Писаніемъ и ратуя противъ нихъ, она стала стѣснять распространеніе Св. Писанія въ народѣ. Переводъ Св. Писанія на русскій языкъ былъ приостановленъ; уже переведенныя и отпечатанныя первыя восемь книгъ Библии не были пущены въ продажу, а отдѣльныя изданія пятокнижія Моисеева были сожжены (въ концѣ 1824 и въ началѣ 1825 гг.), прекращена была, повидимому, продажа и Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ. Славяно-русскій Новый Завѣтъ оставался еще въ обращеніи, но новаго изданія не дѣлали, и книга мало по-малу стала рѣдкостью. Русскій языкъ представлялся необычнымъ и недостаточно выразительнымъ для Св. Писанія. Славянскому тексту Библии готовы были придать непогрѣшимость и неподвижность католической Вульгаты; подѣ влияніемъ тѣхъ же католическихъ возрѣній почитали опаснымъ позволять каждому, безъ различія, читать Св. Писаніе, и дѣлали попытки запретить народу домашнее чтеніе Библии, полагая достаточнымъ слышать чтеніе Евангелія въ церкви. Важнѣйшія мѣры въ этомъ направленіи были приняты по иниціативѣ графа Н. А. Протасова, который съ 1836 г. по 1855 г. занималъ должность оберъ-прокурора Св. Синода. (Стр. 119—140).

Самымъ ревностнымъ поборникомъ перевода Библии на русскій языкъ былъ митрополитъ Московскій Филаретъ. Ясно

то, что Библия переводилась и издавалась не Св. Синодомъ, а свѣтскимъ Обществомъ, гдѣ лютеране и католики, квакеры и масоны засѣдали рядомъ съ православными іерархами и священно-служителями. Но особенно возмущало строго-православныхъ изданіе подѣ покровительствомъ кн. Голицына книжечекъ мистическаго содержанія. Надобно сказать, что кн. Голицынъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами содѣйствовалъ свободному печатанію и возможно большому распространенію этихъ изданій. Такъ, по его распоряженію, книги эти, вопреки праву, рассматривались и разрѣшались въ печати не духовною, а свѣтской цензурой, а затѣмъ въ большомъ количествѣ разсылались по учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія. Наоборотъ, сочиненія, заключающія въ себѣ возраженія противъ вышеозначенныхъ изданій и порицаніе ихъ, цензурою не пропускались. Подобныя дѣйствія министра конечно производили раздраженіе въ противной партіи.—Подѣ покровительствомъ кн. Голицына возникли также разныя религіозныя общества съ мистическимъ характеромъ.—(Астафьевъ. Опытъ исторія Библии. Стр. 122, 123, 125).

сознавая насущную потребность этого дѣла, знаменитый святитель съ рѣдкою энергіей и мудростью стремился къ его осуществленію, умѣя терпѣливо выжидать благоприятнаго къ тому времени. Время это наступило съ воцареніемъ императора Александра II. Въ 1856 году, на коронацію новаго государя собрались въ Москвѣ всѣ члены Св. Синода, и между ними высшіе іерархи Русской Церкви: С.-Петербургскій митрополитъ Никаноръ, Московскій митрополитъ Филаретъ, Литовскій митрополитъ Іосифъ (Сѣмашко) и Казанскій архіепископъ Григорій, также почтенный при этомъ саномъ митрополита. Этимъ счастливымъ обстоятельствомъ не упустилъ воспользоваться святитель Московскій, чтобы расположить своихъ сотоварищей въ пользу завѣтнаго своего предпріятія, перевода Библии на русскій языкъ. Послѣ предварительныхъ частныхъ совѣщаній, члены Святѣйшаго Синода, въ своемъ общемъ собраніи 10 сентября, единогласно признали, въ принципѣ, потребность перевода Св. Писанія на русскій языкъ, при чемъ, по настоянію митрополита Филарета, положено было переводить съ еврейскаго и греческаго подлинниковъ; ему же, на основаніи бывшаго разсужденія, поручено было составить и проектъ синодальнаго опредѣленія. Составленный проектъ препровожденъ былъ къ тогдашнему оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу А. П. Толстому, который въ свою очередь препроводилъ его на обсужденіе Кіевскаго митрополита Филарета. Въ отношеніи своемъ на имя оберъ-прокурора престарѣлый и досточтимый іерархъ Кіевскій, ссылаясь на трудность дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ въ дѣлѣ столь великой важности, хотя и не отвергалъ безусловно пользы русскаго перевода Св. Писанія, однако считалъ его пока преждевременнымъ ¹⁾. Мнѣніе митрополита Московскаго въ концѣ концовъ все-таки восторжествовало. 5 мая 1858 г., по всеподданнѣйшему докладу оберъ-прокурора, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе: «Согласно опредѣленію Святѣйшаго Си-

¹⁾ Болѣе полныя свѣдѣнія объ отношеніи Филарета Кіевскаго къ переводу Библии читатель можетъ найти въ сочиненіи архим. Сергія «Высокопр. Филаретъ, митроп. Кіев. и Галицкій и его время въ 3 томахъ» 1888 г. т. I, стр. 363—518. А. Р.

нода 20 прошлаго марта, приступить къ переводу на русскій языкъ книгъ Св. Писанія на изъясненныхъ въ опредѣленіи основаніяхъ».

19 мая Святѣйшій Синодъ постановилъ немедленно приступить къ дѣлу перевода, начиная съ книгъ Новаго Завѣта. Трудъ перевода распредѣленъ былъ между четырьмя духовными академіями, которымъ предписано было: избрать изъ служащихъ надежныхъ для сего дѣла лицъ; исполняемый ими переводъ, пересмотрѣвъ съ полнымъ вниманіемъ въ комитетѣ изъ нѣсколькихъ опытныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ, представлять въ Святѣйшій Синодъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Въ 1860 году вышелъ въ свѣтъ русскій переводъ Четвероевангелія въ 8 долю, въ 1862 г. — Дѣянія и Посланія Св. Апостоловъ съ Апокалипсисомъ, тоже въ 8 долю. Въ 1863 г., по указанію покойной императрицы Маріи Александровны, синодальной типографіей напечатано изданіе Новаго Завѣта въ 32 долю, — собственно для солдатъ, которымъ удобнѣе помѣстить въ ранцѣ священную книгу малаго формата. Когда переводъ Новаго Завѣта приближался къ концу (въ 1860 г.) духовныя академіи приглашены были къ подготовленію перевода священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ съ оригинальнаго текста. Первая часть Библии русской «Пятокнижіе Моисея» вышло въ свѣтъ въ 1868 г.; затѣмъ непрерывно продолжалось печатаніе Библии по частямъ. Изданіе окончено было съ появленіемъ послѣдняго выпуска лѣтомъ 1875 г., ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ начала этого труднаго и великаго дѣла (1856 года). Въ слѣдующемъ затѣмъ 1876 г., три вѣка спустя послѣ появленія въ свѣтъ (Острожской) Славянской Библии, появилась въ одномъ томѣ полная русская Библия, изданная «по благословенію Святѣйшаго Синода».

Какъ въ XI вѣкѣ предки наши, получивъ Библию на понятномъ языкѣ, немедленно позаботились о переводѣ твореній святыхъ отцевъ, для лучшаго уразумѣнія смысла божественныхъ словесъ, — такъ и теперь, одновременно съ переводомъ Библии на русскій языкъ, по распоряженію духовныхъ властей приступлено было къ переводу на русскій языкъ и

къ печатанію твореній Іоанна Златоуста и другихъ отцевъ Церкви. Появились и пособія къ изученію Священнаго Писанія и толкованія на разныя части Священнаго Писанія. Мисіонерская дѣятельность, а также церковная проповѣдь значительно усилились. (Стр. 140—156).

Въ началѣ 1863 г. вскорѣ послѣ появленія Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, въ Петербургѣ въ тѣсномъ кружкѣ любителей Слова Божія возникла мысль соединиться, чтобы съ своей стороны по мѣрѣ силъ содѣйствовать распространенію въ русскомъ народѣ этой необходимой для всякаго христіанина Священной книги. Въ 1869 году «кружокъ» преобразовался въ «Общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи», когда уставъ его удостоился (2-го мая) Высочайшаго утвержденія. Дѣятельность бывшаго частнаго кружка стала теперь публичною. Въ началѣ 1870 года напечатанъ былъ годовой отчетъ Общества (за 1869 г.) въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ для даровой раздачи. Тамъ дѣлалось и во всѣ послѣдующіе годы— для распространенія свѣдѣній о дѣлѣ Общества и для приобрѣтенія содѣйствія тѣхъ, которые сочувствовали этому дѣлу. Въ отчетахъ помѣщаются между прочимъ факты, показывающіе, какъ принимаетъ народъ Слово Божіе, и какъ оно дѣйствуетъ на простыя сердца, — а равно и бытовыя черты той среды, гдѣ распространяется Слово Божіе. По мѣрѣ распространенія свѣдѣній о дѣлѣ Общества увеличивалось число участниковъ въ немъ, увеличивались денежные средства его, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и его дѣятельность, достигая наконецъ отдаленнѣйшихъ частей Имперіи, какъ Восточная Сибирь, Пріамурье, Туркестанъ. Вообще говоря, дѣятельность Общества встрѣчала сочувствіе и содѣйствіе какъ въ мѣстныхъ властяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, общественныхъ учрежденіяхъ, такъ равно и въ народѣ, особенно среди военныхъ. Въ отличіе отъ «Россійскаго Библейскаго Общества», Общество для распространенія Священнаго Писанія въ Россіи само ничего не переводитъ и не издаетъ, а содѣйствуетъ лишь распространенію Священнаго Писанія, издаваемого «по благословенію Святѣйшаго Синода». Равнымъ образомъ для сохраненія единства дѣйствія, оно не

имѣть и отдѣленій, но распространяетъ священныя книги изъ своихъ складовъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ помощью своихъ членовъ и многочисленныхъ корреспондентовъ, которые, получая отъ Общества священныя книги въ кредитъ, имѣютъ у себя небольшіе склады ихъ для удовлетворенія потребностей ихъ мѣстности. Отпуская священныя книги въ кредитъ и ожидая уплаты по распродажѣ ихъ, Общество имѣло цѣлю доставить возможность принять участіе въ распространеніи священныхъ книгъ и тѣмъ, которые при добромъ желаніи не располагаютъ для этого свободными деньгами. Здѣсь особенно имѣлись въ виду недостаточные сельскіе священники, которые такимъ образомъ получили возможность безъ всякихъ затратъ снабдить своихъ прихожанъ драгоценнымъ Словомъ Божиимъ. Этою возможностью священники воспользовались такъ, что составили большинство лицъ, получающихъ отъ Общества священныя книги въ кредитъ. Главнымъ способомъ для распространенія священныхъ книгъ для Общества является книгоношество. Книгоноши Общества вмѣстѣ съ тѣмъ и члены его. Въ книгоноши принимаются лишь тѣ, которые выдерживаютъ болѣе или менѣе продолжительное испытаніе. Общество предпочитаетъ имѣть немного, но испытанныхъ книгоношъ, на которыхъ можно вполне положиться. (Стр. 156—171).

Въ годовыхъ отчетахъ Общества для распространенія Священнаго Писанія въ Россіи, за двадцати пяти-лѣтнее его существованіе, собрано не мало фактовъ, наглядно показывающихъ и не прекращающуюся жажду къ Слову Божию въ русскомъ народѣ, и чудное дѣйствіе благодатнаго слова на душу человѣка. Изъ этихъ фактовъ, которые приводитъ въ своей книгѣ и г. Астафьевъ, видно, что Библія, особенно на русскомъ языкѣ, находитъ радушный пріемъ въ нашемъ народѣ. Благотворное вліяніе ея на души людей поразительно. Преступниковъ она приводитъ къ раскаянію и нравственному исправленію; пьяницъ—къ трезвому образу жизни, невѣрующихъ—къ вѣрѣ; страждущимъ она даетъ успокоеніе, богатыхъ располагаетъ къ благотворительности, бѣдныхъ научаетъ терпѣнію. Отпуская многочисленныя свидѣтельства о благотвор-

номъ вліяніи Библіи на нравы людей,—свидѣтельства,—собранныя г. Астафьевымъ въ его сочиненіи (стр. 171—194), мы обратимъ вниманіе читателей только на тѣ сужденія, которыя нашъ простой народъ высказываетъ о дѣйствіи на него Слова Божія. «Евангеліе это удивительная книга!» такъ обыкновенно выражаютъ свои мнѣнія простодушные люди. «Какъ его почитаешь, такъ она тебѣ глаза откроетъ». — «Чудо какое чтеніе о нашемъ Спасителѣ! Просто, братцы, заплачешь,—шабашъ, да и только!» — «Такъ и сердце расшибетъ». — «За эту книгу, братцы, надо жизнь отдать!» — «Эта книга—душа моя. Умру не оставлю ее!» «Вотъ на свѣтъ нѣтъ другой такой книги! Возьмешь, почитаешь, положишь,—потомъ опять возьмешь читать!» — «Это—книга питательная!» Какъ библейски вѣрно, замѣчаетъ Астафьевъ, отражается въ этихъ безыскусственныхъ восклицаніяхъ дѣйствіе Слова Божія на простую вѣрующую душу! «Такъ и сердце расшибетъ!» — Не вспомнится ли здѣсь невольное мѣсто у Іереміи (23, 29): «Развѣ слово Мое не то же, что огонь? говоритъ Господь, и не то же ли, что молотъ, разбивающій камень?».

Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за довольно подробное изложеніе содержанія книги Астафьева. Мы сдѣлали это не безъ цѣли. Въ настоящее время очень много пишутъ и говорятъ о задачахъ народнаго образованія. Вопросъ «что должна давать крестьянину народная школа» и «что должно читать простому народу» сдѣлался самымъ животрепещущимъ. Его такъ или иначе затрагиваетъ всякій интересующійся дѣломъ народнаго образованія. Книга г. Астафьева въ данномъ случаѣ можетъ оказать большую услугу занимающимся уясненіемъ вышеупомянутаго вопроса. Не затрагивая его спеціально, она тѣмъ не менѣе даетъ ему ясное и опредѣленное рѣшеніе. Непреодолимою логикою фактовъ г. Астафьевъ доказываетъ, что истиннымъ и плодотворнымъ просвѣщеніемъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда въ основу его положено религіозное начало, и когда главною и любимою книгою для чтенія народа служить Библія. Просвѣщеніе безъ религіи не есть, собственно говоря, просвѣщеніе. Оно не въ состояніи возвысить человѣка нравственно, не въ со-

стояніи дать ему твердую опору въ жизни. Люди интересующіеся дѣломъ народнаго образованія должны постоянно помнить это, если желаютъ истиннаго блага народу. Въ книгѣ г. Астафьева, повторимъ, они могутъ найти для себя весьма полезное руководство.

Разрѣшается въ книгѣ Астафьева и другой, занимающій нѣкоторую часть нашего общества, важный вопросъ. Почему, спрашиваютъ нѣкоторые, на насъ русскихъ, исповѣдующихъ ученіе православной Церкви уже 900 лѣтъ, не замѣтно (?) вліянія христіанской религіи? Не есть ли это доказательство того, что православная христіанская религія не имѣетъ въ себѣ никакого воспитательнаго элемента? Этотъ вопросъ въ послѣднее время сталъ особенно часто повторяться въ нашемъ отечествѣ. На православную Церковь возводятся тація обвиненія, нелѣпостямъ которыхъ приходится только удивляться. Мы не станемъ перечислять этихъ обвиненій. Кто читаетъ послѣднія сочиненія гр. Льва Толстого, тотъ безъ сомнѣнія имѣетъ о нихъ (обвиненіяхъ) весьма ясное представленіе ¹⁾. Мы скажемъ только то, что если бы хулители православной вѣры поглубже вникли въ исторію русскаго народа, то они увидѣли бы, что православная христіанская религія вовсе не виновна въ томъ, что на русскомъ народѣ не вполне ²⁾ отразилось ея благотворное вліяніе. Причина этого печальнаго явленія заключается въ ненормальномъ ходѣ исторической жизни русскаго народа. Въ чемъ состоитъ этотъ ненормальный ходъ, отразившійся на религіозно-нравственномъ состояніи нашего общества печальными послѣдствіями, это читатель ³⁾ и можетъ узнать изъ книги г. Астафьева.

1) Не менѣе гнусную клевету на Православную Церковь возводитъ и авторъ, — по всѣмъ признакамъ русскій, — сочиненія «О церкви», изданной въ Берлинѣ въ 1888 г. на русскомъ языкѣ. Критическую оцѣнку этой книги см. въ весьма интересной и обстоятельной статьѣ Н. Бѣльева «О католицизмѣ». Начало этой статьи напечатано въ «Православн. Собесѣдникѣ» 1889 г. № 2.

2) Утверждать, что на жизни русскаго народа благотворное вліяніе христіанской религіи отразилось слишкомъ мало и почти не замѣтно, можетъ только тотъ, кто не стѣсняется говорить самую гнусную ложь.

3) Имѣемъ въ виду лицъ, недостаточно знакомыхъ съ исторіей русской Церкви.

Царствованіе Александра II положило конецъ многимъ ненормальностямъ, задерживавшимъ правильное религіозно-нравственное развитіе русскаго общества. Уничтоженіе крѣпостной зависимости, водвореніе въ народѣ просвѣщенія, распространеніе книгъ Св. Писанія по цѣнѣ доступной каждому и при томъ народномъ языкѣ,—все это оказало православной Церкви громадную услугу. «Можно полагать, говоритъ г. Астафьевъ, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе около четырехъ милліоновъ св. книгъ, заключающихъ въ себѣ «слово жизни», разошлось въ народѣ русскомъ. Это — духовный посѣвъ; жатва его въ будущемъ. Многіе отрадные факты изъ годовыхъ отчетовъ «Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи» подають добрую въ этомъ отношеніи надежду (стр. 196).

Книга г. Астафьева, посвященная раскрытію «исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами», можетъ оказать, по нашему мнѣнію, распространенію Библии большое содѣйствіе. Поэтому отъ души желаемъ, чтобы она нашла въ русскомъ обществѣ достойный для себя приѣмъ. Особенно необходима она для нашихъ русскихъ пастырей Церкви. Думаемъ, что послѣдніе не замедлятъ приобрѣсти ее въ церковныя бібліотеки, тѣмъ болѣе, что цѣна ей назначена весьма умѣренная (1 руб.).

А. Рождественъ.

О МАТЕРІИ И СИЛѢ.

1. Постановка метафизической проблемы касательно матеріи.—2. Различныя понятія объ атомахъ.—3. Сила и слабость корпускулярной теоріи.—4. Превращеніе матеріи.—5. Нельзя-ли смотрѣть на атомы, какъ на формы одной общей субстанціи?—6. Что такое силы атомовъ.—7. Разрѣшеніе нѣкоторыхъ метафизическихъ трудностей по вопросу о силѣ.—8. Общій взглядъ на атомистическую теорію.

1. *Постановка метафизической проблемы касательно матеріи.* Одно изъ грубыхъ заблужденій некритической мысли представляетъ мечта, что содержаніе понятія матеріи дано въ чувственномъ воспріятіи. О матеріи часто говорятъ, какъ о чемъ-то непосредственно и безспорно данномъ, между тѣмъ какъ Богъ и душа считаются гипотезами, которыя должны быть допускаемы только до тѣхъ поръ, пока этотъ несомнѣнный буд-то бы фактъ, т. е. матерія, не даетъ объясненія для всѣхъ феноменовъ. Говорятъ, что возрастающее знаніе природы и потенцій матеріи постепенно уменьшаетъ значеніе этихъ предварительныхъ и гипотетическихъ объясненій и, вѣроятно, приведетъ наконецъ къ совершенному ихъ устраненію. Довольно часто дѣлается ссылка на принципъ простоты, чтобы сдѣлать ненужнымъ принятіе какихъ-либо другихъ причинъ, кромѣ матеріальныхъ, пока не доказано, что одной матеріи недостаточно для объясненія природы. Эта мечта, что понятіе матеріи непосредственно дано, вытекаетъ изъ смѣшенія матеріи, какъ феномена, съ матеріею, какъ причиною. Матерія, какъ феноменъ, дана въ чувственномъ воспріятіи; но мате-

рія, какъ причина, есть идея, которая можетъ быть получена только путемъ умозрѣнія. Она представляетъ чисто спекулятивное онтологическое понятіе, содержаніе котораго можетъ быть опредѣлено только разумомъ. Матерія, какъ феноменъ, ясна; она означаетъ различныя тѣла, какія открываются нашими чувствами. Подъ матеріей, какъ причиной, мы можемъ разумѣть только дѣятеля или дѣятелей, которые, существуя или являясь въ пространствѣ, производятъ явленія, которыя мы называемъ матеріальными. Проблема относительно матеріи состоитъ въ томъ, чтобы перейти отъ матеріи, какъ она кажется, къ матеріи, какъ мы должны ее мыслить; и эта проблема не можетъ быть разрѣшена чувствами, но только разумомъ. Чувства доставляютъ данныя. Спекулятивный разумъ извлекаетъ изъ нихъ надлежащія заключенія. Всѣ теоріи относительно матеріи одинаково спекулятивны; и всѣ онѣ равно измѣняютъ сужденіе о ней здраваго смысла. Гилозоистъ вводитъ въ матерію внутреннюю жизнь и пластичность, касательно которыхъ чувства не даютъ никакого намека. Атомистъ также вводитъ въ элементы разныя силы и факторы, которые не суть факты воспріятія. Картезьянецъ такъ мало обращаетъ вниманія на чувства, что отождествляетъ матерію съ протяженіемъ и дѣлаетъ ее вездѣприсущею въ пространствѣ. Всѣ эти теоріи отъ гилозоизма до атомизма равно представляютъ выводы, а не факты наблюденія.

Въ одномъ важномъ пунктѣ поставленная проблема разрѣшена новѣйшей физикой, именно въ выборѣ между атомическимъ и не атомическимъ взглядами на матерію. По различнымъ основаніямъ прежніе мыслители склонялись къ не атомическому понятію о матеріи. Въ частности, они воображали, что такой взглядъ лучше обеспечиваетъ единство въ нашей теоріи вещей. Тѣмъ фактомъ, что понятіе о матеріи едино, они были приведены къ ложной мысли, что и вещь, обозначаемая этимъ словомъ, должна быть также единой. И такъ какъ это понятіе единично, то они вообразили себѣ, что всѣ вещи должны быть акциденціями или видоизмѣненіями одной и той же матеріи. Но не атомическая теорія не только не могла объяснить матеріальныхъ феноменовъ, но и приво-

дѣть къ выводамъ, которые прямо опровергаются фактами. Вслѣдствіе этого, новѣйшее естествознаніе всецѣло основано на вѣкоторой формѣ атомической теоріи. Наша задача въ настоящемъ изслѣдованіи состоитъ въ критическомъ разборѣ атомической теоріи, съ цѣлью видѣть, насколько и въ какой формѣ должна быть принимаема эта теорія, такъ чтобы она соотвѣтствовала и фактамъ, и законамъ мысли.

2. *Различныя понятія объ атомахъ.* Непосредственная цѣль изслѣдователей въ каждой специальной области знанія состоитъ въ томъ, чтобы объяснить факты этой области безъ отношенія къ фактамъ другихъ областей. И они считаютъ свою задачу выполненной, если имъ удастся достигнуть нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ на факты своей области. Вслѣдствіе этого, атомическая теорія принимаетъ различныя формы, смотря по характеру фактовъ, на которыхъ она основывается. Для астронома атомы суть просто центры тяжести; для него молекулярныя силы и эфирныя среды не существуютъ. Каждый атомъ притягиваетъ къ себѣ каждый другой съ интенсивностію, которая измѣняется обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Астрономъ не нуждается въ другомъ какомъ-либо предположеніи. Но физикъ, изучающій другіе феномены, нуждается въ другихъ предположеніяхъ. Для него атомы распадаются на два главные класса: на вѣсомые и невѣсомые и обладаютъ различными молекулярными силами, также какъ и силой тяжести. Даже эти идеи будутъ измѣняться, смотря потому, изучаетъ-ли онъ тепло, или свѣтъ, электричество, или магнетизмъ. Идеи, которыя совершенно достаточны для объясненія одной области фактовъ, не достаточны для другой. Химикъ также построитъ атомическую теорію на основаніи фактовъ химіи; но его концепція очень значительно отличается отъ концепціи физика. Послѣдній дѣлаетъ большое употребленіе изъ идеи эира, между тѣмъ какъ химикъ очень мало пользуется этой идеей. Физикъ считаетъ атомы обладающими значительнымъ числомъ всеобщихъ силъ; между тѣмъ какъ химикъ приписываетъ имъ избирательныя силы. Физикъ убѣждаетъ химика смотрѣть на молекулы, какъ на маленькія планетныя системы; но химикъ возражаетъ, что такая кон-

цепція бесполезна въ его наукѣ. Кромѣ того, что теоріи того и другого—атомическія, онѣ имѣютъ очень мало общаго. Минералогъ и фізіологъ также вводятъ новыя концепціи. Къ несчастію, ученые естествоиспытатели очень мало вниманія обратили на сравненіе и дополненіе различныхъ частныхъ взглядовъ, которые такимъ образомъ возникли. Между тѣмъ не очевидно, что эти взгляды могутъ быть соединены въ одну стройную теорію. Такимъ образомъ, атомическое ученіе принимается въ каждой области естествознанія съ тою лишь степенью точности, какой требуютъ факты этой области; и если эта концепція оказывается плодотворной на практикѣ или даже только удобной для представленія фактовъ въ воображеніи, то обращается мало вниманія на теоретическую ея состоятельность или согласіе ея съ результатами, добытыми въ другихъ областяхъ. Но понимаемая такимъ образомъ атомическая теорія можетъ быть разсматриваема только какъ удобная практическая фикція, подобная фикціи двухъ токовъ въ электричествѣ; потому что было бы нелѣпо, если бы каждый отдѣлъ естествознанія имѣлъ свою собственную спеціальную группу атомовъ. Такое утвержденіе совершенно подорвало бы эту теорію. Необходимо, поэтому, какимъ-нибудь образомъ соединить различныя концепціи въ одну. Но благодаря упомянутымъ фактамъ, хотя ученые естествоиспытатели согласны между собою относительно необходимости атомической теоріи, въ противоположность ученію о непрерывности матеріи, между ними нѣтъ никакого согласія относительно истиннаго пониманія этой теоріи. Вслѣдствіе этого, атомизмъ имѣетъ всѣ формы отъ корпускулярной философіи грековъ до центровъ силы Босковича и коловоротокъ Вильяма Томпсона. Наиболѣе обычная форма атомизма представляетъ видоизмѣненіе корпускулярной философіи. По этому взгляду, атомы и пустота играютъ свою хорошо извѣстную роль; но атомы способны играть эту роль только благодаря придачѣ къ нимъ движущихъ силъ, которыя какимъ-то таинственнымъ образомъ обитаютъ въ атомахъ, не будучи слѣдствіемъ ихъ, и однакоже неотдѣльны отъ нихъ. По этому взгляду, объ атомѣ говорится, какъ о жилищѣ, мѣсто-пробываніи, сѣдалищѣ или опорѣ силы; а на силу смотрятъ,

какъ на сообщенную атому, насажденную, помѣщенную въ атомѣ. Предлагаютъ также различные взгляды на атомы—какъ на одинаковые по сущности, но неодинаковые по формѣ; или какъ одинаковые по формѣ, но неодинаковые по величинѣ; или какъ одинаковые по формѣ и величинѣ, но неодинаковые по энергіи или интенсивности дѣйствія; такъ что различіе атомическаго вѣса, напр., должно зависѣть не отъ различія величины или количества матеріи, но отъ различной интенсивности притяженія; и, наконецъ, предлагаютъ считать атомы качественно неодинаковыми, независимо отъ всѣхъ количественныхъ и геометрическихъ отношеній. По нѣкоторымъ формамъ атомической теоріи, атомы признаются обладающими всѣми свойствами тѣлъ, находящихся вокругъ насъ; по другимъ—они существенно отличны отъ тѣлъ, въ основѣ которыхъ они находятся. Перваго рода взгляды болѣе гармонируютъ съ нашимъ обыденнымъ, неаучнымъ мышленіемъ; послѣдніе болѣе спекулятивны и критичны. Но если какіе либо изъ этихъ взглядовъ претендуютъ на большее значеніе, чѣмъ какое можетъ принадлежать удобнымъ практическимъ фикціямъ, они, по крайней мѣрѣ, должны быть согласны сами съ собою и должны удовлетворять тѣмъ общимъ требованіямъ, какія предъявляются на счетъ всякой реальности. Задача опредѣлить специфическія свойства атомовъ всегда будетъ принадлежать индуктивнымъ наукамъ; представить общій взглядъ на нихъ есть дѣло метафизики.

3. *Сила и слабость корпускулярной теоріи.* Корпускулярная идея объ атомахъ имѣетъ одно очень большое преимущество: она вполне доступна воображенію и не требуетъ никакого усилія мысли. Она беретъ только понятія пространства, формы и плотности, съ которыми мы хорошо знакомы, и при помощи ихъ пытается разрѣшить всѣ проблемы, какія представляетъ феноменальная матерія. Но, съ другой стороны, она заключаетъ въ себѣ методологическую трудность, потому что ея объясненія суть только повторенія въ массѣ того, что дано въ отдѣльности. По этой теоріи нельзя объяснить ни одного свойства матеріи, если оно напередъ не предположено уже въ атомѣ. Это въ особенности относится къ протяженію и плот-

ности. Протяженіе массы рассматривается, какъ сумма протяженій атомовъ, а плотность массы рассматривается, какъ результатъ плотности элементовъ. Смотря на движущіеся атомы съ точки зрѣнія чистаго разума, мы не видимъ ничего, кромѣ количественныхъ различій и отношеній. Качественныя различія и отношенія приносятся умомъ зрителя; и они представляютъ главный предметъ для объясненія. Безъ зрителя эта проблема не только не могла бы быть возбуждена, но она даже не существовала бы. Для ума, который могъ бы понимать движущіеся элементы, какъ они существуютъ сами по себѣ, а не какъ только являются, не существовали бы наиболѣе важные вопросы относительно системы міра. Такимъ образомъ получается парадоксъ, что абсолютное знаніе системы міра нашло бы въ ней очень мало такого, что требовало бы объясненія. Эта трудность существуетъ не только для корпускулярной философіи греческихъ атомистовъ, но и для всѣхъ ходячихъ схемъ механической эволюціи. Во всѣхъ нихъ разившіеся продукты лишь феноменальны и потому существуютъ только для зрителя. Они не имѣютъ значенія для реальностей, которыя производятъ процессъ или подлежатъ ему, и составляютъ только форму нашего воззрѣнія на вѣчное теченіе бытія.

Чистѣйшій типъ корпускулярной философіи представляетъ атомизмъ древнихъ грековъ. Двѣ идеи лежали въ основѣ древняго атомизма: атомы и пустота. Атомы были признаваемы абсолютно плотными и недоступными никакому раздѣленію и разрушенію. Движуція силы были совсѣмъ опущены изъ виду. Но не говоря уже о томъ фактѣ, что взаимная независимость, приписываемая атомамъ, дѣлаетъ невозможнымъ всякое ихъ взаимодѣйствіе, даже простое прикосновеніе, давно уже признано, что такіе атомы не объяснили бы ничего. Въ частности, факты химіи требуютъ такого понятія объ атомахъ, которое, кромѣ названія, имѣетъ мало общаго съ древнимъ атомизмомъ. Новѣйшая наука требуетъ такихъ атомовъ, которые не находятся во взаимной независимости и безразличіи, но составляютъ части одного цѣлаго и не предоставлены случаю, какъ причинѣ ихъ правильныхъ комбинацій. На этомъ основаніи была присоединена новая идея о

моторныхъ силахъ. Но эти силы были присоединяемы обыкновенно очень грубымъ образомъ. Въ основу была положена идея о пассивной плотности, и затѣмъ этому инертному куску силы приданы были въ высшей степени непонятнымъ образомъ. Не дается никакого объясненія относительно того, откуда происходятъ эти силы или каково ихъ внутреннее отношеніе къ матеріи, которой онѣ присущи или въ которой онѣ будто бы пребываютъ. И хотя матерія и сила такимъ образомъ соединяются чисто произвольно, хотя ни одна изъ нихъ, кажется, не даетъ никакого объясненія для другой, все-таки запрещается раздѣлять ихъ и даже возводится въ аксіому, что нѣтъ матеріи безъ силы и нѣтъ силы безъ матеріи. Между тѣмъ корпускулярное представленіе объ атомѣ, какъ абсолютно плотномъ и какъ имѣющемъ неизмѣнный объемъ, удерживается; а потомъ, чтобы дать мѣсто движенію и объяснить форму и сцѣпленіе тѣлъ, допускается, что эти атомы соединяются и раздѣляются присущими имъ силами, притомъ на такихъ разстояніяхъ, въ сравненіи съ которыми діаметры самыхъ атомовъ очень малы. Но съ этой точки зрѣнія совершенно исчезаетъ всякая надобность смотрѣть на атомы, какъ на безконечно малыя тѣльца или частицы матеріи. Феноменальная плотность тѣлъ, единственная, о которой мы имѣемъ какое-нибудь знаніе, болѣе уже—не интеграль плотностей атомовъ, но чисто лишь продуктъ извѣстнаго равновѣсія притягивательныхъ и отталкивательныхъ силъ между элементами и не принадлежитъ самимъ элементамъ. Если признать, что элементы имѣютъ абсолютную форму и плотность, тогда нужно также признать, что они нисколько не объясняютъ свойствъ вещества и что эти свойства все представляють слѣдствіе динамизма, который самъ по себѣ вовсе не похожъ на свойства, имъ обусловливаемыя. Каждый элементъ исключаетъ другіе изъ своего собственнаго пространства не пассивною плотностію, но активнымъ отталкиваніемъ. Отталкиваніе между поверхностями тѣлъ, которое имѣетъ своимъ слѣдствіемъ плотность, можетъ быть показано посредствомъ опыта. Если одну стеклянную пластинку положить на другую, оказывается, что въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого дѣйстви-

тельнаго соприкосновенія и что необходимо чрезвычайно большое давленіе, чтобы соединить ихъ вплоть. Между тѣмъ плотность, рассматриваемая просто, какъ наполненіе пространства, вовсе не могла бы представить никакого сопротивленія проникновенію другихъ тѣлъ въ то же самое мѣсто. Если бы между вещами не существовало отталкиванія, тогда не было бы никакой серьезной причины, почему они не могли бы абсолютно проникать одна въ другую; и нѣкоторые мыслители дѣлали догадку, что химическое соединеніе можетъ быть именно такого рода. Ошибочность этого взгляда заключается не въ метафизической его невозможности, но въ его несоотвѣтствіи фактамъ. Съ другой стороны, безъ силы сцѣпленія плотное тѣло не могло бы существовать. Ибо въ каждомъ такомъ плотномъ тѣлѣ было бы возможно различать отдѣльныя части; а единственная причина для связи этихъ частей должна была бы заключаться въ силѣ сцѣпленія между ними. Поэтому, во всякомъ случаѣ плотность должна быть второй, а не первой. Факты, слѣдовательно, таковы, 1) что въ дѣлѣ опредѣленія свойствъ и формы тѣлъ мы должны обращаться не къ подобнымъ же свойствамъ и формамъ элементовъ, но къ ихъ динамическимъ отношеніямъ, которыми они обуславливаютъ свойства и формы тѣлъ; и 2) что плотность по самой ея природѣ должна быть продуктомъ, а не первичнымъ и неизмѣннымъ атрибутомъ. Ни одинъ атомъ не имѣетъ абсолютнаго и неизмѣннаго протяженія, но посредствомъ своей собственной дѣятельности занимаетъ для себя извѣстное положеніе и объемъ, изъ котораго только бѣльшая сила можетъ его вывести. Эти простые факты достаточно показываютъ, что главные качества тѣлъ, которыя мы обозначаемъ терминомъ матеріальности, суть продукты взаимодействій между элементами, а не свойства самихъ элементовъ.

Главное основаніе, остающееся для корпускулярной теоріи, есть то, которое первоначально вызвало ее. Это не ея научная цѣнность, но ея вообразимость. Атомъ, какъ динамическій элементъ, или центръ силы, такъ же не вообразимъ какъ и душа. Воображеніе, поэтому, получаетъ большое облегченіе, если атому дать чрезвычайно малый, но опредѣленный объ-

емъ и форму. Тогда, кажется, легко показать, что онъ такое и гдѣ онъ; между тѣмъ динамическую идею элемента сравнительно трудно реализовать въ мышленіи; кромѣ того, динамическая теорія такъ идеализируетъ матерію, что становится едва различимою отъ идеализма. Эти соображенія болѣе, чѣмъ другія какія-нибудь, спасли корпускулярную теорію отъ потери всякаго кредита въ глазахъ людей науки. Главная тенденція физики направлена къ динамическому представленію объ атомѣ; но въ лѣнливыхъ умахъ старый взглядъ сохраняется болѣе или менѣе неприкосновенно. Стремленіе къ динамизму происходитъ частію отъ общаго нерасположенія объяснять тоже самое тѣмъ же самымъ, что имѣетъ мѣсто въ корпускулярной теоріи; а частію отъ того факта, что послѣдняя запутана въ весьма важныя метафизическія затрудненія. Если атомъ реаленъ, онъ долженъ быть дѣятелемъ и его свойства должны зависѣть отъ его дѣятельности. Онъ долженъ быть также единицей. Протяженное тѣло возможно только тогда, если его части связаны между собой, а это опять возможно только тогда, если онѣ сдѣляются посредствомъ притягивательныхъ силъ. Въ такомъ случаѣ атомъ является, какъ система притягивательныхъ и отталкивательныхъ пунктовъ, каждый изъ которыхъ есть центръ силъ, отличныхъ отъ силъ всѣхъ остальныхъ атомовъ; и такимъ образомъ мы прямо приводимся къ идеѣ о центрахъ силы. Можетъ быть, въ такомъ случаѣ возможно будетъ удержать недѣлимость атома, но только посредствомъ допущенія, что притяженіе сильнѣе всякой возможной раздѣляющей силы. Но даже и эта очень сомнительная идея не спасла бы единства атома. Онъ представлялъ бы собою скорѣе союзъ, чѣмъ единицу. Только то можно назвать единицей, части чего суть части всего существа. Всякое представленіе о состояніяхъ, которыя суть состоянія только частей, а не цѣлаго. какъ напр., когда атомамъ приписываются противоположныя силы на противоположныхъ концахъ, уничтожаетъ единство, а вмѣстѣ съ нимъ и реальность. Но если матерія въ собственномъ смыслѣ раздѣльна, она должна состоять изъ настоящихъ единицъ. Понятіе о сложномъ безъ слагаемыхъ единицъ подобно понятію о числѣ безъ единицы.

Безполезно было бы говорить, что единицы сложения сами сложны; это только отодвигаетъ проблему, не разрѣшая ея. Это возраженіе можетъ быть позволено физику или химику, которые преслѣдуютъ только практическія цѣли и не желаютъ обременять себя метафизическими трудностями; а между тѣмъ возможно, что единицы физика и химика только относительно таковы. Мы можемъ представить себѣ разные роды единицъ, каждая изъ которыхъ можетъ быть единицей въ извѣстной области; тѣмъ не менѣе съ теоретической точки зрѣнія необходимо допустить гдѣ-нибудь, какъ реальность, настоящія единицы бытія. Однакожъ пока пассивная и протяженная плотность разсматривается, какъ атрибутъ элементовъ, ихъ единства нельзя утверждать. Мы заключаемъ, поэтому, что корпускулярная теорія, даже въ новѣйшей ея формѣ, должна быть оставлена, 1) какъ не необходимая и 2) какъ противорѣчающая единству, а отсюда и реальности самаго атома. Или мы должны смотрѣть на атомъ, какъ на удобную практическую функцію, или въ противномъ случаѣ мы должны смотрѣть на него, какъ на истиннаго дѣятеля, который посредствомъ своей дѣятельности обуславливаетъ свойства феноменальной матеріи, но самъ не имѣетъ ихъ.

Итакъ, не должно ли заключить, что атомъ есть непротяженный центръ силы? Это не составляетъ необходимаго вывода изъ предшествующаго изложенія. Намъ нѣтъ надобности ссылаться на взглядъ, что вещи не могутъ найти въ пространствѣ третьей возможности. Если допустить, что атомъ наполняетъ пространство, то еще возможно смотрѣть на самое наполненіе или какъ на статическое, или же какъ на динамическое. Первое представленіе несостоятельно по изложеннымъ основаніямъ. Последнее дѣлаетъ наполненіе пространства не пассивнымъ атрибутомъ инертной вещи, но результатомъ атомической энергіи. Благодаря своей отталкивательной силѣ, атомъ способенъ занять извѣстное положеніе и объемъ въ пространствѣ; но этотъ объемъ не есть постоянная величина, а измѣняется вмѣстѣ съ интенсивностью нападена и сопротивленія. Онъ представляетъ скорѣе продуктъ или результатъ, чѣмъ атрибутъ атома. По этому взгляду, объ-

емъ атома былъ бы тѣмъ пространствомъ, изъ котораго онъ исключаетъ всѣ другіе атомы въ какой-либо данный моментъ. Но если принять этотъ взглядъ, тогда необходимо было бы, далѣе, утверждать, что внутри пространства, такимъ образомъ наполненнаго, нѣтъ никакого различія частей, но что атомъ долженъ быть весь, въ каждой части. Наполненіе имъ пространства состояло бы не въ наполненіи объема соотвѣтственной величины, но въ присутствіи всего атома въ каждомъ пунктѣ пространственнаго объема. Безъ этого предположенія мы вошли бы въ безнадежное столкновеніе съ идеей о единствѣ атома. Согласно съ ходячей теоріей пространства, мы должны или сдѣлать атомъ вездѣприсутствующимъ въ томъ маломъ пространствѣ, на которое простирается его исключительная дѣятельность, или же должно помѣстить его въ геометрическомъ пунктѣ, въ которомъ перекрещиваются линіи силы. Первый взглядъ измѣнилъ бы нѣкоторыя изъ нашихъ традиціонныхъ понятій о матеріи. Въ частности, непроницаемость не была бы болѣе пассивнымъ или абсолютнымъ атрибутомъ матеріи, и можно было бы обойтись безъ скважности и пустоты. Всѣ эти свойства основываются на корпускулярной теоріи и вовсе не необходимы съ точки зрѣнія излагаемой теоріи. Теорія, дѣлающая атомы центрами, не оставляетъ пространства между ними абсолютно пустымъ, потому что каждый атомъ простираетъ свое вліяніе на это пространство, чтобы предотвратить проникновеніе въ него или прохожденіе чрезъ него другаго атома. Въ этомъ смыслѣ пустота устраняется по динамическому взгляду. Нѣкоторые физики объявили, что пустота такъ же необходима для атомистической теоріи, какъ и самые атомы; но это вѣрно только относительно корпускулярной теоріи. Возражали также, что непротяженные атомы не могли бы произвести протяженнаго тѣла; но при этомъ возраженіи опускается изъ виду тотъ фактъ, 1) что во всякомъ случаѣ дѣйствительное протяженіе тѣла зависитъ не отъ протяженія элементовъ, но отъ ихъ отталкивательныхъ силъ, и 2) что непротяженный атомъ признается имѣющимъ отталкивательную силу, простирающуюся за предѣлы его собственнаго положенія. Въ онтологіи было

доказано, что атомы, если они реальны, должны быть чисто динамическими. Результаты, полученные въ изслѣдованіи о пространствахъ, побуждаютъ насъ далѣе отрицать, что атомы, если они реальны, находятся въ пространствахъ. Ихъ взаимодѣйствія суть чисто динамическія, но таковы, что тѣла кажутся имѣющими положеніе и объемъ въ пространствахъ. Въ дѣйствительности атомы не пространственны, и вопросъ объ ихъ протяженности или непротяженности исчезаетъ. Нѣтъ надобности указывать на доктрину о коловороткахъ, такъ какъ она допускаетъ атомическую необходимость и не избѣгаетъ идеи о самомъ атомѣ. Она дѣлаетъ непосредственныя единицы физики коловоротками въ совершенно жидкой средѣ и выводитъ многія интересныя заключенія. Но она не въ состояніи раскрыть природы этой совершенно жидкой среды и такимъ образомъ просто отодвигаетъ далѣе проблему. Эта жидкость сама должна имѣть атомическій составъ, для того чтобы возможно было произведеніе такихъ коловоротовъ, какіе воображаются по этой теоріи. Безъ этого предположенія коловороты въ чистомъ пространствѣ или коловращеніе частей пространства было бы такъ же возможно, какъ коловороты въ этой жидкости. Хотя, такимъ образомъ, мы можемъ по этой теоріи объяснить ближайшія единицы физики, мы никоимъ образомъ не избѣжали бы необходимости допустить послѣднія единицы бытія, или же признать, что вся эта теорія есть только формальная фикція.

4. *Превращеніе матеріи.* Съ самыхъ древнихъ временъ въ человѣческомъ родѣ жило убѣжденіе въ превращеніе матеріи. Спрашивается, атомы всѣ ли одного рода? Первымъ дѣломъ новѣйшей химіи было дискредитировать такой взглядъ. Было открыто болѣе 60-ти классовъ элементовъ, изъ которыхъ ни одинъ не могъ быть разложенъ на что-нибудь другое; и этотъ фактъ, казалось, полагалъ конецъ всякой мысли о превращеніи матеріи. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ не доказываетъ того, что означенные элементы неразложимы, но только то, что до сихъ поръ они не были разложены. Мало того, нѣкоторые изъ этихъ элементовъ распадаются на группы, члены которыхъ близко сходятся между собою во многихъ изъ сво-

ихъ свойствъ; а этотъ фактъ заставляетъ подозрѣвать нѣкоторую основную, существенную связь между ними. Факты изомеризма и аллотропизма ¹⁾ также не лишены значенія, какъ доказательство того, что одна и таже субстанція можетъ имѣть очень различныя свойства. Подобное же значеніе имѣетъ еще болѣе общій фактъ, что даже незначительное измѣненіе въ количественномъ отношеніи между элементами ведетъ къ существенному измѣненію въ свойствахъ. Отсюда относительно этого пункта всегда существовало нѣкоторое спекулятивное безпокойство; а манія настоящаго времени все объяснять посредствомъ эволюціи, отказывающаяся что-либо признать за сотворенное готовымъ, еще болѣе увеличила эту неудовлетворительность. Но и помимо такой маніи, дознанные факты дѣлаютъ возможною мысль, что химическіе классы элементовъ, дѣйствительно, суть варіаціи одной общей единицы. Эта идея возможна; но если бы она была установлена, какъ фактъ, спекулятивная выгода отъ нея была бы очень значительна. Усердіе, съ какимъ въ настоящее время производятся опыты въ этомъ направленіи, основывается на нѣкоторыхъ ложныхъ предположеніяхъ. Предполагается во 1) что въ системѣ (природы) было бы болѣе единства, если бы такой взглядъ былъ установленъ; но это явное заблужденіе. Единство и всеобщее сходство—очень различныя понятія. Истинное единство системы состоитъ въ единствѣ плана и принципа, а не въ тождествѣ матеріала. Предполагается 2) что такой взглядъ значительно упростилъ бы систему; но это опять—заблужденіе. Начнемъ съ того, что это сдѣлало бы теперешнюю устойчивость химическихъ классовъ большой тайной, а ихъ существованіе было бы еще болѣею тайною. Что данная молекула должна быть столь же устойчивою, какъ и составляющіе ее химическіе элементы, если она не удерживается въ этой комбинаціи ихъ природою, это въ высшей степени не вѣроятно; но что данныя тождественныя единицы вещества должны были бы соединиться, чтобы образовать лишь немного

1) Примѣръ аллотропій: углеродъ, графитъ, алмазь. Примѣръ изомеризма: С₂Н₆ О₂ образуютъ двѣ различныя нейтральныя жидкости и одну кислоту.

химическихъ классовъ, которыхъ члены были бы совершенно сходны, это—еще болѣе изумительно. Чтобы объяснить этотъ фактъ, мы должны были бы предположить въ атомахъ средство только по отношенію къ немногимъ классамъ; и это средство должно быть признано очень сильнымъ, чтобы объяснить устойчивость элементовъ, сохраняющуюся при всѣхъ измѣненіяхъ матеріи. Но такое предположеніе не проще другого, что элементы качественно различны. Единственнымъ отступленіемъ отъ ходячаго взгляда въ этомъ случаѣ было бы допущеніе возможности того, что однѣ и тѣ же единицы могутъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ переходить изъ одного класса въ другой, каковы бы онѣ ни были. Должно также имѣть въ виду, что каждая теорія, пытающаяся вывести всякое качественное различіе изъ количественнаго, даетъ зрителю очень большое значеніе; ибо, по такимъ теоріямъ, міръ качественныхъ различій долженъ быть относимъ къ наблюдающему уму.

5. *Нельзя ли смотрѣть на атомы, какъ на формы одной общей субстанціи?* Вопросъ о томъ, всѣ атомы не суть ли слагаемыя одной общей единицы, совершенно отличенъ отъ другаго вопроса, именно: не суть ли атомы формы одной общей субстанціи? Попытки отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительною образомъ многочисленны; но всѣ основываются на ошибочной мечтѣ воображенія. Въ нашемъ собственномъ опытѣ мы пользуемся матеріаломъ для произведенія многихъ вещей; одно и тоже вещество можетъ быть обработано въ разныхъ формахъ. Такимъ образомъ возникаетъ мечта, что, можетъ быть, атомы суть маленькіе кусочки одной общей субстанціи. Но эта идея представляетъ возвращеніе къ отвергнутой фикціи чистаго бытія. Субстанція — не матеріаль, а единый и недѣлимый дѣятель. Поэтому, нельзя считать атомы образовавшимися изъ какой-нибудь прежде существовавшей не атомической матеріи. Мы должны смотрѣть на атомы или какъ на единицы въ собственномъ смыслѣ, или какъ на элементарныя формы дѣятельности со стороны основной реальности. Невозможно вывести атомы, путемъ какой-нибудь апріорной необходимости, изъ Абсолютнаго. Необходимое единство каждаго истиннаго дѣятеля также дѣлаетъ невоз-

возможнымъ смотрѣть на нихъ, какъ на дифференціаціи Абсолютнаго. Единое не можетъ распадаться на многое, но многое, если оно реально, должно быть разсматриваемо, какъ созданное (сотворенное). Признаваемые дѣятелями въ собственномъ смыслѣ, атомы не подлежатъ эволюціи, если только измѣненіе не отождествляется съ эволюціей. Существованіе субстанціональнаго не можетъ быть продуктомъ эволюціи. Разсматриваемыя, какъ элементарныя формы дѣятельности Абсолютнаго, атомы допускаютъ эволюцію въ томъ смыслѣ, что эти формы могутъ быть понимаемы, какъ принимающія время отъ времени новыя черты, согласно съ тѣмъ, чего требуетъ отъ нихъ система цѣлаго. Дѣйствительно, такая идея была бы необходима по изложенному взгляду. Когда форма дѣятельности измѣняется, она необходимо становится чѣмънибудь другимъ. Попытка свести матерію на продуктъ притягивательныхъ и отталкивательныхъ силъ приводитъ къ тому же самому. Эта мысль въ формальномъ отношеніи несовершенна, такъ какъ она не даетъ никакого указанія на субъектъ этихъ силъ или на то, что именно притягиваетъ и отталкиваетъ. Пока послѣднее не указано, эта идея лишена значенія. Этотъ субъектъ, если не сами элементы, долженъ быть чѣмънибудь позади ихъ, и такимъ образомъ элементы являются несубстанціальными формами дѣятельности, которая не есть ихъ собственная.

6. *Что такое силы—атомовъ?* Силы атомовъ—не постоянныя свойства, но выраженія атомическихъ отношеній. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, атомы суть ли дѣятели въ собственномъ смыслѣ, или только формы дѣятельности Абсолютнаго, перейдемъ къ разсмотрѣнію силъ атомовъ. Въ изслѣдованіи о бытіи было доказано, что сила, которая обыкновенно считается присущею вещамъ, есть чистая абстракція отъ извѣстныхъ формъ дѣятельности: мы должны теперь попытаться сдѣлать болѣе точное ея опредѣленіе. Обыкновенный взглядъ на силу состоитъ въ томъ, что отдѣльныя силы находятся въ вещи, и что вещь есть сѣдалище или мѣстопробыніе силъ, т. е. жилище ихъ. Но этотъ взглядъ основывается на понятіи чистаго бытія и на ипостасированіи силы. Въ

результатъ оказывается невозможный дуализмъ, въ которомъ бытіе не объясняетъ силы, и однако же сила независимо отъ бытія — ничто. Къ этой нелѣпости мы приводимся ошибочнымъ принятіемъ различій, дѣлаемыхъ въ языкѣ, за метафизическіе факты. Едва ли лучше онредѣленіе силы, какъ неизвѣстной причины феноменовъ. Это сразу дѣлаетъ силу вещью, потому что только вещи могутъ быть причинами; и этимъ въ то же время устраняется все, кромѣ силы, потому что единственная цѣль умозрѣнія состоитъ въ томъ, чтобы найти причины феноменовъ. Но этотъ взглядъ тотчасъ же уничтожаетъ самъ себя, заставляя сразу предполагать нѣчто другое, что какимъ то таинственнымъ образомъ владѣетъ силой, или носить въ себѣ силу, или употребляетъ ее. Дѣйствительный фактъ, однакожь, состоитъ въ томъ, что элементы такъ относятся одинъ къ другому, что когда выполнены извѣстныя условія, они обнаруживаютъ своеобразныя дѣятельности, каковыя дѣятельности, однакоже, всегда суть дѣятельности самихъ вещей, а не какихъ-нибудь присущихъ имъ силъ. Конечно, онѣ не могли бы дѣйствовать такъ, какъ онѣ дѣйствуютъ, если бы онѣ не были тѣмъ, что онѣ суть; но способность дѣлать то, что онѣ дѣлаютъ, развивается въ моментъ дѣйствія. Мы должны здѣсь напомнить о нашемъ общемъ взглядѣ на систему міра, какъ на состоящую изъ совокупности вещей, которыя взаимно измѣняются сообразно съ требованіемъ плана системы, такъ что каждая вещь въ системѣ есть то, что она есть, и дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ, потому, что всѣ остальные вещи суть то, что онѣ суть, и дѣлаютъ то, что онѣ дѣлаютъ. Существованіе каждой вещи отъ времени до времени измѣняется, и вмѣстѣ съ нею измѣняются ея потенціи; конечно, ея потенціальныя и ея дѣйствительныя состоянія и дѣйствія въ собственномъ смыслѣ тождественны. Такимъ образомъ, мы смотримъ на бытіе не какъ на одаренное присущими ему силами, но какъ на переходящее изъ одной формы обнаруженія въ другую, сообразно съ измѣненіемъ его обстоятельствъ. Мы должны, поэтому, сказать, что новая дѣятельность вещи происходитъ не отъ присущей ей силы, скрытой въ ней, но отъ способности или силы, при-

обрѣтенной въ моментъ обнаруженія. Можно, въ качествѣ нагляднаго примѣра для объясненія этой мысли, указать на интенсивность притяженія между двумя элементами. На каждомъ новомъ разстояніи они притягиваются съ новою степенью интенсивности. Ничего не было въ вещи и ничто въ нее не привзошло; интенсивность притяженія развивается въ каждый моментъ. Каждая данная степень напряженія представляетъ собою энергію дѣйствія, которое вызывается общимъ отношеніемъ между двумя этими элементами въ каждый данный моментъ. Такимъ же точно образомъ различныя силы вещей, какъ и различныя степени интенсивности одной и той же силы, пріобрѣтаются во время дѣйствія и представляютъ собою только формы дѣйствія, какихъ требуетъ планъ системы въ спеціальныхъ отношеніяхъ между вещами. Но если эти дѣятельности распадаются на извѣстные классы, мы отвлекаемъ отъ нихъ специфическую причину, которая не только есть вещь, но нѣкоторая причина въ вещи. Здѣсь оказывается смѣшеніе причины съ основаніемъ. Причину дѣйствія составляетъ самъ дѣятель. Основаніе дѣйствія состоитъ въ той своеобразности или особенности природы вещи, которая, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, дѣлаетъ ее причиною именно этого дѣйствія, а не какого нибудь другого. Мы можемъ сказать, поэтому, что вещь постоянно пріобрѣтаетъ новыя силы и теряетъ другія, сообразно съ измѣненіемъ ея отношеній. Условія нѣкоторыхъ изъ этихъ обнаруженій могутъ быть постоянно на лицо, какъ, напр., въ случаѣ тяготѣнія. Условія нѣкоторыхъ другихъ обнаруженій могутъ наступать лишь по временамъ и притомъ лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ. Таковы химическія, электрическія и магнетическія обнаруженія. Когда мы знаемъ порядокъ ихъ проявленія, мы до извѣстной степени владѣемъ ихъ закономъ. Когда, въ придачу къ этому, мы знаемъ законъ ихъ видоизмѣненія, которое, въ сферѣ физическихъ силъ, есть нѣкоторая функція пространства, находящагося между взаимно-дѣйствующими тѣлами, тогда мы имѣемъ формулу, которая можетъ быть употребляема для математической дедукціи. Въ этомъ и состоитъ фактъ плодотворности закона тяготѣнія, въ

сравненія съ закономъ сродства или сдѣпленія. Первый законъ допускаетъ точное математическое выраженіе, и условія его просты; въ частности, на массу можно смотрѣть, какъ на единицу, помѣщенную въ пунктѣ. Проблема относительно трехъ тѣлъ не можетъ дать понятія о чрезвычайной сложности астрономическихъ проблемъ, съ какою пришлось бы имѣть дѣло, если бы этого не было. Но такъ какъ законъ и обстоятельства тяготѣнія просты и допускаютъ математическое выраженіе, то они позволяютъ употреблять дедуктивное вычисленіе. Въ отношеніи сродства обстоятельства не такъ просты; законъ его не допускаетъ математической формулировки, и здѣсь мы практически ограничены наблюденіемъ.

Но спросить, какъ можетъ вещь пріобрѣтать новыя силы? И какъ можемъ мы, въ виду идеи о неуничтожимости силы, говорить о новыхъ силахъ, возникающихъ въ вещахъ при новыхъ обстоятельствахъ? Признаемся, что на первый вопросъ мы не знаемъ отвѣта. Почему два элемента, которые на данномъ разстояніи притягиваются съ извѣстною интенсивностію, на половинѣ разстоянія должны притягиваться съ интенсивностію вчетверо бдльшею, этого никто не знаетъ, и однакожъ мы должны допустить этотъ фактъ. Попытка представить его, какъ слѣдствіе природы пространства, проходящій чрезъ которое эфиръ долженъ въ своей суммѣ или количествѣ варіироваться на каждой данной поверхности обратно пропорціо-нально квадрату разстоянія отъ центра,—эта попытка чисто мечтательна. Фактъ просто состоитъ въ томъ, что степени интенсивности силы измѣняются вмѣстѣ съ пространствомъ, чрезъ которое она дѣйствуетъ, но никто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о причинѣ этого факта. И что такимъ образомъ вѣрно относительно измѣняющихся степеней интенсивности, тд одинаково вѣрно и относительно качественныхъ видоизмѣненій въ дѣятельностяхъ вещей. Они зависятъ отъ взаимныхъ отношеній между вещами, и когда не обнаруживаются, то и не существуютъ. Другой вопросъ, относительно неуничтожимости силы, представляетъ попытку свести ее на сохраненіе энергіи. Послѣдняя доктрина, однакожъ, предполагаетъ законы силы и формъ ея видоизмѣненія, вовсе не пытающься

вывести или объяснить ихъ. Наше заключеніе, поэтому, должно быть такое, что сила, какъ это понятіе употребляется въ естественныхъ наукахъ, есть только абстракція отъ различныхъ формъ атомической дѣятельности, а законы силы суть только формулы, которыя выражаютъ условія этихъ формъ дѣятельности и иногда мѣру или степень ихъ видоизмѣненія (варіаціи).

7. *Разрѣшеніе нѣкоторыхъ метафизическихъ трудностей по вопросу о силѣ.* Съ этой точки зрѣнія мы можемъ устранить многія трудности, которыми метафизика заразилась отъ физики. Всѣ эти трудности, связанные съ приписываніемъ силы безсильному, когда матерія и сила рассматриваются какъ что—то отдѣльное и самостоятельное, исчезаютъ сами собою. Сила сама по себѣ ничто; пассивная матерія сама по себѣ также ничто. Реальность представляетъ комплексъ дѣятелей, находящихся во взаимодѣйствіи; а матерія и сила, какъ онѣ обыкновенно понимаются, суть просто двѣ нереальные абстракціи, происходящія изъ отдѣленія бытія отъ дѣятельности. Нѣкоторыя трудности произошли еще отъ того факта, что одному и тому же элементу въ одно и то-же время приписываются притягивательныя и отталкивательныя силы. Невозможно, говорятъ, собственно понять, какъ одинъ и тотъ же атомъ въ одно и то-же время можетъ что-нибудь и притягивать, и что-нибудь другое отталкивать. Для устраненія этого мнимаго противорѣчія было сдѣлано нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ вывести притяженіе изъ отталкиванія или отталкиваніе изъ притяженія, какъ дифференціальныя результаты. Профессоръ Вауа въ своей «Молекулярной механикѣ» старался избѣжать этого противорѣчія, раздѣляя элементы на два класса, изъ которыхъ одинъ содержитъ въ себѣ элементы всегда и исключительно притягивательныя, а другой—элементы всегда и исключительно отталкивательныя. Такую же попытку представляетъ гипотеза, по которой невѣсомые, эфирные атомы признаются отталкивательными, а вѣсомые—притягивательными. Но этотъ взглядъ еще менѣе состоятеленъ, чѣмъ предъидущій, такъ какъ имъ предполагается все-таки притяженіе между вѣсомыми и невѣсомыми атомами. Кромѣ того, факты отраженія свѣта и теплоты для своего объясненія также требуютъ отталкиванія,

а такимъ образомъ мы попадаемъ въ прежнее затрудненіе. Но даже по отношенію къ самимъ притягивательнымъ силамъ невозможно достигнуть единства. Многіе физики, будучи поставлены въ необходимость предполагать новую силу съ новымъ закономъ для каждаго особаго рода явленій, старались, по крайней мѣрѣ, всѣ феномены притяженія объяснять дѣйствіемъ одного и того же закона. И въ настоящее время, когда мы впервые знакомимся съ элементами, они, по крайней мѣрѣ въ нашихъ теоріяхъ, оказываются подъ вліяніемъ только тяготѣнія, которое обыкновенно признается основною силою. Saint-Simon и Fourier пытались подвести подъ законъ тяготѣнія даже соціальныя отношенія. Между популярными мыслителями былъ очень распространенъ взглядъ на сродство и другія молекулярныя силы, какъ на видоизмѣненія силы тяготѣнія. Но ни одна изъ такихъ попытокъ не была удачна, и для объясненія фактовъ все—еще представляется необходимымъ принимать спеціальныя молекулярныя силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и того, что популярный взглядъ, по которому силы считаются присущими матеріи, уничтожаетъ единство атома и ставитъ различные законы силы въ очень странныя отношенія.

8. *Общій взглядъ на атомистическую теорію.* Всѣ эти и подобныя трудности исчезаютъ сами собою, если смотрѣть на такъ называемыя атомическія дѣятельности просто, какъ на различныя дѣятельности одинаго дѣятеля, а не множества самостоятельныхъ дѣятелей, которые въ концѣ всего оказываются вовсе не дѣятелями. Безличное бытіе вообще есть не что иное, какъ процессъ, а безличное зависимое бытіе тождественно съ текущею дѣятельностію независимаго. Такое бытіе не подходитъ подъ понятіе о существованіи. Поэтому, атомамъ нельзя приписывать самостоятельнаго существованія. Они должны быть рассматриваемы, какъ элементарныя формы дѣятельности Безконечнаго. Своимъ субстанціальнымъ характеромъ они обязаны лишь тому факту, что мы мыслимъ ихъ подъ формами понятій о субстанціи и атрибутѣ. Взглядъ на атомы, какъ на вещи въ собственномъ смыслѣ, только создаетъ затрудненія, не представляя собою никакихъ цѣнныхъ

выгодъ. вмѣсто самостоятельныхъ атомовъ лучше поставить рядъ соотносящихся элементарныхъ дѣятельности Безконечнаго, производящихъ для насъ видимость міра пространственно отдѣльныхъ вещей. При такомъ взглядѣ на атомы исчезаютъ всѣ вопросы о единствѣ, недѣлимости и неразрушимости атома. Природа и взаимныя отношенія всѣхъ упомянутыхъ дѣятельности обусловлены планомъ и природою цѣлаго. Они постоянны, если планъ требуетъ постоянства, но не иначе. Если планъ цѣлаго требуетъ прогресса, то эти дѣятельности могутъ переходить изъ низшихъ формъ въ высшія, такъ что тѣ, что мы называемъ атомами, само, можетъ быть, подлежить развитію. Такъ какъ существованіе и природа атомовъ зависятъ отъ міроваго плана, то возможно, что они могутъ прекратить существованіе или совершенно измѣнить свой характеръ, поскольку требуетъ этого планъ. Эти дѣятельности, далѣе, могутъ такъ соотноситься между собою, что извѣстныя дѣятельности должны смѣняться нѣкоторыми другими дѣятелями, совершенно отъ нихъ отличными. Въ самомъ дѣлѣ, атомъ, какъ форма дѣятельности, не имѣетъ никакого тождества. Онъ можетъ быть постояннымъ воспроизведеніемъ одной и той же формы; или онъ можетъ измѣняться въ характерѣ и интенсивности дѣйствія; но въ томъ и другомъ случаѣ фактъ будетъ вполнѣ опредѣляться требованіями системы. По этому взгляду, физическіе феномены нужно относить уже не къ атомамъ, какъ ихъ самостоятельной (субстанціальной) основѣ, но къ дѣятельности Безконечнаго. Въ то же время атомистическая теорія сохраняетъ все свое значеніе, какъ особый способъ объясненія фактовъ и какъ средство для представленія ихъ въ воображеніи. Употребляемая такимъ образомъ, она представляетъ собою въ высшей степени плодотворный приѣмъ, подобно разложенію силъ въ механикѣ. Механика не можетъ обходиться безъ такихъ формальныхъ приѣмовъ, какъ сложеніе и разложеніе силъ, или какъ представленіе силы подъ формою извѣстныхъ функцій пространства и времени или скорости и времени; но эти функціи все же не болѣе, какъ логическіе приѣмы, имѣющіе цѣлью сдѣлать данную проблему доступною для математическаго вычисленія.

Практическое ихъ значеніе не простирается далѣе чисто формальнаго ихъ характера. Дѣйствительная сила не состоитъ изъ трехъ прямолинейныхъ слагаемыхъ. Если бы атомистическая теорія была совершенно отвергнута, какъ выраженіе онтологическаго факта, ея практическое и методологическое значеніе все-таки остались бы за нею. Но нѣтъ никакой надобности смотрѣть на эту теорію просто, какъ на пріемъ научнаго метода. Физическіе феномены не могутъ быть объясняемы, какъ результатъ единичнаго и простаго акта. Напротивъ, противодѣйствіе и связь проходятъ чрезъ всю массу извѣстнаго тѣла. Поэтому, хотя мы и отрицаемъ онтологическій характеръ атомовъ, мы должны, однакожь, признать, что, какъ элементарные акты Безконечнаго, они множественны и разнообразны. Слѣдовательно, атомистическая теорія, не выражая собою субстанціальнаго факта, указываетъ на форму всей той дѣятельности, которою производятся физическія явленія. Но должно остерегаться, чтобы эту форму дѣятельности не принять ошибочно за ея послѣднюю причинную основу.

Архимандритъ Борисъ.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ

(Продолженіе *)

VIII. Ученіе Платона о БогѢ ¹⁾.

Ученіе о томъ же въ его школь (древняя академія).

А. Если Сократа не только въ языческомъ, но и въ христіанскомъ мірѣ ставили, какъ философа, очень высоко, то еще выше ставили ученика его Платона. Такъ напримѣръ Климентъ Александрійскій называетъ Платона «бодухновеннымъ» (θεοφοροῦμενος) ²⁾. Равно также эпитетъ «Божественный» (θεῖος) былъ обыкновеннымъ эпитетомъ въ приложеніи къ Платону ³⁾. Блаженный Августинъ даже всѣ слова его не

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 7.

¹⁾ См. объ этомъ, кромѣ сочиненій, такъ или иначе касающихся настоящаго вопроса, спеціальныя изслѣдованія: а) *H. Schürmann*, De Deo Platonis. Monasterii, 1845; б) раньше указанное сочиненіе *Fr. Hoffman*, Ueber die Gottesidee d. Anaxagoras, des Sokrates und des Platons; в) *H. L. Ahrens*, De duodecim deis Platonis. Hannover, 1864; г) *B. Pansch*, De Deo Platonis. Gottingae, 1876; д) *П. И. Липицкаго*, Ученіе Платона о Божествѣ. Кіевъ, 1876. Упомянемъ изслѣдованія, которыми собственно мы пользовались въ настоящемъ своемъ трудѣ.

²⁾ Strom. I, 8 pag. 31 t. II ed *Klotz*. Lipsiae, 1831.

³⁾ См. Anth. IV, I, 47; IX, 188; *Plut. Per.* 8; *Long. Subl.* 4; *Athen.* 3, 97 а и др. также θεοπέσιος (*Theol. or.* 6 p. 81; or. 34, с. 5 и др.), θεομόσιος (*D. Hal. De vi Dem.* 26 и др.), даже θεοτάτος (*Athen.* 10,440) и под.

усумнился назвать неприкосновенными, священными ¹⁾. Онъ одинъ, говорили другіе отцы и учителя Церкви, имѣлъ твердое и живое понятіе о Богѣ нерожденномъ и вѣчномъ ²⁾. Въ средніе вѣка въ Италіи имя Платона чествовали на ряду съ именами христіанскихъ святыхъ, а въ философіи его видѣли наиболѣе совершенную форму выраженія первобытнаго откровенія въ языческомъ мірѣ ³⁾. Все это свидѣтельствуешь о томъ, что Платонъ не напрасно болѣе другихъ внималъ великому учителю своему Сократу ⁴⁾; хотя конечно это отношеніе къ Сократу въ настоящемъ случаѣ имѣло для себя великое подспорье въ природныхъ дарованіяхъ ученика и въ складѣ умственнаго и нравственнаго характера послѣдняго.—Сынъ благородныхъ и богатыхъ родителей, отъ природы имѣя «здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ» (*mens sana in corpore sano*) и живя въ вѣкъ наивысшаго процвѣтанія Аѳинъ во всѣхъ отношеніяхъ, Платонъ могъ вполне хорошо обезпечить себѣ первоначальное воспитаніе, равно какъ и дальнѣйшее образованіе ума и сердца. И онъ дѣйствительно получилъ не только хорошее, но и блестящее воспитаніе и образованіе, всестороннее, художественное и равномерное развитіе своихъ богатыхъ отъ природы дарованій. Въ философіи собственно онъ первоначальнымъ учителемъ своимъ имѣлъ Кратила; но уже съ 20 лѣтъ отъ рожденія примкнулъ къ Сократу и съ тѣхъ поръ не отступалъ отъ послѣдняго до самой смерти его, въ моментъ которой (въ 399 г. до Р. Хр.) Платону было лѣтъ 30, а философскихъ началъ Сократа держался во всю свою жизнь, пресѣкшуюся на 80 году возраста его. Изъ этихъ 80 лѣтъ жизни своей Платонъ никакъ не менѣе 50 послѣднихъ лѣтъ посвятилъ философской литературно-учительной дѣятельности, при

1) *De civit. Dei* VII.

2) *Iust. Cohort.* 20; *Clem. A. Str.* V, 718 и др. Вообще см. разсужденіе *II. Сокколова*: «Какъ отцы церкви первыхъ пяти вѣковъ думали о философіи вообще и особенно о философіи Платона?» Кіевъ, 1832.

3) *Литинжаю*, Уч. Пл. о Бож., стр. 7.

4) Извѣстно, что и къ Сократу знаменитый классикъ Эразмъ Ротерд. обращался съ молитвою: *Sancte Socrates, ora pro nobis*. См. Платонъ въ изложеніи *К. Коллнжа*. Перев. съ англ., стр. 245. Слб. 1876.

чемъ постоянно все болѣе и болѣе обогащаль свой умъ, кромѣ изученія писаній древнихъ мужей—поэтовъ и философовъ, свѣдѣніями, получаемыми въ многоразличныхъ путешествіяхъ и при встрѣчахъ и знакомствахъ съ разнообразными мыслителями современнаго ему міра. Едва ли не все, написанное Платономъ въ столь долгій періодъ, дошло до насъ, да еще и съ прибавкомъ неподлиннаго: поэтому судить о философскомъ вообще и в частности о религіозно-философскомъ міровоззрѣніи Платона гораздо удобнѣе, нежели о міровоззрѣніи напр. учителя его Сократа. Неудобство при этомъ, пожалуй, можетъ быть только одно, именно то, что Платонъ въ своихъ діалогахъ или разговорахъ, которыхъ до насъ дошло тридцать пять, обыкновенно Сократа представляетъ выразителемъ своихъ философскихъ взглядовъ, такъ что трудно, повидимому, отдѣлить въ этомъ принадлежащее сообственно Платону отъ принадлежащаго Сократу. Но если мы примемъ ко вниманію то обстоятельство, что до перваго своего путешествія въ Египетъ Платонъ строго и крѣпко держался не только началъ философіи, но и точки зрѣнія своего учителя Сократа, а послѣ того, обогатившись новыми свѣдѣніями и взглядами, сталъ въ значительной степени разниться отъ него, хотя и теперь не переставалъ вводить Сократа въ число бесѣдующихъ лицъ въ своихъ діалогахъ, при томъ почти всегда съ главною ролюю, ему именно принадлежащею въ развитіи идеи того или другаго діалога: то и понятно будетъ, какимъ діалогамъ въ разсматриваемомъ отношеніи мы должны отдавать предпочтеніе, раньше ли другихъ написаннымъ, такъ называемымъ сократическимъ (Евѣйфронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ, Ливій, Хармидъ и нѣк. др.), или позднѣйшимъ, такъ называемымъ конструктивнымъ. Такимъ образомъ большее значеніе въ этомъ отношеніи, особенно же съ интересующей насъ теперь стороны, мы должны будемъ придавать слѣдующимъ сочиненіямъ Платона: Тимею и Политикѣ, за тѣмъ Филебу, Политику, Софисту и другимъ діалогамъ, написаннымъ, по признанію почти всѣхъ ученыхъ ¹⁾, въ позднѣйшую пору

1) См. Целлера, Очеркъ ист. греч. филос. въ рус. перев. стр. 110—111. Слб. 1886.

жизни Платона. Въ остальныхъ же (раннѣйшихъ) діалогахъ, гдѣ только ведется отъ имени Сократа рѣчь о Божествѣ, мы должны видѣть мысли Платона, какъ самостоятельнаго философа школы Сократовой, съ большею или меньшею точностію передающаго ученіе своего дорогаго учителя, но съ дальнѣйшимъ и своеобразнымъ развитіемъ этого ученія. Такимъ образомъ и здѣсь мы будемъ усматривать болѣе Платоново, нежели Сократово ученіе. Это именно, скажемъ встати, и было причиною того, почему мы, въ изложеніи Сократова ученія о Богѣ, болѣе пользовались Ксенофоновыми «Воспоминаніями о Сократѣ» нежели Платоновыми діалогами.

Такъ какъ о философіи Платона и различныхъ частяхъ ея уже много было писано не только за границей, но и у насъ въ Россіи, то въ предстоящей намъ теперь общей характеристикѣ ея, необходимой въ видахъ уясненія спеціальной, интересующей насъ стороны ея, мы ограничимся лишь немногимъ, чтобы скорѣе приступить къ главнѣйшему предмету нашего изслѣдованія. «Философія Платона,—говоритъ одинъ изъ глубокихъ знатокъвъ греческой философіи,—есть вмѣстѣ и продолженіе и дополненіе Сократовой. Платонъ, подобно своему учителю, не ставилъ для нея цѣлію чисто теоретическія изысканія: вся дѣятельность людей должна проникаться и руководиться мыслями, которыя находитъ философъ, ихъ нравственная жизнь должна реформироваться наукой; и вмѣстѣ съ Сократомъ онъ убѣжденъ также, что эта реформа можетъ основываться только на знаніи, и что истинное знаніе только то, которое своимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ познаніе понятій¹⁾. Короче сказать, Платонъ, также какъ и Сократъ, является представителемъ и послѣдовательнымъ продолжателемъ аттической философіи понятія. Но, подобно Сократу, онъ не могъ остановиться на одной практической сторонѣ философствованія. Не смотря на свое уклоненіе отъ теоретическихъ изысканій, онъ, при обсужденіи тѣхъ или другихъ предметовъ и вопросовъ философскаго изслѣдованія, невольно увлекался въ область теоретическихъ изысканій и достигалъ дивной высоты

1) Тамъ же, стр. 111

и глубины созерцанія въ этой области. Философски и вмѣстѣ поэтически настроенный умъ его, правильно развитый образованіемъ, стремился всякое отдѣльное познаніе объ изслѣдуемомъ и всѣ познанія въ совокупности ихъ привести въ строгую и стройную, доходящую до художественной отдѣлки, систему, которой у Сократа еще нужно было искать другимъ. Въ этомъ смыслѣ онъ первый изъ греческихъ философовъ начинаетъ принимать въ расчетъ, при своихъ философскихъ изысканіяхъ, мнѣнія предшествовавшихъ философовъ о подлежащемъ его разсмотрѣнію предметѣ, къ чему у Сократа были дѣланы только первые шаги и нѣкоторые намеки ¹⁾. А отсюда и въ развитіи своей системы онъ не могъ оставаться въ узкихъ для него границахъ философствованія Сократа; ибо онъ былъ Платонъ, а не Ксенофонтъ. Изъ Сократовыхъ нравственныхъ основоположеній у него развивается цѣлая система нравственной философіи; изъ Сократовыхъ общихъ понятій у него развивается цѣлая система возвышеннѣйшаго и грандіознѣйшаго ученія объ идеяхъ; Сократово телеологическое возрѣніе на природу у него получаетъ обширнѣйшее развитіе, полную законченность и художественную отдѣлку, и т. д. — Что сказано въ отношеніи къ этимъ и другимъ частямъ философіи, то же должно сказать и въ отношеніи къ религіозно-философскому міросозерцанію Платона. Вѣра въ Божество, имѣющая великое значеніе въ философіи Сократа, является, можно сказать, краеугольнымъ камнемъ философіи Платона, но при томъ гораздо крѣпче и глубже обосновывается у послѣдняго. Платонъ, подобно Сократу, старается не только не разрушать, но и возможно прочнѣе утверждать народную религію, давая ей вмѣстѣ съ тѣмъ высшее, философское обоснованіе. И, — что всего болѣе замѣчательно, — чѣмъ дальше умъ философа шель въ своемъ развитіи, чѣмъ зрѣлѣе становилось его философское міросозерцаніе, тѣмъ болѣе и болѣе крѣпчала его вѣра въ Божество, тѣмъ ближе и тѣснѣе примыкалъ онъ къ существеннымъ основамъ народной религіи. Нагляднѣйшимъ доказательствомъ

1) Такъ напр. это уже извѣстно намъ объ Анаксагорѣ.

этого служить его «Разговоры о законахъ», которые можно считать какъ бы предсмертнымъ завѣщаніемъ Платона, какъ философа, такъ какъ они написаны, по признанію лучшихъ ученыхъ, не за долго до смерти философа, а изданы даже послѣ смерти его ¹⁾. Поэтому тѣмъ интереснѣе будетъ для насъ разсмотрѣніе ученія Платона о Богѣ. Въ такомъ разсмотрѣніи своемъ мы, сообразно сейчасъ сказанному, прежде всего подвергнемъ изслѣдованію отношеніе Платона къ народной религіи или, иначе сказать, попытаемъ степень вѣры его, а потомъ уже приступимъ и къ изложенію самаго философскаго ученія его о Богѣ.

1. *Отношеніе Платона къ народной религіи и мѣологіи* видится главнымъ образомъ въ его «Политикѣ» и «Разговорахъ о законахъ». Слѣдуя учителю своему Сократу, Платонъ, въ противоположность многимъ изъ предшествовавшихъ ему и современныхъ философовъ и софистовъ, съ благоговѣніемъ относился къ основнымъ истинамъ народной религіи, внимательно изучалъ ее не только по такимъ памятникамъ, какъ творенія Гомера и Гезіода, но и по памятникамъ литературы богословской мистической, и старался очистить ее отъ несоотвѣтствующихъ ея достоинству примѣсей. Въ идеальномъ государствѣ, изображаемомъ въ его «Политикѣ», должна имѣть силу и значеніе, по его ученію, не другая какая религія, какъ именно только народная эллинская, съ ея богами и богинями, съ ея обычными формами богопочитанія: молитвами, жертвами, оракулами и под. «Надобно постановить, — говорить напр. у Платона въ «Политикѣ» Сократъ, — величайшія, прекраснѣйшія и первыя изъ законоположеній. — Какія это? спросилъ Адимантъ. — Относящіяся къ сооруженію храмовъ, — отвѣчалъ Сократъ, — къ жертвамъ и иному чествованію боговъ, геніевъ и героевъ, также къ гробницамъ умершихъ и ко всему, что должно совершать, чтобы боги были нашими заступниками; ибо такихъ вещей сами мы не знаемъ (а если, устроая городъ, имѣемъ умъ, то не повѣримъ и другому), да не обратимся и ни къ какому иному истолкователю, кромѣ отече-

¹⁾ См. Целлеръ, тамъ же, стр. 111.

ственнаго бога ¹⁾: этотъ то отечественный богъ, истолковывающій подобное всѣмъ людямъ, сидитъ среди земли, на пупѣ ея, и объясняетъ (ἐξηγεῖται: т. е. все вышеупомянутое).— Ты хорошо говоришь, промолвилъ Адимантъ; такъ и надобно дѣлать» ²⁾. Такъ въ «Политикѣ». Въ «Разговорахъ же о законахъ» народная религія, въ ея политеистическомъ видѣ, составляетъ душу и основоположеніе цѣлаго сочиненія. Множество мѣстъ можно было бы привести въ доказательство этого; но мы изъ многаго возьмемъ лишь не многое, существенное. Прежде всего Платонъ здѣсь представляетъ, какъ уже утвердившееся къ его времени и общеизвѣстное, признаніе *двенадцати* главныхъ божествъ народной религіи (δωδεκάς), а именно: Зевса и Иры, Посидона и Димитры, Ифеста и Аеины, Арея (Марса) и Афродиты, Аполлона и Артемиды, Плутона (Аида) и Гестіи (Весты) ³⁾, хотя поименовываетъ въ настоящемъ мѣстѣ одного лишь Плутона ⁴⁾ Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ философъ беретъ этотъ предметъ еще шире и рассматриваетъ цѣлую лѣствицу существъ, которымъ люди обязаны почитаніемъ, съ точнымъ различеніемъ сравнительнаго достоинства этихъ существъ. «Во первыхъ,—говорится здѣсь,—послѣ почитанія, надлежащаго богамъ Олимпійскимъ (небеснымъ) покровителямъ города, должно совершать и другія жертвоприношенія: лѣвья стороны второстепенныхъ жертвъ въ четномъ числѣ приносить подземнымъ (χθονίους) богамъ; затѣмъ въ благоговѣніи жертвовать духамъ и героямъ, и почитать жертвенники домашнихъ пенатовъ» ⁵⁾. И кромѣ того во многихъ мѣстахъ выражается мысль, что все лучшее въ государственной жизни есть даръ боговъ; что все въ государствѣ поэтому должно быть посвящаемо имъ; что прибожновеніе къ ихъ святилищамъ (оскверненіе ихъ) есть тягчай-

¹⁾ Аполлона Делфійскаго.

²⁾ IV, 427 ed. Steph. Перев. проф. Карпова. Слб. 1863. Сравни также VII, 540; V, 461 и др. Карповъ же дѣлаетъ и достаточное объясненіе этого мѣста на стр. 216 своего перевода.

³⁾ *Ahrens*, De XII deis Platonis, p. 8. Conf. p. 3, 4, 7 et alibi. Hannover, 1864.

⁴⁾ Legg. VIII, 828. Conf. item Phaedr. 246, 247.

⁵⁾ Legg. IV, 717. Срав. переводъ Оболенскаго, стр. 157. Москва, 1827.

шее изъ всѣхъ преступленій и т. д. ¹⁾. Что касается до изученія народной религіи Платономъ по памятникамъ поэтической и мистической (орфической) литературы, то слѣды его видны едва не въ каждомъ діалогѣ Платона. Болѣе или менѣе пространныя выдержки изъ твореній Гомера, Гезіода, Эсхила и другихъ поэтовъ, часто встрѣчающіяся въ діалогахъ Платона, сколько свидѣтельствуютъ о собственной поэтической настроенности послѣдняго и его любви къ поэзіи, столько же говорятъ о такомъ изученіи тѣхъ твореній, которыя были (особливо творенія Гомера и Гезіода) своего рода бібліею для грековъ. И такъ какъ изученіе вводило въ плоть и кровь cadaго почти грека тѣ мысли, которыя составляли содержаніе этихъ твореній, то помянутыя выдержки не нужно считать лишь послѣдствіемъ желанія Платона этимъ самымъ замаскировать свои философскія недоразумѣнія и пробѣлы строго философской послѣдовательности, какъ думаютъ многіе ученые и доселѣ, а плодомъ сознательнаго убѣжденія. Изъ случаевъ пользованія мистическою (орфическою) литературою мы укажемъ лишь на два. Въ своемъ діалогѣ Федонъ, доказывая мысль о безсмертіи души и рассуждая о загробной жизни, Платонъ, устами Сократа, говоритъ: «надобно полагать, что и учредители тайнствъ были не плохіе люди, когда давно уже гадали, что кто сойдетъ въ преисподнюю не освященнымъ и не совершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ чинѣ, а очищенный и совершенный, пришедши туда, станетъ жить съ богами» ²⁾; при чемъ, еще по изъясненію древнихъ, имѣетъ въ виду орфическій гимнъ Димитрѣ (Церерѣ), гдѣ имѣется выраженною эта мысль ³⁾. Затѣмъ, въ «Разговорахъ о законахъ», развивая мысль о необходимости и пользѣ благочестія, Платонъ ссылается на извѣстное уже намъ изъ прежняго орфическое ученіе о Божествѣ, когда говоритъ: «граждане, Богъ, какъ говорятъ древнее преданіе (*ὁ παλαιὸς λόγος*), содержащій

1) См. напр. *Leg.* II, 653; V, 747 и др.

2) *Phaedon.* p. 69. Переводъ проф. Карпова. Спб. 1863.

3) См. *Orphica. Ed. Hermanni*, p. 509. Lipsiae, 1805. См. также о переселеніяхъ душъ въ томъ же діалогѣ Федонъ стр. 70 и др.

въ себѣ начало, средину и конецъ всѣхъ вещей (ἀρχήν τε καὶ τελευτήν καὶ μέσα τῶν ὄντων ἀπάντων—всего сущаго), шествуетъ прямо и проникаетъ вселенную ¹⁾ и т. д. При этомъ не можемъ не замѣтить, что приводя слова и болѣе или мѣнѣе значительные отрывки изъ памятниковъ мистической литературы, нашъ философъ относится къ нимъ съ очевиднымъ уваженіемъ. Но не то въ отношеніи къ памятникамъ литературы богословской поэтической. Не все въ священномъ эллинскомъ кодексѣ,—въ твореніяхъ Гомера и Гезіода, особенно же перваго,—представлялось ему изложеннымъ сообразно истинному понятію о Богѣ и о религіи. Въ виду этого, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ философовъ архаическаго періода, уже извѣстныхъ намъ, хотя и гораздо осторожнѣе ихъ, Платонъ рѣшается критически отнестись къ нѣкоторымъ сказаніямъ поэтическимъ, чтобы тѣмъ очистить питаемые этими сказаніями народныя представленія и понятія о Богѣ и религіи отъ несоотвѣтствующихъ требованіямъ истины признаковъ. Классическимъ для сего мѣстомъ издавна считается слѣдующій отрывокъ изъ 2-й книги «Политики» Платона. «Не знаешь ли,—говоритъ здѣсь Сократъ Адиманту,—что начало всякаго дѣла весьма важно, особенно для юноши и вообще для нѣжнаго возраста? Вѣдь тогда-то преимущественно образуется и устанавливается характеръ, какой кому угодно отпечатлѣть въ каждомъ изъ нихъ. Непремѣнно, сказалъ Адимантъ. Такъ легко ли попустимъ мы,—продолжаетъ Сократъ,—чтобы дѣти слушали и принимали въ души такія басни, которыя составлены какъ случилось и къмъ случилось, и которыя заключаютъ въ себѣ мнѣнія, болѣею частію противныя понятіямъ, имѣющимъ развиться въ нихъ тогда, когда они достигнутъ зрѣлаго возраста?—Не попустимъ.—Слѣдовательно мы, вѣроятно, должны напередъ приказать излагателямъ басень (μυθοποιῶς) избирать такія изъ нихъ, которыя бы они могли изложить хорошо, а прочія отвергать. Потомъ внушимъ кормилицамъ и матерямъ, чтобы эти отборныя басни

1) Legg. IV, 715. Перев. Оболенскаго.

онѣ рассказывали дѣтямъ, и гораздо больше образовали ихъ души баснями (τοῖς μύθοις), чѣмъ тѣла — руками: бѣльшую же часть тѣхъ, которыя онѣ нынѣ рассказываютъ, надобно бросить. А какія именно? спросилъ онъ. Въ большихъ басняхъ, отвѣчалъ я, — говоритъ Сократъ, — мы увидимъ и меньшія; потому что тѣ и другія должны имѣть одинаковый характеръ и силу. Или не полагаешь?—Полагаю, сказалъ онъ, только не понимаю, о какихъ большихъ говоришь ты. О тѣхъ, продолжалъ я, которыя рассказали намъ Гезіодъ, Гомеръ и другіе поэты. Вѣдь они-то, сложивъ лживыя басни, рассказывали и рассказываютъ ихъ людямъ. Какія же именно? спросилъ онъ; и что въ нихъ ты охуждаешь?—То самое, отвѣчалъ я, что надобно охуждать прежде всего и преимущественно, особенно когда кто лжетъ не хорошо. Что жъ это?— Это чье-нибудь плохое словесное изображеніе того, каковы боги и герои, подобное изображенію живописца, нисколько не похожему на тотъ предметъ, котораго образъ хотѣлъ онъ написать. Да такія то басни справедливо охуждаются. Однако жъ какимъ образомъ и на какія именно укажемъ мы?—Сперва, сказалъ я, укажемъ на самую великую ложь и о самыхъ великихъ предметахъ,—на ту ложь, которую сказавшій солгалъ не хорошо: что, напримѣръ, сдѣлалъ Уранъ, какъ угодно было рассказать объ этомъ Гезіоду и за что наказалъ его Кроносъ ¹⁾; между тѣмъ о дѣлахъ Кроноса-то, и о мученіяхъ, перенесенныхъ имъ отъ сына, хотя бы это было и справедливо, я не легко позволилъ бы рассказывать людямъ неразумнымъ и молодымъ, а лучше велѣлъ бы молчать о нихъ; когда же и настояла бы необходимость говорить, то ради таинственности предмета, у меня слушали бы о томъ весьма немногіе, приносящіе въ жертву не свинью ²⁾, а что-нибудь великое и рѣдкое, такъ чтобы слышать объ этомъ досталось очень немногимъ. Въ са-

1) См. *Гезіода* Θεог. 154 и дал. 178 и дал. Подобнымъ же образомъ Платонъ говоритъ о томъ и въ *Еввифронѣ* стр. 5—6.

2) Здѣсь Сократъ указываетъ на тотъ обычай, что желавшій быть посвященнымъ въ элевзинскія таинства приносилъ въ жертву свинью. *Aristoph.* Pac v. 373 sq., гдѣ Тизей проситъ взаимы три драхмы для покупки таинственнаго боровка. *Conf. Acharn.* v. 747 et 764. *Примѣчаніе переводчика*—проф. Карпова.

момъ дѣлѣ, промолвилъ онъ, эти рассказы непріятны. И въ нашемъ городѣ ¹⁾, Адимантъ, допускать ихъ, конечно, не надобно. Не должно говорить юному слушателю, что, совершая крайнюю несправедливость, онъ не дѣлаетъ ничего удивительнаго, хотя бы даже какъ угодно наказывалъ преступнаго отца, напротивъ, дѣлаетъ то, что дѣлали первые и величайшіе изъ боговъ. Клянусь Зевсомъ, что и по моему мнѣнію говорить это не годится. А еще менѣе, продолжалъ я, что боги ведутъ между собою войну, коварствуютъ другъ противъ друга и дерутся:—вѣдь это и не справедливо, если только будущіе стражи нашего города должны считать дѣломъ постыднымъ легкомысленную ненависть боговъ одного къ другому. О битвѣ же гигантовъ и о другихъ многихъ и различныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ богамъ и героямъ, по отношенію къ ихъ родственникамъ и домашнимъ, никакъ не баснословить и не составлять пестрыхъ описаній, но, сколько можно, убѣждать, что никогда ни одинъ гражданинъ ²⁾ не питалъ ненависти къ другому, и что это нечестиво. Вотъ что особенно старики и старухи должны внушать дѣтямъ какъ въ первомъ ихъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, и требовать, чтобы поэты слагали свои повѣсти приспособительно къ этому. Равнымъ образомъ и рассказы объ оковахъ Иры, наложенныхъ на нее сыномъ ³⁾, объ Ифестѣ, который свергнуть отцомъ за то, что хотѣлъ помочь матери, когда тотъ билъ ее ⁴⁾, о сраженіи боговъ, которое выдуманно Гомеромъ,—всѣ эти басни не должны быть допускаемы въ городъ, иносказательно ли (ἐν ὑπονοίαις) разумѣются онѣ, или безъ иносказаній ⁵⁾; потому что юноша не

1) Разумѣется идеальный городъ, изображаемый Платономъ въ его «Политикѣ».

2) Судя по обороту рѣчи подлинника, здѣсь подъ гражданами разумѣются боги и герои, составлявшіе, по понятіямъ грековъ, своего рода общество, государство. Срав. примѣч. проф. Карпова на это мѣсто въ его переводѣ.

3) См. Ил. XV, 18 и дал. Срав. примѣч. Карпова къ «Политикѣ» Платона II, 378.

4) Ил. I, 588 и дал.

5) Припомнимъ изъ прежде сказаннаго, что аллегорическое толкованіе мифовъ уже было въ ходу въ архаическій періодъ. Срав. примѣч. проф. Карпова на то же мѣсто «Политики».

въ состояніи различить, что иносказательно говорится и что нѣтъ, но какія въ молодости принимаетъ мнѣнія, тѣ любитъ оставлять неизмытыми ¹⁾ и безъ измѣненій. Поэтому, то, можетъ быть, надобно дѣлать все, чтобы первые принимаемые слухомъ рассказы какъ можно лучше примѣнены были къ добродѣтели. Да, это справедливо, сказалъ онъ; однакожь если кто нибудь спроситъ насъ о томъ, имѣются ли предметы для подобныхъ рассказовъ и какіе они: то на которые укажемъ?—Алмазъ! продолжалъ я, въ настоящую минуту мы съ тобой не поэты, а созидатели города; созидателямъ же хотя и надобно знать характеры, которыми должны быть отпечатлѣны баснословія поэтовъ, и не позволять, чтобы послѣднія составляемы были вопреки этимъ характерамъ, однакожь самимъ составлять басни не слѣдуетъ. Справедливо, сказалъ онъ; но это-то самое,—характеры богословія (οἱ τόποι περὶ θεολογίας),—какіе они?—Да хоть бы слѣдующіе, отвѣчалъ я: каковъ Богъ есть, такимъ надобно и изображать Его—въ поэмахъ ли то, въ одахъ, или въ трагедіи. Да, надобно. Но Богъ-то не благъ ли по-истинѣ? стало быть, не должно ли такъ и говорить о Немъ?—Какъ же. А изъ благъ, ужъ конечно, некоторое не вредно. Не правда ли?—Мнѣ кажется, нѣтъ. Такъ невредное вредитъ ли?—Никакъ. Но что не вредитъ, то дѣлаетъ ли какое нибудь зло?—То же пѣтъ. А что не дѣлаетъ никакого зла, то можетъ ли быть причиною чего нибудь злаго?—Какъ можно?—Такъ что же? значить добро полезно?—Да.—Стало быть оно — причина доброй дѣятельности?—Да.—Поэтому добро есть причина никакъ не всего, по что бываетъ хорошо, того оно причина, а что худо, того не причина. Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. Слѣдовательно и Богъ, заключилъ я, поколику Онъ благъ, не можетъ быть причиною всего, какъ многіе говорятъ: но нѣсколькихъ дѣлъ человѣческихъ Онъ—причина, а большей части ихъ — не причина; потому что у насъ гораздо менѣ добра, чѣмъ зла. И такъ какъ нельзя предпола-

1) Неизмытыми—δυσεμπίπτα называются здѣсь тѣ вѣрованія, которые, бывъ приняты однажды, не подвергались философской критикѣ и не переходили въ понятіе очищенными. *Примѣч. проф. Карпова.*

гать никакой другой причины добра (кроме Бога): то надобно искать какихъ нибудь другихъ причинъ зла, а не Бога. Ты говоришь, кажется, очень справедливо. Поэтому не должно принимать того грѣха въ отношеніи къ богамъ, какой совершили Гомеръ и другіе поэты, когда, безумно грѣша, говорили:

Двѣ бочки лежатъ на полу у Зевса
 Жребіевъ полны,—одна счастливыхъ, другая несчастныхъ.
 И кому Зевсъ, взявъ смѣшано, даетъ изъ обѣихъ,
 Тотъ въ жизни находитъ то горе, то радость; а кому не такъ, то есть
 кому ниспосылаетъ Онъ безъ смѣшенія только послѣдніе,
 За тѣмъ на землѣ по пятамъ злая нужда несется ¹⁾.
 Однакожъ не должно думать, будто Зевсъ есть благъ и золь раздатель ²⁾.

Равнымъ образомъ и тотъ не заслужитъ нашей похвалы, кто будетъ говорить, что Аѳина и Зевсъ заставили Пандара поступить вопреки клятвѣ и возліянію ³⁾.

Не похвалимъ мы также вражды боговъ и приговора, произнесеннаго Ѡемидою и Зевсомъ ⁴⁾; нельзя позволить юношамъ слушать и слова Эсхила, будто бы

Внушаетъ смертнымъ Богъ причину,
 Когда домъ съ корнемъ хочетъ истребить ⁵⁾.

Напротивъ, кто пишетъ трагедію и помѣщаетъ въ ней такіе ямвы ⁶⁾, каковы о бѣдствіяхъ Ніобы, или Пелопидовъ, о дѣлахъ троянскихъ, или тому подобные: тотъ либо не долженъ называть ихъ дѣлами Божиими, либо, когда Божиими, — обязанъ изобрѣтать такія мысли, какихъ мы нынѣ требуемъ, и говорить, что Богъ производитъ справедливое и доброе, и что тѣмъ людямъ полезно было наказаніе. Положимъ, что въ состояніи наказанія они несчастны: но поэту не надобно позволять говорить, будто дѣлаетъ это Богъ. Напротивъ, пусть онъ

¹⁾ См. Илиады XXIV, 527—532.

²⁾ Сравненіе Ѡуклидида VI, 78 о Зевсѣ же: ταμία τῆς τύχης.

³⁾ Илиад. IV, 55 и дал. 85 и дѣл.

⁴⁾ Разумѣется та часть Илиады (XX рапс.), которая у древнихъ носила названіе: θεῶν μάχη, при чемъ заправителями борьбы были Зевсъ и Ѡемида.

⁵⁾ Эти стихи приводитъ и Плутархъ, при чемъ указываетъ, какъ на источникъ, на недошедшую до насъ трагедію Эсхила: «Ніоба». См. *Plut. De audiend. poet.* с. 1.

⁶⁾ Ямвы (ямбы) составляли разговорную часть трагедіи (речитативъ).

утверждаетъ, что злые несчастны, поколику заслужили наказаніе, и что, подвергаясь наказанію, они получаютъ отъ Бога пользу. А называть Бога добраго причиною золь для кого бы то ни было, — этому надобно противиться всѣми силами, этого никто въ своемъ городѣ не долженъ ни говорить, если городъ благоустроенъ, ни слушать, — никто ни изъ юношей, ни изъ старшихъ, будетъ ли баснословіе предлагаемо въ рѣчи измѣренной (риемованной), или безъ размѣра; потому что такая рѣчь, будучи произносима, и намъ не принесетъ пользы, и не будетъ согласна сама съ собою. — Касательно этого закона, сказалъ онъ, я одного съ тобою мнѣнія; тоже и мнѣ нравится. Такъ въ томъ-то, примолвилъ я, состоитъ одинъ изъ законовъ и типовъ относительно боговъ ¹⁾, сообразно съ которымъ говорящій долженъ говорить и дѣйствующій дѣйствовать, выражая ту истину, что Богъ не есть причина всего, а только причина добра. — И это очень удовлетворительно, сказалъ онъ. — Но какъ тебѣ покажется другой? Думаешь ли ты, что Богъ — волшебникъ (*γόητα*) и какъ бы съ умысломъ является намъ по временамъ въ различныхъ идеяхъ (образахъ), иногда самъ раждаясь и измѣняя свой видъ въ различные образы, иногда обманывая и заставляя составлять о себѣ извѣстное понятіе? Или Онъ — существо простое и всего менѣе выходящее изъ своей идеи? — На это, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, отвѣчать тебѣ я не могу, сказалъ онъ. — А на это? Не необходимо ли, чтобы то, что выходитъ изъ своей идеи, переносилось изъ ней или само собою, или чѣмъ нибудь другимъ? — Необходимо. — Но не правда ли, что самое превосходное (*τὰ ἄριστα*) всего менѣе измѣняется и движется другимъ? Не правда ли, напримѣръ, что самое здоровое и крѣпкое тѣло всего менѣе измѣняется пищею, питьемъ и сномъ, какъ всякое растеніе — солнечнымъ зноемъ, вѣтрами и подобными тому вліяніями? — Какъ же иначе? — Такъ мужественнѣйшую душу не тѣмъ ли менѣе можетъ возмутить и измѣнить какое нибудь внѣшнее вліяніе? — Да. — Впрочемъ даже и всѣ сложные сосуды, зданія и одежды, если они сдѣланы хорошо

¹⁾ Или «типовъ богословія».

и находятся въ хорошемъ состояніи, наименѣе измѣняются отъ вліянія времени и другихъ причинъ.— Правда.— И такъ все въ природѣ и искусствѣ, или въ томъ и другомъ, находясь въ хорошемъ состояніи, получаетъ отъ нѣ самую малую измѣняемость.— Вѣроятно.— Но Богъ-то и Божіе превосходитъ всего (ὁ θεός γε καὶ τὰ τοῦ θεοῦ πάντα ἀριστα ἔχει). Какъ же иначе?— Стало бытъ Богъ всего менѣе можетъ принимать многіе образы.— Конечно, всего менѣе.— Однакожъ не превращаетъ ли и не измѣняетъ ли Онъ самъ себя?— Явно, что такъ, если измѣняется, сказалъ онъ.— Но въ лучшее ли и красивѣйшее превращаетъ Онъ себя, или, сравнительно съ собою, — въ худшее и безобразнѣйшее?— Если измѣняется, то необходимо въ худшее, отвѣчалъ онъ; потому что въ красотѣ или добродѣтели, скажемъ мы, Онъ конечно не имѣетъ недостатка. Ты говоришь сущую правду, замѣтилъ я. А если такъ, то кто изъ боговъ или людей, думаешь, Адиантъ, сдѣлалъ бы себя произвольно худшимъ?— Это невозможно, сказалъ онъ.— Слѣдственно, невозможно и то, заключилъ я, чтобы Богъ захотѣлъ измѣнить себя: каждый изъ боговъ, будучи прекрасенъ и по возможности превосходитъ, вѣроятно, пребываетъ всегда просто въ своемъ образѣ (μένει ἀεὶ ἀπλῶς ἐν τῇ αὐτοῦ μορφῇ).— Мнѣ кажется, это совершенно необходимо.— И такъ, почтеннѣйшій, сказалъ я, пусть никто изъ поэтовъ не говоритъ намъ, что

Какъ будто дальніе пришельцы, боги

Вкругъ города блуждаютъ въ разныхъ видахъ ¹⁾.

Пусть также никто не клеветаетъ на Протея и Тетиду ²⁾, и ни въ трагедіи, ни въ какія другія стихотворенія не вводитъ Иру, превратившуюся въ жрицу и собирающую подаяніе

¹⁾ Одис. XVII, 485 и дал.

²⁾ О Протей см. Одис. IV, 364 и дал. Овид. Метаморф. VIII, 370. Можетъ быть, философъ разумѣлъ Протея, какъ рассказываетъ о немъ сатирическая басня Эсхила. Тетиды, обреченная судьбою выйти за мужъ за смертнаго, какъ скоро приближался къ ней Пелей (мужъ ея), принимала различныя образы, чтобы избѣжать связи съ нимъ. Пиндар. Нем. V, 60 дал. Аполлодор. III, 13, 5. Овид. Метаморф. XI, 221. О брачной связи Пелея и Тетиды подробно рассказываетъ Гезиодъ.— Примѣчаніе проф. Карпова.

Животодарнымъ чадамъ Инаха, Аргивской рѣки ¹⁾).

Пусть не повторяютъ у насъ и иныхъ, подобныхъ этимъ, многочисленныхъ примѣровъ лжи, и пусть предубѣжденные такими рассказами матери не пугаютъ своихъ дѣтей нелѣпыми баснями, будто какіе нибудь боги бродятъ ночью подъ различными образами странниковъ, чтобы чрезъ это не проносить хулы на боговъ и вмѣстѣ не располагать своихъ дѣтей къ боязливости.—Да, пусть этого не будетъ, сказалъ онъ.—Но не такъ ли бываетъ, спросилъ я, что сами-то боги могутъ не измѣняться, а только насъ обманываютъ и очаровываютъ, заставляя представлять ихъ въ различныхъ видахъ?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.—Чтожь? продолжалъ я; значитъ, Богъ хочетъ лгать, когда на словахъ или на дѣлѣ представляетъ призракъ?—Не знаю, сказалъ онъ.—Ты не знаешь, примолвилъ я, что истинную-то ложь, если можно такъ сказать, ненавидятъ всѣ боги и люди?—Какъ это говоришь ты? спросилъ онъ.—Такъ, отвѣчалъ я, что высшею своею частію и о высшихъ предметахъ никто произвольно солгать не захочетъ; тутъ всякій особенно боится сдѣлаться лгуномъ—И теперь еще не понимаю, сказалъ онъ.—Ты вѣрно полагаешь, что въ моихъ словахъ скрывается что нибудь чрезвычайное, продолжалъ я: а у меня мысль та, что ложь отъ души и обманъ касательно сущаго есть невѣдѣніе, и что какъ лгать душею, такъ и поддаваться обману, всѣ наименѣе согласны; всѣмъ это, и въ этомъ отношеніи, особенно ненавистно.—И очень-таки, сказалъ онъ.—Но незнаніе въ душѣ, касательно обоганнаго предмета, ужъ конечно по всей справедливости, какъ я сейчасъ сказалъ, можно назвать истинною ложью (*ἀληθῶς ψεῦδος*); потому что ложь въ словахъ-то есть уже нѣкоторое подражаніе качеству души,—это образъ, составившійся послѣ, а не чистая ложь.—Или не такъ?—Безъ сомнѣнія.—Такъ истинная ложь ненавистна не только богамъ, но и людямъ.—Кажется.—Что же теперь? ложь въ словахъ когда и къ чему полезна, если не бываетъ достойною ненависти? Не пользуется

¹⁾ Стихъ этотъ принадлежитъ, по замѣчанію ученыхъ, одному изъ трехъ великихъ трагиковъ. См. *Карпова*, тамъ же.

ли она противъ непріятелей, и не служить ли какъ бы полезнымъ лѣкарствомъ для удержанія такъ называемыхъ друзей, когда они въ сумасшествіи или безуміи рѣшаются на чтонибудь худое? ¹⁾ Не допускаемъ ли мы ее съ пользою и въ тѣхъ баснословіяхъ, о которыхъ недавно говорили, поколику, то есть, не зная, что сказать истиннаго касательно древнихъ, мы истинѣ большею частію уподобляемъ ложь?—Это и дѣйствительно бываетъ, отвѣчалъ онъ.—Такъ для которой же изъ показанныхъ цѣлей Богу полезна ложь? Для того ли могъ бы Онъ лгать, что, не зная древности, сталъ бы поддѣлываться подъ истину?—Это было бы смѣшно, сказалъ онъ.—Стало бы въ Богѣ нѣтъ лживаго поэта ²⁾.—Мнѣ кажется.—Но можетъ быть, Онъ лжетъ, боясь непріятелей?—Далеко не то.—Такъ ради безумія и сумасшествія своихъ ближнихъ?—Да вѣдь между друзьями Бога, сказалъ онъ, нѣтъ безумныхъ и сумасшедшихъ.—Значить, нѣтъ и цѣли, для которой Богъ хотѣлъ бы лгать.—Да, нѣтъ.—Поэтому духовное и Божественное (τὸ θεϊκόν τε καὶ τὸ διον) вовсе чуждо лжи.—Совершенно, сказалъ онъ.—Слѣдовательно ясно, что Богъ есть существо простое и истинное въ словѣ и на дѣлѣ; что Онъ и самъ не измѣняется и другихъ не обманываетъ—ни призраками, ни словами, ни дивными знаменіями, ни на яву, ни во снѣ.—Мнѣ и самому кажется такъ, какъ ты говоришь, примолвилъ онъ.—Значить, ты соглашаешься и на второй типъ, заключилъ я,—на тотъ, сообразно съ которымъ надобно и говорить и показывать на дѣлѣ, что боги, не будучи волшебниками, и себя не измѣняютъ, и насъ не вводятъ въ обманъ, ни словомъ, ни дѣломъ?—Соглашаюсь.—Поэтому, хваля многое у Гомера, мы не похвалимъ однакоже того сновидѣнія, какое Зевсъ послалъ Агамемнону ³⁾, не одобримъ и Эсхила ⁴⁾, у ко-

¹⁾ Срав. *Хенорн. Мемораб. IV, 2, 15, 17.*

²⁾ Ποιητὴς μὲν ἄρα ψευδῆς ἐν θεῷ οὐκ ἔστι. Мысль здѣсь заключается такая: «Богъ не то что лживый поэтъ», или «Богъ не можетъ говорить о себѣ ложь, какъ знающій себя; ибо поэты только по незнанію иногда лгутъ».

³⁾ Разумѣется сновидѣніе, описываемое во П-й ралсодіи Илиады.

⁴⁾ Ниже приводимые стихи взяты изъ Эсхиловой *Ψυχουστασία*, при чемъ впрочемъ первые два стиха представляютъ больше произведеніе самого Платона,—не-

тогого Ѡетида говорить, что Аполлонъ, поя пѣсни во время ея брака,

Предсказывалъ судьбу ея дѣтей,
И обѣщаль имъ жизнь безъ болей вѣковую.
Его священный гимнъ питаль во мнѣ восторгъ,
Когда прорекъ онъ мой богамъ пріятный жребій.
Я думала, что жи никакъ не можетъ быть
Въ пророческихъ устахъ Божественнаго Феба ¹⁾.
А онъ самъ воспѣвалъ, самъ за трапезой былъ,
Самъ это высказалъ, и самъ потомъ убилъ
Мое дитя....

Кто говорить о богахъ подобныя вещи, на того мы будемъ сердиться и не дадимъ ему составлять сказки, а учителямъ не позволимъ пользоваться ими при воспитаніи дѣтей, если хотимъ, чтобы стражи у насъ чтили боговъ и были божественны, сколько это возможно для человѣка. Я совершенно согласенъ принять эти типы, сказалъ онъ, и готовъ руководствоваться ими, какъ законами²⁾. Да не посѣтуютъ читатели журнала *Вѣри и Разумъ* на длину приведеннаго нами отрывка! Кромѣ значенія его самого въ себѣ, какъ образчика философской аргументаціи великаго мыслителя—Платона; кромѣ значенія его для той цѣли, съ какою мы привели его, то есть въ качествѣ яснѣйшаго доказательства отношенія Платона къ народной религіи и миеологіи, къ первоисточникамъ той и другой—поэтическимъ сказаніямъ, онъ будетъ имѣть для насъ значеніе и въ дальнѣйшемъ раскрытіи Платонова понятія о Богѣ. Ибо на основаніи этого самого, именно философскаго своего понятія о Богѣ Платонъ и рѣшился такъ, повидимому, сурово отнестись къ разсмотрѣннымъ въ отрывкѣ частямъ поэтическихъ сказаній о богахъ. Каково же, спрашивается теперь, это самое философское понятіе Платона о Божествѣ?—Не посвящая ни одного изъ своихъ діалоговъ спеціальному раскрытію этого понятія, Платонъ однако же во многихъ изъ нихъ, а въ особенности въ нѣкоторыхъ, уже

жени Эсхила. Срав. также Илиад. XXIV, 26 и дал. а равно *Плутарха*, De legend. poet. p. 16 и *Ессея*. Праераг. Ев. XIII, 3.

¹⁾ Срав. *Эсхила* же Промет. 1032—1033; Хозф. 557—559; *Plat. Apol. S. p. 21.*

²⁾ *Политика II, 377—383.* Переводъ проф. *Картова*.

указанныхъ нами въ свое время, даетъ такое полное объ этомъ понятіе, что для обстоятельнаго изложенія его мы считаемъ себя вынужденными все нижеслѣдующее подвести подъ опредѣленныя рубрики. И именно, послѣ того какъ мы видѣли вѣру Платона въ Божество и его отношеніе къ народной вѣрѣ, мы рассмотримъ теперь его

2. *Доказательства бытія Божія.* Не даромъ Сократъ, по словамъ Ксенофонта, «первѣе всего старался внушать своимъ ученикамъ здравый образъ мыслей о богахъ»¹⁾. И «вѣрившіе ему» въ этомъ «получали пользу, а не вѣрившіе послѣ раскаявались въ своемъ невѣріи»²⁾. Однимъ изъ учениковъ Сократа по первой категоріи былъ именно Платонъ, вѣрившій своему учителю и крѣпко вѣровавшій въ боговъ. «Вѣрующій же богамъ какъ уже можетъ сомнѣваться въ ихъ бытіи?»³⁾. И самъ Платонъ подлинно такъ убѣжденъ былъ въ бытіи ихъ, что считалъ излишними усилія доказывать это бытіе. Поэтому лишь съ великою неохотою, побуждаемый нечестивыми софистами, нагло отрицавшими бытіе Божіе и въ этомъ отношеніи сильно вліявшими на воспитывавшіяся у нихъ поколѣнія, онъ принимается за доказательства бытія Божія. «Можно ли, — читаемъ въ его «Разговорахъ о законахъ», предъ изложеніемъ этихъ доказательствъ, — безъ гнѣва говорить о богахъ, что они существуютъ? По необходимости огорчишься и возненавидишь тѣхъ, которые вынуждали и вынуждаютъ насъ къ бесѣдѣ объ этомъ. Люди эти не вѣрятъ священнымъ сказаніямъ (μύθοις), которымъ внимали съ дѣтства, которыя съ матернимъ молокомъ принимали, выслушивая ихъ отъ матерей и кормилицъ, напѣвавшихъ имъ оныя и для забавы и для назиданія, которыя слушали они при жертвоприношеніяхъ въ молитвѣ. Эти люди, привыкшіе къ такимъ же священнымъ зрѣлищамъ, совершеніе которыхъ такъ пріятно занимаетъ взоръ и слухъ юношества, видѣвшіе родителей своихъ съ пламеннымъ усердіемъ приносящихъ жертвы за себя и за

1) *Хенорфъ.* Memorab. IV, 3, 2.

2) *Ibid.* I, 1, 4.

3) *Ibid.* I, 1, 5.

нихъ и бесѣдовавшихъ съ богами молитвою и прошеніями при несомнѣнной вѣрѣ въ бытіе ихъ (ὡς ὅτι μάιστα οὔσι, т. е. θεοῖς); сіи люди, презрѣвъ все сіе безъ всякой достаточной причины. по которой можно предполагать въ нихъ хотя малѣйшій умъ, теперь принуждаютъ насъ говорить то, что мы говоримъ: такихъ людей можно ли хладнокровно вразумлять и учить о богахъ, и первѣе всего о томъ, что они существуютъ (ὡς εἶσιν)? Осмѣлимся однако же приступить къ сему. Ибо не должно приходить въ ярость ни имъ, ослѣпленнымъ своею ненасытною страстію, ни намъ, на нихъ негодующимъ. Безъ гнѣва обратимъ рѣчь свою къ симъ заблудившимъ умамъ¹⁾. И далѣе у Платона слѣдуютъ самыя доказательства бытія Божія, которыя именно и главнымъ образомъ сгруппированы въ началѣ X книги «Разговоровъ о законахъ»; но по частямъ встрѣчаются и въ другихъ діалогахъ его. Изъ всѣхъ мѣстъ, сюда относящихся, обнаруживается, строго говоря, *пять* доказательствъ въ пользу истины бытія Божія.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Legg. X, 887—888. Срав. перев. Оболенскаго.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Мая № 9. 1889 года.

Содержаніе. Спасовъ Святогорскій Скитъ.—Отчетъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Программа занятій сѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго бытъ 7 іюня сего 1889 года, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 24 апрѣля.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Хорошевскаго духовнаго пріюта.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

СПАСОВЪ СВАТОГОРСКІЙ СКИТЪ.

Благодареніе Богу, открылась возможность въ непродолжительномъ времени исполнить горячее желаніе всѣхъ русскихъ людей соорудить храмъ на мѣстѣ катастрофы 17-го октября прошедшаго года и возносить въ немъ благодарныя молитвы за чудесное спасеніе отъ смертной опасности Государя Императора Александра Александровича и Его Августѣйшаго Семейства. Крестьяне села Соколова пожертвовали для построенія храма пять десятинъ земли, смежной съ мѣстомъ крушенія Императорскаго поѣзда. Соорудить на свои средства деревянный храмъ во имя Христа Спасителя Нерукотвореннаго Образа на шестьсотъ человекъ въ древнемъ русскомъ стилѣ изъявилъ желаніе живущій въ Харьковѣ инженеръ-подполковникъ Николай Михайловичъ Шевцовъ; а Святогорская Успенская Пустынь (Харьковской епархіи) приняла на себя построить въ томъ же русскомъ стилѣ келліи для монашествующихъ, пріютъ для богомольцевъ и открыть непрерывное богослуженіе лѣтомъ и зимою въ этой скромной обители, приписываемой къ Святогорской пустыни и получающей названіе: «Спасовъ Святогорскій Скитъ». Предположеніе объ этомъ учрежденіи изложено было въ письмѣ Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго къ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, и на это письмо въ отношеніи г.

Оберъ-Прокурора, отъ 27 апрѣля сего года за № 2231, Преосвященнымъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

«Изложенныя въ письмѣ Вашего Преосвященства отъ 12 текущаго апрѣля предположенія относительно сооруженія церкви и скита Святогорской пустыни на жертвуемой крестьянами села Соколова землѣ, смежной съ мѣстомъ катастрофы 17-го октября минувшаго года, я счесть долгомъ всеподданнѣйше повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, и Его Императорскому Величеству благоутодно было на всеподданнѣйшей запискѣ моей по сему предмету, въ 19 день текущаго апрѣля, Собственно-ручно начертать: «Мнѣ мысль эта очень нравится и осуществленіе ея совершенно практично».

О таковой Всемиловивѣйшей отмѣтѣ долгомъ поставляю сообщить Вашему Преосвященству для дальнѣйшихъ со стороны Вашей распоряженій по приведенію въ исполненіе означенныхъ предположеній».

Въ настоящее время по прозету архитектора Н. В. Никитина поручено лучшимъ мастерамъ построение храма въ Москвѣ, который въ разобранномъ видѣ со всѣми принадлежностями, по распоряженію правленій Московско-Курской и Курско-Харьково-Азовской желѣзныхъ дорогъ, безмездно будетъ доставленъ на мѣсто, а Святогорскій архимандритъ Германъ заготовляетъ матеріалы для своихъ зданій въ лѣсныхъ дачахъ монастыря, которые также будутъ перевезены безмездно. Артель Курско-Харьково-Азовской дороги нагрузку и выгрузку матеріаловъ приняла на себя бесплатно. Строители надѣются съ Божіею помощію окончить все и открыть богослуженіе еще до истеченія настоящаго лѣта. Къ тому же времени, надобно надѣяться, правленіе Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги откроетъ и правильное сообщеніе со «Спасовымъ Скитомъ».

Вышеозначенные жертвователи приняли на себя построение главнѣйшихъ зданій обители, но полное благоустройство ея потребуетъ и еще значительныхъ средствъ. Посему всѣ сочувствующіе этому благу начинанію приглашаются къ участию въ осуществленіи его своими пожертвованіями, которыя могутъ быть доставляемы къ Преосвященному Амвросію Архіепископу Харьковскому.

Нѣкоторые предлагаютъ вопросъ: какое же отношеніе построение Спасова Скита будетъ имѣть къ предположеніямъ Харьковской Городской Думы о построеніи часовни и Харьковского Губернскаго Земства о сооруженіи храма на томъ же мѣстѣ событія 17 октяб-

ря? Вопросъ совершенно лишній. Развѣ могутъ подобныя сооруже-
 нія, предпринимаемыя усердіемъ русскаго народа въ одномъ духѣ
 и для одной общей цѣли, мѣшать другъ другу? Построеніе озна-
 ченнаго скита представляется болѣе легкимъ и удобнымъ для ско-
 раго исполненія, но безъ сомнѣнія, богомольцы, посѣщающіе скитъ,
 будутъ съ любовью смотрѣть и на новыя сооружеія и съ надеж-
 дою ожидать дальнѣйшаго украшенія благолѣпными зданіями мѣ-
 ста ознаменованнаго такимъ дивнымъ событіемъ; а у русскаго на-
 рода и усердія и средствъ на все достанетъ.

О Т Ч Е Т Ъ

Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества
 за 1888 (тринадцатый) годъ.

Составъ Комитета.

Въ отчетномъ году Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссі-
 онерскаго Общества составляли слѣдующія лица: Предсѣдатель ко-
 митета Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Петръ, Епископъ
 Сумскій, викарій Харьковской епархіи, Товарищъ Предсѣдателя г.
 Харьковскій Губернаторъ, тайный совѣтникъ Александръ Ивано-
 вичъ Петровъ, Члены комитета: 1) Ректоръ Харьковской духовной
 семинаріи протоіерей Іоаннъ Кратировъ, 2) протоіерей Сумеонъ
 Илларионовъ, 3) протоіерей Іоаннъ Чижевскій, 4) протоіерей Ти-
 моеей Павловъ, 5) протоіерей Николаѣ Лащенко, 6) протоіерей Ан-
 дрей Дюковъ, 7) протоіерей Андрей Щелкуновъ и 8) падворный
 совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Звѣринскій. Казначей, священникъ
 Стефанъ Петровскій. Дѣлопроизводитель, коллежскій ассесоръ Гри-
 горій Яковлевичъ Макухинъ.

Дѣйствительные члены Общества.

Дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Обще-
 ства въ Харьковской епархіи къ 1-му января 1889 года состояло
 517 лицъ, въ томъ числѣ съ вѣчными взносами 24 лица, а имен-
 но: 1) Веніаминъ, Епископъ Гинешменскій, 2) Акименко Семенъ
 Михайловичъ, 3) Величенко Кириллъ Ивановичъ (покойный), 4)
 Геннадій, бывшій Епископъ Сумскій, викарій Харьковской епар-
 хіи, 5) Галкинъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, 6) Звѣринскій Михаилъ Пав-

ловичъ, 7) Іустинъ, Епископъ Курскій, 8) Илларионовъ Алексѣй Алексѣевичъ, протоіерей, 9) Кавказидзева Ольга Павловна, княгиня, 10) Куличенко Максимъ Семеновичъ, 11) Кульшинъ Тимоѳеѣ Степановичъ, 12) Левченко Алексѣй Ивановичъ, 13) Региншевскій Ѳедоръ Іоанновичъ, священникъ (покойный), 14) Рыжовъ Павелъ Ивановичъ (покойный), 15) Ряснянскій Свято-Димитріевскій монастырь. 16) Савва, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, 17) Сѣриковъ Николай Емельяновичъ, 18) Чернышевъ Иванъ Ѳедоровичъ, 19) Черкасовъ Николай Капитоновичъ, 20) Черняковъ Никаноръ Ивановичъ, священникъ (покойный), 21) Школяренко Евѣимій Даниловичъ, 22) Щербаковъ Кириллъ Васильевичъ, 23) Соколовскій Сергѣй Николаевичъ и 24) Лавровъ Михаилъ Алексѣевичъ, а единовременныхъ жертвователей было 754 лица.

Дѣятельность Комитета.

Дѣятельность Комитета въ отчетномъ году выражалась: 1) въ поддержаніи установленныхъ въ прошедшіе годы способовъ къ умноженію денежныхъ средствъ въ пользу православныхъ миссій; 2) въ принятіи, храненіи и расходованіи миссіонерскихъ суммъ и 3) въ исполненіи порученій Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Комитетъ принималъ всѣ зависящія мѣры къ усиленію денежныхъ средствъ Миссіонерскаго Общества. Для этого къ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, благочиннымъ и ко всѣмъ церквамъ своевременно, при началѣ года, были разсланы отъ Комитета подписные листы съ приглашеніемъ на посильную жертву въ пользу миссій и также листы, полученные изъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, съ печатными воззваніями, и въ то же время предложено всѣмъ священникамъ епархіи въ недѣлю православія, согласно распоряженію того же Совѣта, произнести поученія съ приглашеніемъ всѣхъ предстоящихъ въ церкви къ посильнымъ жертвованіямъ на св. дѣло распространенія православія между язычниками въ Имперіи.

Принятіе, храненіе и расходованіе суммъ производились Комитетомъ въ порядкѣ установленномъ въ прошедшіе годы. Поступившія деньги, по мѣрѣ ихъ накопленія, согласно указу Св. Синода, отъ 5 февраля 1883 года за № 3, вкладывались для приращенія процентами въ Харьковскую контору государственнаго банка. Списки пожертвованій были печатаны своевременно въ Харьковскомъ епархіальномъ листѣ.

ДВИЖЕНІЕ СУММЪ КОМИТЕТА.

Движеніе суммъ Комитета въ отчетный годъ выражаютъ слѣдующія цифры:

1. *Осталось отъ 1887 года:*

а) неприкосновеннаго капитала 1860 р., б) запаснаго капитала 1818 р. 54 к., в) расходной суммы 2216 р. 61 к. Итого 5895 р. 25 к.

2. *Въ отчетномъ году поступило:*

а) отъ 493 годичныхъ членовъ 1600 р., б) на вѣчное время: отъ Сергѣя Николаевича Соколовскаго и Михаила Алексѣевича Лаврова по 60 р., обращенные въ билеты Харьковской конторы государственнаго банка за №№ 05865 и 05868 120 р., в) отъ 754 единовременныхъ жертвователей 1200 р. 11 к., г) по подписнымъ листамъ, присланнымъ изъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества *) 134 р. 16 к., д) по распоряженію тогожь Совѣта, по произнесеніи во всѣхъ церквахъ, въ нед. Православія, поученій, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ собрано 3169 р. 52 коп., е) кружечнаго сбора 682 р. 77 к., ж) процентовъ съ капитала принадлежащаго Комитету 196 р. 54 к. Итого 7103 р. 10 к., а всего съ остаточными 12998 р. 35 к.

3. *Израсходовано:*

а) отправлено по распоряженію Совѣта начальнику миссій Томской епархіи Преосвященному Макарію, Епископу Бійскому 4035 р. 25 к., б) уплочено конторѣ банка за переводъ сихъ денегъ 4 р. 4 к., в) на гербовыя марки при вносѣ денегъ въ банкъ 4 р. 45 к., г) на вознагражденіе дѣлопроизводителя, на наемъ писца и на канцелярскія принадлежности 241 р. 25 к., д) уплочено въ типографію Окружнаго штаба за отпечатаніе разныхъ бланковъ 24 р. 30 к. Итого 4309 р. 29 к.

4. *Осталось къ 1889 году:*

а) неприкосновеннаго капитала 1980 р., б) запаснаго капитала 4387 р. 79 к., в) расходной суммы 2321 р. 27 к. Итого 8689 р. 6 к.

Вещественныя пожертвованія.

Въ отчетномъ году поступили слѣдующія вещественныя пожертвованія: 1) при запискѣ священника Бѣлопольской Покровской цер-

*) Всѣхъ листовъ отъ Совѣта получено и разослано во всѣ церкви епархіи 810, къ 1-му числу января 1889 года оныхъ листовъ возвращено въ Комитетъ 62.

кви, Сумскаго уѣзда, Александра Луценкова, отъ 24 марта, присланы вещи, собранныя прихожанами Покровской церкви заштатнаго города Бѣлополя, а именно: кусокъ желтой парчи около восьми аршинъ, штука бѣлаго коленкора, двѣ рубахи изъ полотна, одинъ шелковый платокъ темнаго цвѣта, одна пара поручей и одно покрывало для аналогія. Всѣ эти вещи, по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отосланы 18 апрѣля за № 177 въ Москву завѣдующему дѣлами Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, протоіерею Покровскому, отъ котораго имѣется увѣдомленіе отъ 17-го мая за № 527, — что эти вещи Совѣтомъ получены и отосланы въ Благовѣщенскій комитетъ Миссіонерскаго Общества. 2) При запискѣ 2 іюня за № 112 тотъ же священникъ Луценковъ представилъ пять кусковъ полотна отъ прихожанъ той же Покровской церкви, какое полотно, впредь до распоряженія, находится въ Комитетѣ.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества поступили въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 года слѣдующія суммы: настоятелемъ Харьковск. каедральнаго собора представлено кружечнаго сбора 40 р., членскіе взносы, отъ учителей 1-й Харьковской гимназіи: Михаила Дмитріевича Линды 5 р., Василя Тимоеевича Андренко 5 р., Константина Николаевича Захарына 3 р., Леонида Николаевича Самсонова 3 р. 50 к., Николая Николаевича Полянина 3 р., Андрея Николаевича Оберемка 3 р., Якова Кирилловича Трофименка 3 р., Василя Никифоровича Гладкова 3 р., іеродіавона архіерейскаго дома Епифанія 3 р., ректора Харьковской духовной семинаріи прот. І. Кратирова 3 р., дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Вл. Граве 3 р., полковника А. Н. Куликовскаго 3 р., подполковника Евфимія Григ. Гвоздиковъ 3 р., Алексѣя Простова 3 р., Григорія Степановича Таранова-Бѣлозерова 3 р., Екатерины Драшковой 3 р., вазначеемъ Куряжскаго монастыря предст. собр. въ недѣлю православія 12 р. 50 к., игуменією Хорошевскаго мон. предст. собр. въ ту-же недѣлю 5 р. 35 к., благочинныхъ 1-го Ахтырскаго округа предст. собр. по листамъ 37 р. 97 к., благочиннымъ 2-го Зміевскаго округа предст. собр. по листамъ 7 р. 55 к., членскіе взносы отъ: жены купца Наталіи Алтуховой 3 р., крестьянина сл. Котельвы Артема Сокирки 3 р.,

№ № 3 р., свящ. Александра Пантелѣева 3 р., крест. сл. Котельвы Тита Литвиненва 3 р., крест. сл. Ольшаны Ивана Крамаренка 3 р., собрано въ церквахъ архіер. домоуправленія въ недѣлю православія 10 р. 70 к., собрано въ Николаевскомъ монастырѣ въ недѣлю православія 10 р. 15 к., отъ надворнаго совѣтника Георгія Доронина 3 р., отъ вдовы Старобѣльскаго мѣщанина Евгенія Алексѣевны Остаховой для вклада на вѣчное время въ контору госуд. банка 100 р., чрезъ благочиннаго 2-го Изюмскаго округа собрано по листамъ отъ разн. лицъ 70 р. 82 к., чрезъ игумена Высочиновскаго монастыря предст. собр. въ недѣлю православія 2 р., чрезъ старосту Харьковск. кафедральнаго собора собрано въ ту же недѣлю 100 р., въ Святогорской пустыни собрано въ ту же недѣлю 7 р., благочиннымъ 2-го Старобѣльскаго округа предст. собр. по листамъ 50 р., чрезъ него же членскихъ взносовъ, отъ священниковъ: Димитрія Косьмина 3 р., Михаила Согина 3 р., Николая Касьянова 3 р., протоіерея Георгія Попова 3 р., священниковъ: Алексѣя Булгакова 3 р., Поликарпа Соболева 3 р., Іакова Макухина 3 р., Николая Будянскаго 3 р., Григорія Попова 3 р., Стефана Любичкаго 3 р., Митрофана Сильванскаго 3 р., крестьянина Левенцова 3 р., свящ.: Сумеона Петрова 3 р., Николая Филевскаго 3 р., Алексѣя Грекова 3 р., Петра Григоровича 3 р., Іакова Иванова 3 р., Сумеона Кустовскаго 3 р., Василя Попова 3 р., діавона Василя Попова 3 р., почетн. гражд. Θεодора Богого 3 р., купца Михаила Часовникова 3 р., Харьк. купца Григорія Бочарова 3 р., жены его Любови Бочаровой 3 р. Всего за мартъ мѣсяць поступило: наличными 499 р. 54 к. и билетъ Харьк. конт. государств. банка въ 100 р., итого 599 р. 54 к.

За апрѣль мѣсяць с. г. поступили взносы и пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ благочиннаго 2-го Сумскаго округа, священника Алексѣя Чугаева 3 р., отъ священниковъ Максима Подлуцкаго 3 р., Митрофана Ракшевскаго 3 р., благочиннымъ 5-го Старобѣльскаго округа представлено собранныхъ въ недѣлю православія 44 р. 30 к., благочиннымъ 1-го Лебединскаго окр. предст. кружечн. сбора 12 р. 98 к. и собранныхъ по листамъ отъ разныхъ лицъ 56 р. 73 к., отъ священниковъ: Николая Ходскаго 3 р., Кирилла Щелкунова 3 р., Константина Острогорскаго 3 р., Михаила Подольскаго 3 р., Павла Мухина 3 р., Петра Подлуцкаго 3 р., Сумеона Людикормина 3 р., Николая Любичкаго 3 р., Антоніи Щепинскаго 3 р., Петра Вахнина 3 р., Павла Браиловскаго 3 р. 15 к., церковнаго старосты Стефана Божко 3 р., губернскаго се-

кретаря Николая Ковалевскаго 3 р., губернскаго секретаря Александра Кондратьева 3 р., благочиннымъ безприходныхъ церквей г. Харькова представлено собранныхъ по листамъ: протоіереемъ Павломъ Солнцевымъ 5 р. 15 к., священникомъ Андреемъ Любарскимъ 4 р. 68 к., собрано: въ церкви Харьковской 1-й гимназіи 6 р. 92 к., въ Царице-Александровской церкви Харьк. исправит. отд. 1 р. 40 к., въ Сергіевской Харьк. гимназ. церкви 11 р. 18 к., отъ: Мих. Н. Знаменскаго 3 р., Дмитрія Никол. Правдина 3 р., Михаила Ивановича Высоцкаго 3 р., Алексѣя Петровича Грузинцева 3 р., Харьк. купца Мих. Ѳедор. Алексѣенко 3 р., игуменію Старобѣльскаго женскаго монастыря представлено собранныхъ въ недѣлю православія 11 р., благочиннымъ 2-го Богодуховскаго окр. собран. въ ту же недѣлю 50 р., благочиннымъ 2-го Харьковскаго округа собран. въ ту же недѣлю 27 р. 14 к., благочиннымъ 4-го Старобѣльскаго округа собран. въ ту же недѣлю 148 р. Всего въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поступило наличными 445 р. 63 к.

П Р О Г Р А М М А

занятій съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 7 іюня сего 1889 г., утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 24 апрѣля.

1) Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ; 2) разсмотрѣніе смѣтъ прихода и расхода суммъ на 1890 годъ; 3) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошлый 1888 годъ; 4) разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, по содержанію училища за 1888 г., а также и журналовъ ревизіоннаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета; 5) избраніе членовъ ревизіоннаго комитета на будущій 1890 годъ; 6) избраніе члена правленія отъ духовенства, по случаю смерти бывшаго члена правленія священника Николая Базилевича; 7) объ увеличеніи оклада жалованья учителю приготовительнаго класса Петру Титову; 8) объ отчисленіи ежегодно въ пользу учителей $\frac{2}{3}$ суммы, поступающей въ правленіе отъ учениковъ изъ свѣтскихъ сословій за право обученія ихъ въ семь училищъ; 9) о приобрѣтеніи прилежающаго къ училищному двору двороваго съ постройками мѣста, принадлежащаго домовладѣльцу Богданову.

Епархіальныя извѣщенія

Священникъ Успенской церкви слоб. Барвенковой Изюмскаго уѣзда Александръ *Церковничій* награжденъ набедренникомъ.

— Занятный священникъ Аггей *Любинскій* назначенъ сверхштатнымъ священникомъ въ Николаевскій женскій монастырь Харьковскаго уѣзда.

— Возстановлено мѣсто второго священника при Николаевской церкви села Тарасовки Купянскаго уѣзда и на это мѣсто определенъ безмѣстный священникъ Іоаннъ *Стефановъ*.

— Священникъ Николаевской церкви слоб. Березовки Харьковскаго уѣзда Симеонъ *Флоринскій* перемѣщенъ въ с. Одноробовку того же уѣзда.

— Священникъ Алексѣй *Иванчикій* утвержденъ законоучителемъ Котляровскаго начальнаго народнаго училища Изюмскаго уѣзда.

— Утвержденъ второй клиръ при Николаевской церкви с. Кругляковки Купянскаго уѣзда и вторымъ священникомъ перемѣщенъ туда 24 апрѣля священникъ Петръ *Торанскій*, а вторымъ псаломщикомъ сынъ псаломщика Михаилъ *Николаевскій*.

— Діаконъ села Бабаевъ Харьковскаго уѣзда Іоаннъ *Крыжановскій* определенъ священникомъ къ Воскресенской цер. сел. Хорошева того же уѣзда.

— Священникъ Николаевской ц. с. Влѣзекъ Лебединскаго у. Николай *Любичскій*, псаломщикъ Покровской ц. г. Лебедина Андрей *Полянскій* и сверхштатный псаломщикъ Р. Богородичной ц. слоб. Будняки, Лебединскаго уѣзда, Иванъ *Дмитріевъ* волю Божію умерли.

— Учитель Іоаннъ *Кипаренко* определенъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви сл. Липецъ, Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Іоаннъ *Пантелеймоновъ* определенъ діакономъ къ Покровской церкви села Безлюдовки Харьковскаго уѣзда.

— На вновь открытое второе псаломщицкаго мѣсто къ Георгіевской церкви слоб. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, определенъ уволенный изъ 3 класса Харьковскаго духовнаго училища причетнической сынъ Петръ *Доброничскій*.

— На праздно псаломщицкое мѣсто къ Троицкой церкви слоб. Малой-Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, определенъ уволенный изъ 4 класса Харьковской духовной семинаріи воспитанникъ священнической сынъ Петръ *Склябинскій*.

— Священнической сынъ Василій *Бѣляевъ* определенъ псаломщикомъ къ Покровской церкви слоб. Старой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ села Бабаевъ Петръ *Крыжановскій* перемѣщенъ къ Успенской церкви слоб. Коломака Валковскаго уѣзда.

— Утверждены духовниками во 2-мъ округѣ Богодуховск. уѣзд. прот. Архангело-Михайловской ц. г. Краснокутска Павелъ *Малишевскій*, и свящ. Успенской ц. сл. Колонтаева Михаилъ *Сильванскій*.

— Утверждены церковными старостами: кр. Григорій *Посоховъ* и куп. Петръ *Перфильевъ* 1-й къ Митрофаніевской ц. сел. Куземовки Купянск. уѣз., а 2-й къ Николаевской ц. г. Купянска; кр. Григорій *Брусъ* и Макарій *Кузнецовъ* 1-й къ Владимирской ц. сел. Должика, а 2-й къ Рождество Богородичной ц. сел. Удъ Харьк. уѣзд.; кр. Андрей *Прокопенко* къ Дмитріевской ц. сл. Золотого-Колодезя, Изюмск. уѣзд. на первое трехлѣтіе; къ Успенской ц. сл. Коломака Валковск. уѣзд. кр. Филимонъ *Кодрачій*; къ ц. сел. Введенскаго Зміевск. уѣзд. кр. Андрей *Кольшикинъ*; къ ц. с. Козѣвки Богодуховск. уѣзд. дв. Иванъ *Кременецкій*;

Отъ Хорошевскаго Духовнаго Приюта.

Госпожа игуменья Хорошевскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря симъ извѣщаетъ родителей и родственниковъ воспитаницъ Хорошевскаго духовнаго приюта, что отпускъ въ приютъ на предстоящія каникулы будетъ въ Субботу 27-го числа сего Мая.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Положеніе церковныхъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Открытие памятника Царю - Освободителю въ Ченстоховѣ.—Распространеніе христіанства среди киргизовъ.—Приютъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси.—Общество распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Некрологъ.

Съ перемѣною правленія въ Сербіи воцарились порядокъ и спокойствіе. Регентство, пользующееся пока довѣріемъ народа, обратило вниманіе прежде всего на устройство церковныхъ дѣлъ, разрушенныхъ самовольно прежнимъ правительствомъ. Въ этихъ видахъ оно обратилось съ приглашеніемъ вернуться на родину митрополиту Михаилу. «Митрополитъ Михаилъ возвращается»,— вотъ радостная вѣсть, которая облетѣла столицу Сербіи—Бѣлградъ. Митрополитъ по возвращеніи войдетъ въ соглашеніе съ правительствомъ относительно измѣненія антиканоническихъ законовъ, которые были главною причиною его удаленія. Законы эти были утверждены напредняцкою скупщиной, и только скупщиной же могутъ быть измѣнены. Ближайшая скупщина соберется въ сентябрѣ. Нечего и говорить, въ какой мѣрѣ важно принятое регентствомъ и министерствомъ рѣшеніе. Возвращеніе законнаго митрополита сразу положитъ конецъ церковному не порядку въ Сербіи и уничтожитъ въ корнѣ начинавшійся расколъ, бывшій одною изъ главныхъ причинъ отчужденія Сербіи отъ Россіи.

Митрополиту Михаилу, какъ сообщаетъ «С. Т. А.», по возвра-

щеніи его въ Сербію, предложено будетъ учредить изъ духовныхъ лицъ комиссію, подъ его предсѣдательствомъ, для пересмотра изданныхъ напредняками церковныхъ законовъ и для указанія правительству способовъ правильнаго рѣшенія церковнаго вопроса. Сербская печать обнаруживаетъ сильное пробужденіе церковно-національнаго духа. Газета «Серпска Независимость» помѣстила большую статью на тему о единствѣ сербской народности и православія и заканчиваетъ ее привѣтомъ митрополиту Михаилу. «Мы требуемъ, заключаетъ она свою статью, возстановленія законнаго порядка въ сербской церкви и канонической іерархіи. Мы твердо увѣрены, что скоро доживемъ до этой минуты, и думаемъ, что будемъ выразителями мнѣнія всего сербскаго народа, если скажемъ, что въ ту минуту весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнетъ: «Добро пожаловать, нашъ архипастырь Михаилъ, мученикъ за нашу святую церковь и православіе!»

Вмѣстѣ съ митрополитомъ Михайломъ вернется въ Сербію и королева Наталія, чтобы неразлучно быть при сынѣ и руководить его воспитаніемъ, и это тѣмъ болѣе необходимо, что здоровье юнаго короля видимо разстраивается отъ тоски, какою онъ испытываетъ отъ разлуки съ матерью.

Начинаютъ возвращаться по немногу и другіе достойнѣйшіе представители сербской церкви, подвергавшіеся всякимъ несправедливостямъ и бѣдствіямъ въ царствованіе Милана. Такъ въ Сербіи ожидаютъ прибытія изъ Швейцаріи бывшаго епископа шабацкаго Іеронима. Въ Бѣлградѣ идутъ приготовленія къ его встрѣчѣ. Изъ Бѣлграда онъ возвратится въ свою епархію въ Шабаць. Третій отставленный епископъ Моисей не покидать Сербіи. Лишенный всякихъ матеріальныхъ средствъ, онъ тѣмъ не менѣ мужественно боролся съ новыми церковными порядками, неоднократно отказываясь отъ выгодныхъ предложеній, которыя дѣлались ему напредняками. Наконецъ король Миланъ, тронутый его бѣдственнымъ положеніемъ, назначилъ его членомъ государственнаго совѣта, мѣсто, которое онъ могъ занять, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ.

— Въ Босніи и Герцоговинѣ, занятыхъ Австро-Венгріей, идетъ усиленная пропаганда рим.-католицизма при посредствѣ черной гвардіи его—іезуитовъ. И успѣхи этой пропаганды уже весьма замѣтны. Нѣсколько времени тому назадъ въ Босніи и Герцоговинѣ рим.-католическій костелъ и іезуитъ одинаково были рѣдкостью; теперь все измѣнилось: почти въ каждомъ городѣ и во многихъ

селахъ находится масса костеловъ, а множество различнаго рода рим.-католическихъ монаховъ бросается въ глаза на каждомъ шагу. Монахи эти творятъ невѣроятныя вещи и пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства. Православные стѣснены во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и почти отовсюду удаляются; поступить на службу удается не иначе, какъ съ переходомъ въ католичество; принявшій рим.-католичество находитъ повсемѣстное участіе и можетъ рассчитывать на будущія блага. На дняхъ въ одно находящееся около Сараева село на мѣсто скончавшагося священника посланъ былъ іезуитъ для исполненія необходимыхъ и повседневныхъ требъ! Такіе случаи встрѣчаются на каждомъ шагу. Народъ стонетъ подъ игомъ непрощенныхъ «пастырей» іезуитовъ и терпитъ, надѣясь лишь на то, что вопль его будутъ услышаны и ему дана будетъ помощь и отрада.

— 17 апрѣля въ Ченстоховѣ (Петроковской губ., въ Польшѣ) при великолѣпной погодѣ и огромномъ стеченіи народа состоялось въ 2 часа торжество открытія памятника, сооруженнаго крестьянами Царю-Освободителю. Къ памятнику прибыли духовныя процессіи: православная и католическая. По освященіи памятника войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и раздались выстрѣлы изъ орудій. На обѣдѣ епископъ Бересневичъ произнесъ рѣчь. Исторія сооруженія памятника такая: съ 1885 г. на гминныхъ (волостныхъ) сходахъ, сначала въ губерніяхъ Ломжинской, Калишской, Кѣлецкой, Люблинской, а послѣ и въ другихъ губерніяхъ Привислянскаго края, крестьяне стали единодушно выражать желаніе соорудить на средства сельскихъ жителей края памятникъ въ Возѣ почивающему Императору Александру II, даровавшему крестьянамъ свободу и земельную собственность. Для этого гминные сходы опредѣляли обложить крестьянъ равномѣрнымъ и необременительнымъ для нихъ сборомъ, большею частью—по величинѣ ихъ земельныхъ участковъ. Такимъ образомъ, каждый крестьянинъ, полный чувства благоговѣйной признательности къ памяти Императора Александра II, внесъ для увѣковѣченія этой памяти заработанныя свободнымъ трудомъ копѣйки. И образовалось изъ такихъ копѣекъ около 77 тысячъ рублей!

Крестьяне Привислянскаго края ежегодно десятками тысячъ стекаются на богомолье въ городъ Ченстоховъ, Петроковской губ., гдѣ, въ монастырѣ, на такъ-называемой Ясной горѣ, находится глубоко-почитаемый ими чудотворный образъ Божіей Матери. Поэтому и предположено поставить памятникъ Императору Але-

ксандру II въ этомъ мѣстѣ, наиболѣе посѣщаемомъ крестьянами. Здѣсь, при взглядѣ на памятникъ, крестьяне богомольцы всегда помянуть въ своихъ горячихъ молитвахъ къ Всевышнему душу въ Бозѣ почивающаго своего Освободителя и Благодѣтеля.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ на всеподданнѣйшей запискѣ Варшавскаго генераль-губернатора объ этомъ намѣреніи крестьянъ соорудить памятникъ Его незабвенному Родителю Высочайше начертать соизволилъ: «Я совершенно одобряю эту мысль и—благодарить жертвователей». Затѣмъ и модель памятника (изображеніе памятника въ маленькомъ видѣ) была поднесена на благоусмотрѣніе Государя Императора и удостоилась Высочайшаго утвержденія. Согласно той модели, памятникъ должна составлять бронзовая статуя (фигура), изображающая Императора Александра II, вышиною въ 5 аршинъ, поставленная на пьедесталь (основаніе) изъ краснаго и темно-сѣраго гранитнаго камня, вышиною въ 7¹/₂ аршинъ.

— Въ прошломъ 1888 году исполнилось пять лѣтъ существованія въ Буконскомъ поселѣ стана киргизской миссіи. Изъ всѣхъ протекшихъ годовъ этотъ годъ былъ самый отраднѣйшій для киргизской миссіи. Во время миссіонерскихъ поѣздокъ по киргизскимъ ауламъ, къ проповѣди миссіонера большая часть слушателей относилась съ полнымъ вниманіемъ. Крестившихся въ этомъ году было 23 человекъ, въ числѣ которыхъ было одно семейство, состоящее изъ 5 человекъ. Какъ число крестившихся, такъ и крещеніе въ одинъ разъ цѣлой семьи—явленіе первое еще въ киргизской миссіи. Въ числѣ пособниковъ дѣлу проповѣди евангельской среди мусульманствующихъ киргизовъ, первое мѣсто принадлежитъ степному генераль-губернатору Г. А. Колпаковскому. По его распоряженію, для крещающихся киргизовъ отведенъ участокъ земли хлѣбопахатной и сѣнокосной, вблизи новооткрытаго въ Буконскомъ поселѣ стана киргизской миссіи, новокрещенные надѣлены земледѣльческими орудіями и проч. По примѣру и распоряженію генераль-губернатора мѣстное гражданское и военное начальство оказываютъ содѣйствіе миссіи, неуклонно исполняя законныя требованія миссіонера и ограждая новокрещенныхъ киргизовъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны властей некрещенныхъ ихъ единоплеменниковъ. Частныя лица также помогаютъ новокрещеннымъ. Киргизскій миссіонеръ извѣщаетъ, что, когда онъ сталъ собирать въ Больше-Нарымскѣ пожертвованія на новокрещенныхъ, то одна пріѣзжая женщина явила усердіе евангельской

вдовицы: за неимѣніемъ денегъ и вещей лишнихъ, она сняла съ ребенка своего рубашку, а съ себя — платокъ и отдала эти вещи новокрещеннымъ, которые, встаети сказать, очень бѣдны.

— Въ Полтавской епархіи въ память девятисотлѣтія крещенія Руси учрежденъ Свято-Владимірскій пріютъ при Велико-Будищскомъ женскомъ монастырѣ для призрѣнія вдовъ, калѣкъ и малолѣтнихъ дѣтей-сиротъ духовнаго званія женскаго пола. На первыхъ порахъ пріютъ разсчитанъ на 45 лицъ, такъ что на каждый уѣздъ въ епархіи приходится 3 лица. Средства на содержаніе пріюта слѣдующія: 1) ежегодные взносы съ духовенства епархіи въ размѣрѣ 1 р. 20 к. съ протоіереевъ-священниковъ, 60—штатныхъ діаконовъ и 40 к. отъ псаломщиковъ и діаконовъ, состоящихъ на псаломщической вакансіи; 2) частныя пожертвованія; 3) доходъ отъ работъ призрѣваемыхъ лицъ и 4) оставшееся отъ нихъ имущество, если они умираютъ, не сдѣлавъ завѣщанія и не имѣя законныхъ наслѣдниковъ.

— 14 апрѣля состоялось годовое собраніе «Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи», на коемъ сообщенъ былъ отчетъ о дѣятельности общества за 1888 годъ. Извлекаемъ изъ него слѣдующія свѣдѣнія. Въ составѣ общества къ концу отчетнаго года было 1,303 члена, въ томъ числѣ 473 лица духовнаго званія и 7 книгоношъ. Св. книгъ продано было 60,996 экз., подарено 6,938 экз. Изъ всего количества 67,934 экз. наиболѣе распространено было 7-ю книгоношами (37,243 экз.), затѣмъ членами—сотрудниками и корреспондентами (26,469 экз.); остальные 3,468 экз. проданы были изъ С.-Петербургскаго склада и изъ склада, кіоска и переносной палатки въ Москвѣ. Отношеніе между количествомъ св. книгъ, распространенныхъ книгоношами (37,243 экз.) и количествомъ св. книгъ проданныхъ изъ складовъ (3,468 экз.) наглядно показываетъ разницу между книгою, которую предлагаютъ, и книгою, которая ожидаетъ покупателя, — между книгою лежачею и книгою ходячею.

Одинъ изъ книгоношъ отправленъ былъ, между прочимъ, въ Соловецкій монастырь во времени стеченія туда богомольцевъ, и частью продалъ, частью раздарилъ (неимущимъ) около 1,800 экз. св. книгъ. Другой книгоноша, посланный въ Восточную Сибирь, распространилъ почти 8,000 экз. св. книгъ по городамъ и селеніямъ Енисейской и Иркутской губерній. Самыми усердными покупателями, какъ и всегда, были солдаты; новобранцы, выучившись въ полку грамотѣ, съ радостью покупаютъ у книгоноши Евангелія, Новые

Завѣты и даже Библіи, познакомься съ содержаніемъ ихъ; и усердное чтеніе Слова Божія не оставалось безъ дѣйствія: брань, картежь и т. п. замѣтно уменьшались въ казармѣ. Иной солдатъ послѣднія деньги отдавалъ за св. книгу, или не имѣя денегъ продавалъ какую нибудь вещь, чтобы добыть ихъ. «Сапоги продамъ, а Библию куплю!» воскликнулъ одинъ изъ нихъ, увидя Библию у мѣстнаго священника, члена общества, получившаго ее на коммиссію вмѣстѣ съ другими св. книгами.

Къ сожалѣнію въ средствахъ общества, въ отчетномъ году, оказался дефицитъ въ 1,100 рублей.

При обсужденіи мѣръ къ покрытію его, между прочимъ, постановлено было предложить каждому члену собрать отъ 10 своихъ знакомыхъ хотя по 10 копѣекъ съ cadaго, выслать : тотъ рубль въ общество,—и дефицитъ былъ бы покрытъ. Еще одно обстоятельство является предметомъ тревоги для дѣла общества. Отправляя книгоношу въ какую либо отдаленную мѣстность, какъ Сибирь, Туркестанъ, Приамурскій край, св. книги посылались ему почтою, въ количествѣ многихъ пудовъ, такъ какъ пересылка книгъ по почтѣ пользовалась недавно еще льготою, а именно наибольшая плата, даже въ отдаленнѣйшія мѣста не превышала 20 к. съ фунта, или 8 р. за пудъ; но съ 1 апрѣля настоящаго года льгота эта отмѣнена, и книги наравнѣ съ прочими предметами, пересылаемыми по почтѣ, обложены платою въ 10 коп. съ фунта за каждую тысячу верстъ. Такимъ образомъ отправка почтою 1 пуда св. книгъ въ Иркутскъ напр. обойдется въ 22 р. 80 к., въ Якутскъ—34 р., а во Владивостокъ (9,222 вер. отъ С.-Петербурга) 40 р. Пересылка во Владивостокъ одной только Библіи, вѣсящей до 6 фунтовъ, обойдется въ 6 р.

Подобнаго расхода общество очевидно нести не можетъ, такъ какъ пересылку св. книгъ оно принимаетъ на свой счетъ, чтобы они могли повсюду быть продаваемы по одной и той же дешевой цѣнѣ. Общество предполагаетъ ходатайствовать о сохраненіи за нимъ прежней льготы по пересылкѣ св. книгъ почтою, въ виду благого дѣла его.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ первомъ часу ночи съ 8-го на 9-е число текущаго мая, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ, энергическихъ и образованныхъ протоіереевъ г. Харькова, бывшій ректоръ Харьковской семинаріи, Василій Ѳеодоровичъ Энеидовъ. Покойный о. протоіерей все время своего служенія провелъ въ г. Харьковѣ и послѣдовательно занималъ должности преподавателя Харьковской семинаріи, священника, протоіерея, члена консисторіи, инспектора мѣстной семинаріи и наконецъ ректора той же семинаріи. Счастливо одаренный отъ природы отличными способностями, обогащенный многосторонними знаніями и опытностію, до конца жизни своей сохранившій простоту христіанской вѣры въ соединеніи съ высокимъ научнымъ образованіемъ, энергическій и неутомимый о. протоіерей исполнялъ всѣ возлагаемыя на него должности съ несомнѣннымъ успѣхомъ, съ честію для себя и очевидною пользою для дѣла, и заслужилъ всеобщее уваженіе и искреннюю любовь всѣхъ знавшихъ его людей. Покойный о. протоіерей былъ сыномъ сельскаго священника Рязанской губерніи и родился въ 1818 году. По окончаніи училищнаго и семинарскаго обученія въ Рязанской епархіи, онъ въ 1839 г., какъ отличный по успѣхамъ и благоправію воспитанникъ, посланъ былъ на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ наукъ со степенью магистра богословія, въ 1843 году. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, Св. Синодомъ онъ опредѣленъ былъ въ Харьковскую семинарію преподавателемъ всеобщей и русской гражданской исторіи въ низшемъ и среднемъ отдѣленіи семинаріи. Съ тѣхъ поръ любимыми научными занятіями его сдѣлались историческія изслѣдованія, и въ области историческихъ наукъ онъ обладалъ обширными и разнообразными свѣдѣніями. Какъ преподавателю исторіи, ему, вмѣстѣ съ двумя другими семинарскими преподавателями, поручено было епархіальнымъ начальствомъ привести въ порядокъ семинарскій архивъ и провѣрить дѣла Харьковскаго семинарскаго правленія съ 1839 года по 1844 годъ включительно. За отличное исполненіе этого порученія, равно какъ за благоуспѣшное преподаваніе историческихъ наукъ воспитанникамъ семинаріи, въ 1846 г. ему изъявлена была преосвященнымъ Иннокентіемъ (Борисовымъ) особая признательность. Это была его первая служебная награда. Въ это же время онъ женился на дочери купца, и не имѣя возможности содержать себя и жену на скудномъ семинарскомъ жалованьи и при этомъ давно чувствуя расположенность къ священному званію, онъ, за немнѣніемъ въ г. Харьковѣ священническаго мѣста, рѣшился принять священническое мѣсто въ селѣ и былъ рукоположенъ въ

священный сапъ къ Архангело-Михайловской церкви села Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда. Впрочемъ сельскимъ священникомъ онъ числился не долго. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 года, онъ опредѣленъ былъ для священнослуженія въ г. Харьковѣ къ Спасо-Преображенской церкви при Харьковскомъ благотворительномъ обществѣ, по прежнему продолжая преподаваніе исторіи въ Харьковской семинаріи. Въ это же время онъ принялъ на себя безмездное преподаваніе Закона Божія призрѣваемымъ дѣтямъ Харьковскаго благотворительнаго общества, что и исполнялъ съ 1 сентября 1847 г. по 1 сентября 1849 года. За всѣ эти труды и въ особенности за благоусѣбныя труды по должности преподавателя семинаріи, онъ въ 1848 г., помимо низшихъ наградъ для духовныхъ лицъ, возведенъ былъ въ сапъ протоіерея, а въ 1849 году переименованъ къ Харьковской Дмитріевской церкви, гдѣ своею истинно-пастырскою дѣятельностію, внимательностію и заботливостію вскорѣ снискалъ всеобщую любовь и искреннее уваженіе со стороны всѣхъ своихъ прихожанъ. Съ тѣхъ поръ на покойнаго о. протоіерея возлагаемы были многія и разнообразныя должности. Такъ, между прочимъ, въ 1849 году онъ назначенъ былъ ревизоромъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, а въ 1855 году—казначеемъ по попечительству и комитету училища дѣвицъ духовнаго званія. По увольненіи отъ должности преподавателя семинаріи въ 1855 году, онъ въ 1856 году назначенъ исправляющимъ должность члена консисторіи, и въ то же время состоялъ членомъ постоянного ревизіоннаго комитета штатныхъ суммъ по духовному вѣдомству. Въ 1859 г. покойный о. протоіерей опредѣленъ дѣйствительнымъ членомъ консисторіи, и въ томъ же году назначенъ былъ членомъ комитета по перестройкѣ Харьковскаго архіерейскаго дома, равно какъ опредѣленъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1861 г., по мысли преосвященнаго Макарія (Булгакова), извѣстнаго своею ученою дѣятельностію, въ г. Харьковѣ сталъ издаваться ученый богословскій журналъ «Духовный Вѣстникъ», и цензоромъ по изданію этого журнала назначенъ былъ покойный о. протоіерей, въ каковой должности состоялъ съ 30 сентября 1861 г. по 1 января 1863 г. Въ то же время онъ назначенъ былъ членомъ временнаго ревизіоннаго комитета для обревизирования отчетовъ по содержанію за 1861 г. Харьковской семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ. За добросовѣстное исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей и порученій, кромѣ обычныхъ въ духовномъ званіи наградъ, покойный о. протоіерей пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени, въ 1864 году. Но, безъ сомнѣнія, самая плодотворная и самая приснопамятная дѣятельность его въ Харьковской епархіи началась въ 1867 г., когда онъ, по избранію общаго педагогическаго собранія правленія Харьковской духовной семинаріи, опредѣленъ былъ Св. Синодомъ на должность инспектора

мѣстной семинаріи, съ увольненіемъ отъ всѣхъ, занимаемыхъ имъ до этого времени должностей по епархіальному вѣдомству. То было кипучее время всеобщихъ реформъ. Реформировалась и мѣстная семинарія; введеніе въ ней реформы потребовало многихъ усилій, трудовъ и заботъ. Надобно было не только приспособить семинарское зданіе къ потребностямъ новой, реформенной жизни; но и дать иное направленіе самому теченію этой жизни, согласное съ требованіями новаго семинарскаго устава. И, безъ преувеличенія можно сказать, что всю эту тяжелую и трудную работу вынесъ на своихъ плечахъ энергическій и неутомимый покойный о. протоіерей. Онъ не только состоялъ членомъ временнаго строительнаго комитета по переустройству и исправленію семинарскихъ зданій, но главнымъ образомъ онъ же сообщалъ новое направленіе семинарской жизни. Особенно это надобно сказать о томъ времени, когда онъ, за назначеніемъ бывшаго ректора здѣшной семинаріи архимандрита Веніамина на чреду священнослуженія въ С.-Петербургѣ на весь 1870 годъ, исправлялъ должность ректора семинаріи во все это время, по 16 февраля 1871 года, и за тѣмъ, послѣ незначительнаго перерыва, назначенъ былъ временно исправляющимъ ректорскую должность этой же семинаріи въ 1872 году. А между тѣмъ это время было самое мрачное и самое трудное въ его жизни; у него тяжело заболѣла жена и за тѣмъ, послѣ продолжительной болѣзни, скончалась; къ труднымъ заботамъ служебнымъ присоединились еще заботы семейной жизни; вездѣ требовались его личныя распоряженія и его личный надзоръ. И дѣятельность его въ это время по-истинѣ была неутомимая; онъ удивлялъ своихъ сослуживцевъ своею неутомимою энергіею. Безъ сомнѣнія, въ этотъ то періодъ времени онъ подорвалъ свое, довольно крѣпкое отъ природы, здоровье. Между тѣмъ сентября 22 дня 1872 года, по избранію общаго педагогическаго собранія Правленія мѣстной семинаріи, онъ утвержденъ былъ Св. Синодомъ въ должности ректора Харьковской дух. семинаріи. Сдѣлавшись ближайшимъ и непосредственнымъ начальникомъ мѣстной семинаріи, онъ съ честію исполнялъ свои новыя обязанности и еще болѣе усилилъ свои заботы о благѣ ввѣреннаго ему заведенія. Кому неизвѣстны тѣ вѣянія, которыя невѣдомо откуда распространились среди учащейся молодежи семидесятыхъ годовъ; вѣянія эти, конечно въ слабой степени и лишь спорадически, приражались однакоже и къ ввѣренному ему учебному заведенію. Но покойный о. ректоръ семинаріи возсталъ противъ этихъ вѣяній со всею силою своей опытности, энергіи, и со всею силою своего авторитета. И дѣятельность его оказалась вполне благоуспѣшной. Онъ ограждалъ ввѣренное ему учебное заведеніе отъ всякихъ вѣяній и увлеченій, энергически продолжалъ и довелъ до конца реформу мѣстной семинаріи и съумѣлъ возвести ее на высокую степень совершенства, за что, по засви-

дѣтельствванію Св. Синода объ отлично-усердной службѣ его, онъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 степени. Это была его послѣдняя служебная награда. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи еще трехъ съ половиною лѣтъ, онъ управлялъ семинарією и все свое вниманіе обращалъ на проведеніе реформъ во внутреннюю жизнь заведенія, на духъ и методъ преподаванія наукъ и въ особенности на духъ воспитанниковъ семинаріи; какъ всегда и во всѣхъ случаяхъ, подъ его главнымъ руководствомъ дѣло это шло очень успѣшно; но уже силы его видимо измѣнялись ему, онъ сталъ часто болѣть, а потому, согласно прошенію своему по болѣзненному состоянію здоровья, указомъ Св. Синода отъ 14-го декабря 1877 года уволенъ отъ должности ректора Харьковской дух. семинаріи, съ правомъ на полученіе ежегодной пенсіи по 800 р. въ годъ. Будущій историкъ Харьковской епархіи конечно замѣтитъ, что покойный о. протоіерей съ честью трудился для этой епархіи всю свою жизнь; но главнымъ образомъ онъ замѣтитъ, что этому уважаемому протоіерю принадлежитъ слава проведенія реформы 1867 года въ мѣстную семинарію; эту реформу онъ горячо принималъ къ своему сердцу и провелъ ее съ полною энергією, знаніемъ и опытностію. Строгій къ себѣ, онъ требовалъ строгаго исполненія своихъ обязанностей и отъ другихъ, и мѣстная семинарія никогда не забудетъ его трудовъ въ этомъ направленіи. Послѣдніе 11 лѣтъ своей жизни, т. е. въ отставкѣ, покойный о. протоіерей провелъ въ борьбѣ съ тяжкимъ и неизлечимымъ недугомъ (болѣзнь почекъ) и отошелъ ко Господу съ благою совѣстію, какъ нелицѣстный, усердный и добре потрудившійся дѣятель на нивѣ Господней. Онъ скончался на 72 году своей жизни. Въ выносѣ тѣла покойнаго о. протоіеря (11 мая) изъ его дома въ семинарскую церковь благоволилъ принять участіе преосвященный Петръ, епископъ Сумскій, вмѣстѣ со многими духовными лицами г. Харькова; онъ же совершилъ за тѣмъ заупокойную литургію и отпѣваніе тѣла почившаго. Покойный протоіерей похороненъ на старо-Харьковскомъ кладбищѣ, сопровождаемый къ мѣсту упокоенія о. ректоромъ мѣстной семинаріи І. А. Кратировымъ, многими оо. протоіереями и другими духовными лицами г. Харькова, всѣми воспитанниками мѣстной семинаріи и многочисленнымъ обществомъ Харьковскихъ гражданъ. Въ семействѣ его остались три замужнія дочери и одна дѣвица.

Миръ праху твоему честный, энергическій и высокообразованный духовный отецъ и учитель нашъ!

Труды Архимандрита Бориса

(Плотникова).

О сравнительной миеологии Макса Мюллера. Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миеовъ. Воронежъ. 1880.

Среднеболгарскій служебникъ 1532. Палеографико-этнологическое изслѣдованіе. Воронежъ. 1880.

Изъ церковно-общественной жизни въ Сибири. Сборникъ статей. Томскъ. 1884.

Вопросъ о классинахъ. Взглядъ на его исторію, его современное состояніе и значеніе. Казань. 1884. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Періодъ первый. Отъ начала христіанства до Константина Великаго. Казань. 1885. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Печатается слѣдующій выпускъ «Исторіи христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности»: періодъ второй—отъ Константина Великаго до окончательнаго паденія греко-римскаго язычества.

Опытъ объясненія XLIX главы книги Бытія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на апологетическое ея значеніе. Москва. 1888. Ц. 25 к.

О началѣ міра. Апологетическое изслѣдованіе. Москва. 1889. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Основные принципы научной теоріи литературы. Методологическое изслѣдованіе. Воронежъ. 1888. Ц. 70 к., съ перес. 80 к.

Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ. Выпускъ первый. О пространствѣ и времени. Москва. 1888. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще. Съ предварительнымъ трактатомъ: Задачи метафизики. Введеніе въ курсъ метафизики. Харьковъ. 1889. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Общее введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря церкви научное знаніе богословія? Кіевъ. 1889. Ц. 20 к.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Ираклій,

ВИЗАНТІЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ СЕДЬМАГО ВѢКА.

Гавриила Ласкина.

Цѣна 2 р. 50 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ Полуехтова (въ Харьковѣ).

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ 1, 2 и 3 части

ТВОРЕНІЙ

Святаго Григорія Богослова,

Архіепископа Константинопольскаго.

Подписка принимается и на всѣ ШЕСТЬ частей Твореній сего Отца церкви, печатаніе которыхъ будетъ окончено не позднѣе Іюля сего года. Четвертая часть выйдетъ изъ печати въ Маѣ. Цѣна каждой части 1 р. 50 к. съ пересылкою.

АДРЕСЪ: въ Серіевъ Посадъ, Моск. губ., въ редакцію Твореній Святыихъ Отцевъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.